Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования Республики Крым
«КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВ И ТУРИЗМА»

На правах рукописи

БОРУНОВ Святослав Сергеевич

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КУЛЬТУРЕ КРЫМА

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
Микитинец Александр Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент

Симферополь
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …… 3

ГЛАВА 1
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ …….. 28

1.1 Мемориальное наследие как объект культурологического исследования ……..……..... 28

1.2 Мемориальное наследие как элемент культуры Крыма …… 51

ГЛАВА 2
ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КУЛЬТУРЕ КРЫМА ……..…… 70

2.1 Специфика увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в культуре Крыма в советский период ……..... 70

2.2 Культурная политика памяти о Великой Отечественной войне и коммеморативные практики в Крыму в постсоветский и современный периоды ……..... 111

ГЛАВА 3
ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ ……..……. 146

3.1 Репрезентация мемориального наследия Великой Отечественной войны в средствах массовой информации (на примере крымских газет)……..... 146

3.2 Крымское мемориальное наследие Великой Отечественной войны в произведениях киноискусства …… 184

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….. 223

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ……... 234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Тема увековечения памяти о Великой Отечественной войне представляет исследовательский интерес с точки зрения влияния, которое данный процесс оказывает на развитие как общенационального, так и регионального социокультурного пространства Российской Федерации. Мемориализация событий Великой Отечественной войны и ее героев также играет значимую роль в формировании культурной политики современной России, поскольку является неотъемлемым элементом структуры коммеморативного знания, фактором формирования и укрепления культурной идентичности, важнейших ценностных ориентаций общества, объединяющих российский народ как целостного исторического субъекта – российскую нацию.

На этом акцентируется внимание в обновленной Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, где в качестве важнейшего направления культурной политики выделено «развитие добровольческого движения (волонтерства) в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации, по увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны…»[1]. Кроме того, Федеральным законом от 05.04.2021 № 59-ФЗ [2] в статью 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации были внесены поправки, предусматривающие ответственность за отрицание преступлений нацистов и публичное распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны. Меры по недопущению оправдания и пропаганды нацистской идеологии закреплены и в Федеральном законе от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечивании памяти

---

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.» // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/ (дата обращения: 10.11.2024).

[2] Федеральный закон от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/400541325/ (дата обращения: 01.09.2023).

жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»[1]. Это свидетельствует о пристальном внимании к данной проблематике со стороны российского государства и российского общества.

Еще одним приоритетным направлением в культурной политике Российской Федерации стало обеспечение коммеморации событий Великой Отечественной войны в сферах культуры, искусства и науки. Так, в целях сохранения культурой памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Указом Президента Российской Федерации 2020 год в России был объявлен Годом памяти и славы[2], а 2025-й, знаменующий 80-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне, объявлен Годом защитника Отечества[3].

Именно в этом общественно-политическом и научном контексте определяется актуальность данного исследования, посвященного осмыслению уникального культурно-исторического наследия Крыма как региона, пережившего смену нескольких государственных юрисдикций и, соответственно, смену отношения к культурным объектам, несущим социально-значимую информацию. Это создало уникальную среду формирования культурной памяти и идентичности, где на протяжении жизни нескольких поколений последовательно наслаивались различные, зачастую конфликтующие, парадигмы культурной политики памяти. Поэтому изучение соответствующего заявленной тематике крымского материала позволяет выявить особенности адаптации, сопротивления и трансформации культурной памяти в условиях современных геополитических событий, что является бесценным опытом для дальнейшего развития и упрочения духовно-нравственных ценностей российского общества и его консолидации.

---

[1] Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечивании памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51851 (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 08.07.2019 № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44425 (дата обращения: 01.09.2023).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589 (дата обращения: 01.09.2023).

В силу этого проблемы теории и практики коммеморации являются особо актуальными в современных социально-гуманитарных науках, в частности в memory studies как междисциплинарном культурологическом направлении исследований, ориентированном на раскрытие культурно-исторических оснований мемориального наследия. В данном аспекте следует отметить, что мемориальное наследие Великой Отечественной войны, являющееся воплощением культурной памяти, служит своеобразным каналом коммуникации, посредством которого формируются маркеры преемственности прошлого поколения, адресованные настоящему и будущим поколениям.

Значимое место в мемориальном наследии занимают военные мемориалы (в том числе мемориалы Великой Отечественной войны), которые, объединяя функции коммеморации и коммуникации, сохраняют культурную память и культурную преемственность поколений. С этой целью военные мемориалы могут быть привлечены в качестве площадок для проведения массовых образовательных, культурно-просветительских мероприятий, научных конференций, творческих выступлений и музейных выставок, обеспечивая непрерывность трансляции культурного опыта и социально-значимой информации.

Помимо обозначенных функций военные мемориалы оказывают влияние на формирование эстетического облика города или иного населенного пункта. Они становятся достопримечательностью, дополняя культурный ландшафт и влияя на организацию окружающего пространства, создают «точку притяжения», способствуя консолидации локального сообщества вокруг общей культурной памяти и формируя ресурс развития культурно-познавательного туризма.

В контексте отечественного историко-культурного развития особое внимание уделяется мемориальному наследию Великой Отечественной войны. Оно оказывает сущностное воздействие на формирование культурной памяти и культурной идентичности нашего народа, на развитие как

регионального, так и общенационального культурного пространства Российской Федерации. Немаловажное значение в данном вопросе имеет анализ художественных образов мемориализации событий Великой Отечественной войны в публицистическом и художественном творчестве. Появление современных изданий и фильмов о Великой Отечественной войне, в том числе касающихся мемориального наследия, изучение советской публицистики и произведений искусства, возрождение мемориальных комплексов дает импульс к популяризации памятных мест Великой Отечественной войны на всей территории Российской Федерации, и, в частности, в Крыму.

При этом особенности репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма не были предметом отдельного комплексного культурологического изучения, что обуславливает актуальность данного диссертационного исследования. Его проведение представляется особенно своевременным сегодня – в эпоху цивилизационного противостояния, когда особое значение приобретает углубленное изучение культурно-исторических и духовно-нравственных основ российского народа, объединившегося для отражения геополитических вызовов современности.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью решения комплекса проблем, возникающих на стыке научной проблематики memory studies и практической необходимости репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны, с целью формировании культурной идентичности и социокультурного развития как нашей страны в целом, так и Крымского региона в частности.

Степень научной разработанности проблематики. Особенностью настоящего исследования является его междисциплинарный характер: рассматриваемая тема находится на стыке культурологии, философии, истории, политологии, социологии и других наук. Ее всестороннее раскрытие

предполагает комплексный подход и, как следствие, обращение к научной литературе из различных областей знания.

Выявлению особенностей и исследованию проблем сохранения военно-мемориального и историко-культурного наследия, а также культурной памяти посвящены труды Н. К. Гуркиной и А. П. Исаева[1], заложивших общетеоретические основы для классификации государственных механизмов охраны памятников.

Общие тенденции развития культурной политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве выявлены и проанализированы в работах Д. М. Ковбы и Е. Г. Грибовод[2].

Значительный вклад в изучение материальных объектов историко-культурного наследия Великой Отечественной войны внесли И. В. Леонов, И. В. Кириллов и А. В. Бондарев. В частности, ими обоснован концепт «призрачной деревни» как устойчивого элемента культурного кода, обеспечивающего связь с травматическим прошлым, а также предложен ценный теоретико-методологический аппарат для анализа мемориальных комплексов[3].

В докторской диссертации В. А. Рубина детально раскрывается роль военно-мемориального наследия в российской культурной политике. Автор предлагает свое определение термина «военно-мемориальное наследие», в котором, в соответствии со спецификой исследования, внимание фокусируется именно на материальной составляющей данного понятия[4].

---

[1] Гуркина Н. К., Исаев А. П. Охрана культурного наследия в России: история и современность. СПб., 2011. 111 с.

[2] Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. 2020. № 2 (39). С. 62; Львовски М. В. Кино-Крым: весь мир на ладони. Симферополь, 2017. 327 с.

[3] Леонов И. В., Кириллов И. В. Артефакты с военными «шрамами» и их статус в российской культуре: на примере памятников г. Севастополя и Республики Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8. № 3. С. 76–88; Леонов И. В., Кириллов И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 90–108; Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия // Журнал интегративных исследований культуры. 2019. Т. 1. № 1. С. 46–55;

[4] Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: автореф. дис. … д-ра культурологии. Челябинск, 2021. 40 с.

Среди исследований культурного наследия Великой Отечественной войны на территории Крыма особое место занимают труды А. В. Ишина[1], В. Н. Гурковича[2], В. Л. Руева, В. Г. Зарубина[3], А. В. Мальгина[4] и других. Отметим в них преобладание историко-фактологического подхода в изучении вопросов сохранения мемориального наследия Великой Отечественной войны на полуострове.

Анализ мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымском краеведении 1954–1991 годов осуществлен Н. В. Кармазиной[5]. Автор исследует деятельность крымских отделений украинского общества охраны памятников истории и культуры. При этом мемориальное наследие Великой Отечественной войны Н. В. Кармазина трактует как часть историко-культурного наследия Крыма, не выделяя мемориализацию военных событий в качестве отдельного направления деятельности общества.

Тема специфики послевоенного восстановления памятникоохранной деятельности в Крыму (1944–1953) получила научное освещение в трудах А. А. Соколова, основанных на детальном анализе материалов крымских архивов[6].

Исследованию специфики крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в историческом ракурсе посвящены работы В. А. Иванова, детально раскрывающего, в частности, хронологию и специфику функционирования лагеря смерти «Красный» в период

---

[1] Ишин А. В. Онтология Великой Победы (о вызовах и ответах в глобальной информационной войне) // Военно-исторические чтения. К 75-летию Великой Победы. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2020. С. 27–31.

[2] Гуркович В. Н. «Партизанская шапка». Анализ мемориальных текстов и предложения по их корректировке и перепланировке мемориала // Историческое наследие Крыма : сб. ст. Симферополь, 2017. С. 151–162.

[3] Руев В. Л., Зарубин В. Г. Правовые аспекты сохранения объектов культурного наследия в период интеграции Республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 году Историческое наследие Крыма. 2018 : сб. ст. Симферополь, 2019. С. 5–7.

[4] Мальгин А. В. Крымский областной краеведческий музей в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 годы) // Историческое наследие Крыма. 2024: сб. ст. Симферополь, 2024. С. 127–141.

[5] Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краэзнавства в Криму (1954–1991 рр.) // Бібліографія кримознавства; Вип. 4. Сімферополь. 2005. 178 с.

[6] Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 204.

нацистской оккупации Крыма[1]. Административно-хозяйственный аспект мемориализации событий Великой Отечественной войны в Крыму в 1944–1991 годах раскрыт в исследованиях А. Ю. Манаева[2]. Мемориальное наследие Великой Отечественной войны на полуострове через призму идеологического использования памяти о войне в контексте советского туризма изучает А. Д. Попов[3].

В исследованиях вышеперечисленных авторов преобладает историко-фактологический подход. Аспект, связанный с использованием мемориального наследия Великой Отечественной войны в целях формирования культурной памяти и идентичности, в них представлен в меньшей степени. Сегодня он приобретает особую актуальность в контексте формирования российской культурной идентичности в Крыму в постсоветский период и нуждается в самостоятельных научных изысканиях на стыке культурологии, memory studies и политологии. Такие исследования помогут преодолеть фрагментарность существующих работ и комплексно раскрыть роль мемориального наследия в конструировании культурной памяти.

Значимым для диссертационного исследования представляются труды, освещающие теоретико-методологические, региональные и политические аспекты феноменов культурного и мемориального наследия, идентичности и исторической памяти. В частности, Н. Б. Акоева и Е. А. Зенкова проанализировали механизмы актуализации традиций как элемента нематериального наследия[4]; И. И. Горлова и А. Л. Зорин разработали теоретико-методологические основы изучения культурного наследия,

---

[1] Иванов В. А. История и функционирование концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2. С. 161–166.

[2] Манаев А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в Крыму: памятникоохранный аспект (1944–1991) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2018. № 4. С. 25–39.

[3] Попов А. Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 43–48.

[4] Зенкова Е. А., Акоева Н. Б. Актуализация традиций в современном обществе как фактор сохранения нематериального культурного наследия // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 4. С. 126–134.

систематизировав ключевые подходы к трактовке понятия культурного наследия[1].

Н. Г. Денисов уточнил специфику регионального измерения исторической памяти и предложил практические модели ее проектирования[2]. Региональный аспект применения практик сохранения памяти о Великой Отечественной войне рассматривали А. Н. Еремеева, Т. В. Коваленко[3] и М. Л. Шуб[4].

Результаты исследования роли культуры и культурной памяти в обеспечении национальной безопасности представлены в работах А. В. Костиной, Э. Ф. Макаревича, О. И. Карпухина и В. А. Лукова[5] и М. В. Соколовой[6]. Анализу различных, в том числе региональных, аспектов современной культурной политики Российской Федерации, посвящены труды О. Н. Астафьевой, В. А. Горенкина, А. В. Швецовой[7], А. Я. Флиера[8].

Научные выводы, основанные на обозначенной проблематике, формируют фундамент для исследования культурной политики памяти, которая рассматривается как многоуровневое явление – от теоретических

---

[1] Горлова И. И., Зорин А. Л. О трактовке понятия «Культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы // Культурное наследие России. 2020. № 3. С. 3–13.

[2] Денисов Н. Г. Историческая память как объект и предмет современного социокультурного и образовательного проектирования (На примере Кубани и Крыма) // Культурное наследие России. 2017. № 4. С. 68.

[3] Еремеева А. Н., Коваленко Т. В. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1. С. 25–39.

[4] Рубин В. А., Шуб М. Л. Историко-культурные и правовые основания бытования объектов памяти (на примере памятников монументального искусства) / В. А. Рубин, М. Л. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2 (48). С. 52–58; Шуб М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов: монография; Челябинский государственный институт культуры. Челябинск: ЧГИК, 2021. 283 с.; Шуб М. Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 72–87.; Шуб М. Л. Место памяти о Великой Отечественной войне в структуре локальной идентичности (на примере Южного Урала) // XXIV Уральские социологические чтения «Молодежь, образование и общественная память»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2025. С. 141–142.

[5] Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Луков В. А. Культура как фактор национальной безопасности современной России: значение и ролевая модель. М., 2021. С. 19.

[6] Соколова М. В. Что такое историческая память? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 38–40.

[7] Астафьева О. Н., Горенкин В. А., Швецова А. В. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации: монография. Симферополь, 2019. 156 с.

[8] Флиер А. Я. Культурная политика и стратегии культурных взаимодействий // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). С. 10–18.

трактовок до практик реализации на региональном уровне и ее роли в обеспечении культурной идентичности.

Особую ценность в контексте исследования роли мемориального наследия Великой Отечественной войны в формировании культурной идентичности граждан Российской Федерации представляют зарубежные научные интерпретации данной темы. Они позволяют проанализировать истоки и динамику «мемориальных конфликтов» между отечественной и зарубежной оценкой военных событий и послевоенной культурной политикой памяти Советского Союза. Так, немецкий исследователь А. Черкасски выявляет механизмы формирования памяти о войне под воздействием идеологических и международных факторов[1]. Немецкий культуролог А. Ассман анализирует современные кризисные явления в политике памяти и конфликтный потенциал коммеморативных практик[2]. Американский социолог А. Юрчак предлагает оригинальную интерпретацию парадоксальной природы советского общества 1980–1990-х годов, внутренне готового к распаду социалистической системы, но при этом воспринимавшего ее как вечную[3].

Американский ученый Н. Тумаркин проводит комплексный анализ политико-идеологических, исторических, экономических и социальных факторов формирования культуры памяти о Великой Отечественной войне в Советском Союзе[4]. Отметим, однако, субъективность и политическую ангажированность автора, стремящегося подчеркнуть исключительно негативные стороны советской практики коммеморации военных событий.

Развитие культурной политики памяти в Крыму в контексте зарубежной интерпретации событий Великой Отечественной войны

---

[1] Черкасски А. Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. 2012. № 3 (25). С. 82.

[2] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2023. 232 с.

[3] Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2024. 664 с.

[4] Tumarkin N. The Great Patriotic War as myth and memory // European Review. 2003. Vol. 11. №. 4. P. 601–602.

исследуется украинским автором Г. В. Касьяновым[1]. Автор анализирует становление и развитие украинской культурной политики памяти, в том числе на территории Крыма, механизмы переосмысления памяти о Великой Отечественной войне в рамках концепции украинского этноцентризма. Эти же вопросы поднимаются и шведским автором А. Рудлингом, изучающим институциональные механизмы формирования украинской культурной политики памяти[2].

Ряд публикаций отечественных ученых посвящен особенностям отражения культурной политики памяти о Великой Отечественной войне в современном российском искусстве. Так, комплексное исследование Д. А. Ананьева выявляет динамику репрезентации темы Великой Отечественной войны в советском и российском киноискусстве[3]. В данном контексте примечательно исследование крымского журналиста М. В. Львовски, представившего обобщающий анализ репрезентации образа Крыма в киноискусстве XX и XXI века[4]. Исследование специфики кинематографических образов Севастополя в советском игровом кино провели Е. В. Волков, А. А. Каримов, Т. В. Смирнова[5] и И. В. Сибиряков[6]. Существенный вклад в изучение идеологического аспекта репрезентации образа коллаборационистов и динамики использования крымских локаций в

---

[1] Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. 285 с.

[2] Rudling A. Repatriating An Edifying Past: The Diaspora Ukrainian Authoritarian Right and Power Over Memory, 1991–2021 // Nationalities Papers. 2024. 52: 6. P. 1308–1331.

[3] Ананьев Д. А. Великая Отечественная война в освещении советского и российского кинематографа: основные тенденции и проблемы // Международный журнал исследований культуры. 2020. №. 4. С. 26–39.

[4] Львовски М. В. Кино-Крым: весь мир на ладони. Симферополь, 2017. 327 с.

[5] Волков Е. В. Образы Севастополя периода Второй мировой войны в советском игровом кино // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 15. С. 10–16.; Смирнова Т. В., Каримов А. А. Образ Севастополя периода Великой Отечественной войны в советском художественном кино // Сборник материалов IV международного научного форума, 75-летию Крымской наступательной операции 1944 года и 5-летию воссоединения Севастополя и Крыма с Россией. Севастополь, 2019. С. 172–174.;

[6] Сибиряков И. В. Образ Севастополя в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 1. С. 47–55.

послевоенном советском киноискусстве внесли крымские ученые О. В. Романько и Е. В. Просолова[1].

Общетеоретические основы изучения культурного наследия и культурной политики памяти Российской Федерации разработаны следующими отечественными учеными: А. С. Ахиезером (раскрыл механизм выживаемости общества через ключевое противоречие между исторической инерцией и критикой истории)[2]; А. Я. Гуревичем (внес методологический вклад в изучение исторического синтеза культурной памяти, утверждая неразрывную связь между материальной жизнью и культурой в историческом процессе)[3]; М. С. Каганом (предложил свое философское осмысление сущности человека и культурных оснований человеческого бытия)[4]; Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским (исследовали культурные коды и знаковые системы, которые составляют основу культурной памяти)[5].

Региональные аспекты теоретического осмысления государственной и региональной культурной политики в современной Российской Федерации были рассмотрены в исследованиях О. В. Степанченко и С. С. Загребина[6].

В работах вышеперечисленных ученых можно выделить общий подход к исследованию культурной памяти: политику памяти в России они рассматривают как динамичный процесс, где историко-культурное и мемориальное наследие становится площадкой для диалога между властью и обществом, взаимодействия инноваций и культурных традиций, а само

---

[1] Романько О. В., Просолова Е. В. Память о предательстве: образ коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28. № 1. 2023. С. 240–249.; Просолова Е. В. Крымские локации как образы обобщенного Запада в советском кинематографе: идеологический аспект // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 100-летию образования СССР: Материалы региональной научно-практической конференции. Симферополь, 2022. С. 124–125.

[2] Ахиезер А. С. Цивилизационный выбор России и проблема выживаемости общества. Россия и современный мир. М., 2002. № 2. С. 83–104.

[3] Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 2014. 432 с.

[4] Каган М. С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. 2001. Вып. 1. С. 57.

[5] Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ученые записки Тартуского университета. 1971. Вып. 284. С. 150.

[6] Степанченко О. В. Региональная политика как объективный фактор функционирования социально-культурного проектирования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. М., 2009. № 1. С. 157–163.; Загребин С. С. Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России // Социум и власть. 2015. №5 (55). С. 126–131.

прошлое подвергается переосмыслению через призму вызовов современности.

В научной литературе получила освещение проблема единства и разновекторности культурного и социального развития российского общества, в том числе в контексте формирования национальной культурной идентичности и цивилизационных основ концепции «русского мира». В частности, ей посвящены труды крымских исследователей – А. Ю. Микитинца и О. И. Микитинец, осуществивших культурологический анализ «русского мира» как цивилизационного нарратива[1].

Проблема соотношения культурной памяти и исторической науки отражена в исследованиях следующих ученых: Й. Рюзена, выявившего механизмы эмоционально-чувственного осмысления памяти и исторического прошлого в рамках гносеологической матрицы[2]; А. Мегилла, интерпретировавшего историческую память как совокупность воспоминаний участников исторических событий, фиксируемых в различных культурных нарративах[3]; П. Нора, который трактовал историческую память в качестве антагониста социальной памяти[4]. Отметим также исследования Э. Хобсбаума[5], посвященные роли памяти и ритуализированных коммеморативных практик в формировании культурной идентичности; Л. Протт, которая обосновала необходимость применения универсальных юридических механизмов для защиты культурного наследия[6]; М. Хальбвакса, разработавшего фундаментальную концепцию «рамок памяти» для теории коллективной памяти[7]; П. Рикера, предложившего «политику справедливой

---

[1] Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления // Таврические студии. 2022. № 29. С. 39–44.

[2] Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. 392 с.

[3] Мегилл А. Историческая эпистемология: научная монография. М., 2007. 480 с.

[4] Нора П. Проблематика мест памяти. Франция – память. СПб., 1999. 325 с.

[5] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 308 с.; Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». М., 1991. 272 с.

[6] Prott L.V. Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage // Recueil des Cours. 1989. Vol. 5. P. 225.

[7] Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40–41.

памяти»[1]; Ж. Ле Гоффа, определившего память как «исходный материал истории», справедливо указывая на уязвимость памяти относительно соответствующих манипуляций[2].

Таким образом, при наличии существенного количества исследований культурной памяти обнаружен исследовательский пробел – абсолютное большинство тематических работ являются общетеоретическими и, как правило, описывающими общие тенденции развития и использования историко-культурного и мемориального наследия в социально-культурных практиках. В исследовательский фокус практически не включаются вопросы изучения уникальных случаев формирования регионального мемориального наследия и мемориальной культуры, в частности Крыма. Исследование крымского мемориального наследия, особенно того, что отражает события Великой Отечественной войны, воплощает и хранит память о беспрецедентном подвиге советского народа и его вкладе в Великую Победу, выходит за рамки исключительно memory studies и должно представлять собой изучение историко-политических, военных, культурных, национальных и общественных процессов, обусловивших формирование особого восприятия мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму.

Проблема исследования состоит в необходимости выявления особенностей репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма, обусловленных сменой трех государственных юрисдикций – СССР, Украины и Российской Федерации, – и в осмыслении соответствующих парадигм культурной политики памяти. Рассмотрение того, каким образом наслаивание и конфликт данных парадигм отразили уникальную динамику репрезентации мемориального наследия войны в культуре Крыма, требуется для осмысления и определения роли мемориального наследия в формировании культурной памяти, культурной

---

[1] Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
[2] Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013. 303 с.

идентичности, ценностных ориентаций общества в условиях современных геополитических и общественно-политических трансформаций.

Объект исследования: мемориальное наследие как элемент культуры Крыма.

Предмет исследования: репрезентация мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма.

Цель исследования заключается в раскрытии особенностей репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма.

Достижение заявленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Разработать и обосновать определение понятия мемориального наследия как элемента культуры, объекта культурологического исследования, комплекса материальных и нематериальных компонентов; выявить роль мемориального наследия в формировании культурной памяти, культурной идентичности, ценностных ориентаций общества.

2. Раскрыть и интерпретировать историческую динамику репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму посредством сравнительного анализа советского, постсоветского (украинского) и современного (российского) периодов, выявив ключевые факторы и специфику каждого.

3. Выявить и охарактеризовать уникальный опыт взаимодействия государственной культурной политики и региональных коммеморативных практик в Крыму советского, постсоветского (украинского) и современного (российского) периодов.

4. Проанализировать особенности репрезентации крымского мемориального наследия в публикациях крымских газет советского, постсоветского (украинского) и современного (российского) периодов.

5. Проанализировать особенности репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в киноискусстве* советского, постсоветского (украинского) и современного (российского) периодов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с апреля 1944 года (появление первых памятников в связи с началом освобождения Крыма) и до настоящего времени. Для рассмотрения заявленной научной проблемы автор выделяет три хронологических периода: советский (в контексте исследования мемориального наследия Великой Отечественной войны – с апреля 1944 по декабрь 1991 года), постсоветский (украинский, с декабря 1991 по март 2014 года) и современный российский (с марта 2014 года по настоящее время)**.

Территориальные границы исследования охватывают пространство Республики Крым и города федерального значения Севастополь в их современных административно-территориальных границах.

Круг источников исследования включает неопубликованные документы и материалы из фондов Государственного архива Республики Крым, муниципальных архивов Республики Крым, историко-краеведческих музеев Республики Крым. Эти документы содержат: отчеты, протоколы, стенограммы, автобиографии и постановления Совета Министров Автономной Республики Крым (до 2014 года) и Совета Министров Республики Крым (после 2014 года). В диссертации также использованы материалы газетного фонда ГБУК РК «Крымская республиканская

---

* В данном диссертационном исследовании понятие «киноискусство» в-первую очередь отражает художественные фильмы советского, украинского и российского производства, прямо или косвенно затрагивающие тему Крымского фронта Великой Отечественной войны.

** В диссертационном исследовании под «советским» периодом подразумевается не общее время нахождения Крымского региона в составе СССР (1922–1991), а лишь отрезок с 1944 по 1991 г., так как процесс мемориализации событий Великой Отечественной войны в Крыму начался после освобождения полуострова весной – летом 1944 года Учитывая специфику его дальнейшей политической истории (нахождения в составе Украины с 1991 по 2014 годы), мы полагаем, что украинский период целесообразно называть «постсоветским», а российский – «современным». Это отличает хронологию, используемую в данной работе, от принятого в научном сообществе деления на «советский» и «постсоветский» периоды для других регионов Российской Федерации.

универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» и фотодокументы из фондов ФГБУК «Государственный центральный музей кино».

В диссертации были задействованы нормативно-правовые документы Российской Федерации, Советского Союза, Республики Крым, а также (для сравнительного анализа) отдельные нормативно-правовые акты Украины и Автономной Республики Крым.

Методология и методы исследования. Настоящее диссертационное исследование ориентировано на междисциплинарный подход, прежде всего культурологический, с учетом и интеграцией результатов исследований смежных наук: истории, социологии и политологии. В работе применялся структурно-функциональный анализ культурной памяти с активным привлечением методологии memory studies, что позволило интерпретировать мемориальные практики в качестве инструмента формирования и сохранения региональной культурной идентичности.

Благодаря указанной методологии работа приобретает аспекты научной новизны, заключающиеся прежде всего в культурологическом осмыслении мемориального наследия Крыма, ранее исследуемого преимущественно в историческом ключе. Автор же акцент делает на региональных особенностях мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму с учетом специфики формирования региональной культурной идентичности. Исследование дополняется анализом соответствующих публикаций в средствах массовой информации Крыма и произведениях кинематографа. Это позволило не только систематизировать теоретические концепции, касающиеся исследования мемориального культурного наследия, но и предложить практико-ориентированные выводы относительно его взаимосвязи с актуальными социокультурными процессами. В диссертации критический анализ источников сочетается с интерпретацией роли мемориальной культуры в формировании региональной культурной идентичности и ценностных ориентаций общества в условиях социально-политических трансформаций.

Для осуществления данного диссертационного исследования применялись междисциплинарные методы и подходы, позволившие всесторонне охватить и детально проанализировать объект и предмет исследования. Применены следующие методы:

– системный, посредством которого определена специфика взаимосвязи элементов и раскрыта структура мемориального наследия Крыма как объекта культурологического исследования;

– историко-генетический – для реконструкции причинно-следственных связей и анализа в исторической последовательности периодов формирования мемориального наследия в Крыму (что позволило изучить его развитие от послевоенного периода до наших дней);

– историко-типологический – для выявления и анализа особенностей культурной политики памяти и практик, характерных для каждого из трех исторических периодов развития мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму (советского, украинского, российского);

– историко-сравнительный – с целью сопоставления специфики репрезентаций крымского мемориального наследия в советский, украинский и российский периоды и выявления того, как общие тенденции и ключевые различия воздействуют на культурную память;

– идеографический – для углубленного анализа уникальных феноменов мемориального наследия Крыма (как материальных, так и духовных) и выявления региональной специфики развития культурной памяти крымчан в разные исторические периоды;

– диахронический – в целях описания сущностно-временных изменений и тенденций в формировании и репрезентации коммеморативных практик в отношении темы Великой Отечественной войне в разные периоды истории Крыма;

– стилистический – для определения устойчивых форм и выразительных качеств, символических особенностей мемориальных объектов, посвященных Великой Отечественной войне в ее исторической

динамике, и современных способов коммеморации исторических событий в культуре Крыма;

– семиотический – с целью анализа художественно-визуальной формы репрезентации мемориального наследия Крыма в киноискусстве;

– качественный контент-анализ, посредством которого раскрыта социально-коммуникативная форма репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских средствах массовой информации (газеты, электронные новостные издания);

– критический анализ архивных документов (отчетность крымских региональных музеев за периоды с 1944 по 1991 год и с 1991 по 2010 год; отчетность республиканских комитетов по охране и использованию памятников истории и культуры за период с 1991 по 2010 год) в сочетании с историко-генетическим и историко-сравнительным методом. Это позволило проследить эволюцию официального дискурса и региональных крымских практик коммеморации, выявить преемственность и разрывы в развитии культурной политики памяти в условиях разных государственных юрисдикций (советской, украинской и российской), реконструировать эволюцию общественно-политических дискуссий о мемориальном наследии и организаций мероприятий по сохранению культурной памяти о Великой Отечественной войне*.

Основные принципы, на которых основывается диссертационное исследование: конкретность, историчность, системность и объективность с опорой на документальные источники и историографическую традицию.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– разработано и обосновано определение понятия мемориального наследия как объекта культурологического исследования. Оно трактуется как

---

* В диссертационном исследовании архивные документы рассматривались не как объективные ретрансляторы фактов, а как продукты деятельности институтов власти, музейной отрасли и общественности, отражающие официальный дискурс и текущие политические задачи в сфере культурной политики памяти. Их достоверность проверялась путем перекрестного сравнения с документами других фондов и периодов, а также с материалами газетных фондов крымских библиотек, электронными ресурсами СМИ, мемуарами участников событий и научными публикациями на данную тему.

часть культурного наследия, комплекс материальных и нематериальных ценностей, практик и символов, целенаправленно созданных для фиксации, сохранения, интерпретации и трансляции культурной памяти о значимых для нации, этносов, социальных групп исторических событиях, личностях, явлениях;

– впервые осуществлено комплексное изучение процесса репрезентации крымского мемориального наследия как элемента региональной культуры, связанного с памятью о событиях Великой Отечественной войны в Крыму, в период с 1944 года до настоящего времени. Показана специфика восприятия и репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны как средства сохранения российской культурной идентичности населения Крыма в советский, постсоветский (украинский) и современный (российский) период;

– впервые выявлен и охарактеризован опыт и особенности взаимодействия государственной культурной политики и крымских региональных коммеморативных практик постсоветского и современного периодов, их влияние на укрепление культурной идентичности крымчан;

– впервые на материале публикаций крымских газет раскрыта специфика и проведен сравнительный анализ репрезентаций крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в советский, постсоветский (украинский) и современный (российский) период;

– впервые раскрыта специфика и проведен сравнительный анализ репрезентаций крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в произведениях киноискусства в советский, постсоветский (украинский) и современный (российский) период.

К элементам новизны настоящего диссертационного исследования относятся переосмысление и систематизация имеющегося исторического материала с позиций культурологического анализа. При этом акцент делается на актуализации культурной памяти о Великой Отечественной войне и обосновании ее значения в реализации современной отечественной

региональной культурной политики и формировании культурной идентичности жителей Крымского полуострова, что потребовало разработки и обоснования определения мемориального наследия.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Мемориальное наследие – это часть культурного наследия, комплекс материальных и нематериальных ценностей, практик и символов, целенаправленно созданных с целью фиксации, сохранения, интерпретации и трансляции культурной памяти о значимых для нации, этносов, социальных групп исторических событиях, личностях, явлениях. Доказано, что понятие мемориального наследия является инструментом культурологического переосмысления и систематизации имеющегося исторического материала (данные региональных архивов, музейных и библиотечных фондов) о событиях Великой Отечественной войны на территории Крыма.

2. Историческая динамика репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны с 1944 года по настоящее время заключается в последовательной смене и наложении трех доминирующих парадигм культурной политики памяти: советской (героико-патриотической), украинской (конфликтно-виктимной) и современной российской (синтезирующей героический и виктимный нарративы). Репрезентация мемориального наследия стала одним из способов формирования, а также маркером культурной идентичности крымчан, важнейшим фактором консолидации их как представителей российской культуры.

3. Специфика советского периода заключалась в формировании целостной идеологической модели памяти, сочетавшей общесоюзные стандарты с локальной практикой. Несмотря на кризис и формализацию этой модели к концу 1980-х годов, созданное за этот период мемориальное наследие и институциональная инфраструктура выступили фундаментом для последующих процессов возрождения памяти и идентичности в постсоветский период. Характерной особенностью постсоветского (украинского) периода (1991–2014) стало возникновение гражданского

протеста, выраженного, в том числе, в альтернативном мемориальном строительстве. Данный протест против радикальной украиноцентричной политики памяти стал важным социокультурным фактором укрепления пророссийской идентичности крымчан и их последующей реинтеграции в общероссийское культурное пространство. Особенность современного (российского) периода (после 2014 года) заключается в целенаправленной институционализации и развитии коммеморативных практик, что способствовало восстановлению исторической справедливости, укреплению российской культурной идентичности, развитию современной российской национальной культуры в целом.

4. В каждый исторический период репрезентация мемориального наследия в крымской прессе отражала особенности актуальной культурной политики, которой в то время были свойственны:

– формирование «образа врага» (западных стран) и консолидация советского общества вокруг темы героической победы СССР в Великой Отечественной войне в советский период;

– полемика по вопросам объективного освещения событий Великой Отечественной войны и «мемориальный конфликт» в постсоветский (украинский) период;

– идеологическое противостояние и фиксация разрыва с украинской парадигмой культурной памяти после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году в современный (российский) период.

5. Репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в киноискусстве отражают особенности развития культурной памяти в разные исторические периоды. В советском киноискусстве (1944–1991) трансформацию культурной памяти можно условно разделить на следующие этапы:

– I этап (1944–1953): доминирование героико-патриотического нарратива в совокупности с «культом личности» И. В. Сталина;

– II этап (1953–1966): развитие темы личностной трагедии в киноискусстве о Великой Отечественной войне;

– III этап (1966–1984): возврат к героико-патриотическому нарративу;

– IV этап (1984–1991): ценностное переосмысление темы Великой Отечественной войны, способствующее нарастанию негативных коннотаций в отношении советского политического строя.

В украинском периоде развития киноискусства (1991–2014) репрезентация крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны характеризуется постепенным демонтажем героико-патриотического дискурса, усилением позиций виктимного и этноцентрического нарративов памяти. Современный, российский период истории Крыма, начавшийся в 2014 году, характеризуется возрождением в киноискусстве героико-патриотического нарратива с включением темы жертв нацизма в современный отечественный кинематограф.

Теоретическая значимость исследования. В результате проведенного диссертационного исследования выявлен ряд положительных и отрицательных особенностей и тенденций процесса мемориализации событий Великой Отечественной войны на территории Крымского полуострова в хронологических рамках с 1944 года по настоящее время. Для изучения особенностей репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма автором разработано и обосновано понятие мемориального наследия, определены его содержание и основные функции. Выявленная специфика репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму может послужить теоретической основой для изучения данного процесса в других регионах России. Полученные результаты могут быть включены в учебные курсы по культурологии, истории, музееведению. Представленные наработки расширяют теоретические знания о региональной культуре и могут быть использованы в культурологических исследованиях, посвященных изучению мемориального наследия как ее элемента.

Практическая значимость исследования. В диссертационном исследовании использованы ранее отсутствующие в научном обороте архивные материалы (отчетность крымских музеев, Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры), а также газетные публикации, свидетельствующие о принятых или планировавшихся крымскими государственными и общественными организациями мероприятиях по охране памятников мемориального наследия Великой Отечественной войны в советский, постсоветский (украинский) и современный (российский) периоды. Данные архивные материалы могут быть учтены в музейной деятельности, в разработке коммеморативных практик. Автором обозначены перспективные направления мемориализации событий Великой Отечественной войны в современной социокультурной практике Крымского полуострова.

Материалы диссертационного исследования могут быть применены: для реализации цели и задач региональной культурной политики; создания перспективных социокультурных и туристских проектов, в том числе военно-исторической направленности; для подготовки методического материала о сохранении памяти о Великой Отечественной войне в региональной культуре; для развития музейной коммуникации в процессе активизации деятельности ветеранских, молодежных и поисковых организаций, получившей развитие в советский период и актуализированной в настоящее время.

Личный вклад соискателя состоит:

– в постановке вопроса о необходимости сохранения мемориального наследия Великой Отечественной войны, коммеморации героических и виктимных событий войны, что позволит достичь общественного консенсуса и создать единое социокультурное пространство;

– в разработке и обосновании понятия мемориального наследия как объекта культурологического исследования;

– в выявлении характерных культурных, исторических, политических и идеологических особенностей крымских коммеморативных практик в отношении событий Великой Отечественной войны;

– в реализации комплексного подхода к изучению исторической динамики развития репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны как элемента региональной культуры Крыма (посредством сравнительного анализа трех периодов: советского, украинского, российского);

– в анализе региональной специфики репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах в советский, постсоветский (украинский) и современный (российский) периоды;

– в изучении особенностей репрезентаций крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах и произведениях киноискусства в советский (с 1944 года), украинский и российский периоды.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства по отрасли культурология, в том числе пунктам: п. 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; п. 17. Механизмы и практики культурного наследования. Их историческая обусловленность. Структура культурного наследия; п. 18. Культурно-историческая память и культурное наследие; п. 44. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики. Государственная и негосударственная культурная политика; п. 48. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре; п. 68. Культурная идентичность и кризис культурной идентичности; п. 108. Подходы к изучению культурных форм и практик в memory studies.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности работы обусловлена изучением источников, в том

числе архивных, и литературы по проблеме исследования, а также применением соответствующих предмету исследования научных методов.

Основные положения и выводы диссертационного исследования апробированы на научно-практических конференциях разных уровней, среди которых: международные научные чтения «Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней» (Симферополь, Таврическая академия, 2022 год); международная научно-творческая конференция «Искусство и наука третьего тысячелетия» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 2022–2024 годы); международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Кабардинка, Институт наследия, 2023 год); научно-практическая конференция молодых ученых и аспирантов «Науки о культуре и искусстве: перспективные исследования» (Краснодар, Институт наследия, 2025 год); международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Идентичность и коммуникация. Точки опоры в условиях постглобальной культурной реальности» (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 2025 год).

По теме диссертационного исследования опубликовано 8 научных работ. Основные результаты изложены в 5 публикациях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства по отрасли культурология; в 3 публикациях в других научных рецензируемых изданиях.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, каждая из которых включает два параграфа, а также заключения, списка источников и литературы. Общий объем диссертации – 268 страниц. Список источников включает 131 наименование; список литературы – 188 наименований.

Глава 1.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1 Мемориальное наследие как объект культурологического исследования

Культурологический анализ научных интерпретаций мемориального наследия начинается с характеристики современного социокультурного контекста, в который оно на данный момент включено, а также последовательно соотносится с базовым понятием – «культура». Так, по мнению А. В. Костиной, именно культура сегодня отражает ключевые ценности общества. Их защита – ключевой национальный приоритет, так как без духовных ценностей страна теряет культурную идентичность, а народ становится массой, уязвимой для внешнего влияния через образование, культуру и СМИ, даже без военного вмешательства[1]. Именно поэтому наше государство, как указано в Стратегии национальной безопасности 2021 года, делает упор на защиту традиционных духовных и культурных ценностей, важных для национальной политики[2].

Защита традиционных ценностей, закрепленная в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года[3], закономерно распространяется и на мемориальное наследие – памятники, обычаи или культурно-природные ландшафты, – ведь именно они служат «якорем»

---

[1] Костина А. В. Ценности как фактор национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1. С. 80–92.

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 03.09.2023).

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/ (дата обращения: 10.11.2024).

культурной идентичности, позволяя народу оставаться субъектом истории, а не объектом внешнего влияния. Именно в культурных ценностях отражается синтез прошлого и настоящего, где культурное наследие динамично взаимодействует с политическими, экономическими и социальными контекстами, раскрывается его роль не как статичного архива, а как активного участника формирования национальной культурной безопасности и национально-цивилизационного единства общества.

В контексте изучения мемориального наследия основным, согласно развиваемому в диссертационном исследовании подходу, выступает определение культуры, данное Д. С. Лихачёвым: «Культура человечества – это активная память человечества, активно же введенная в современность <…> В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому»[1].

Именно через призму активной памяти, о которой писал Д. С. Лихачёв, культура обретает свою конкретику в форме культурного наследия, становясь не абстрактной ценностью, а живым механизмом связи поколений. Если А. В. Костина подчеркивает роль культуры как инструмента сохранения культурной идентичности и национальной безопасности, то культурное наследие выступает материальным и духовным воплощением этой функции. Оно аккумулирует в себе не только артефакты прошлого, но и смыслы, которые, сохраняясь и трансформируясь под влиянием современных реалий, продолжают формировать общественное сознание, культурную идентичность и т.п.

Анализ культурного наследия как живого механизма связи поколений, функционирующего через активное введение памяти в современность, обуславливает определение причин и особенностей возникновения и развития феномена культурной памяти. В данном контексте наиболее продуктивными выступают концепции культурной памяти, предложенные Я. Ассманом и Ю. М. Лотманом.

---

[1] Лихачёв Д. С. Как мы выжили. М., 2024. С. 229.

Я. Ассман определяет культурную память как «…внешнее, социально и культурно обусловленное измерение человеческой памяти, чье содержание и организация определяются не столько биологическими способностями человеческого мозга, сколько общественными рамками»[1]. В свою очередь, Ю. М. Лотман полагал, что культурная память функционирует посредством постоянного переосмысления культурных символов, которые обретают смысл лишь в новом контексте, синтезируя прошлое и настоящее, закрепляясь в культурной памяти через искусство. Именно культурная память формирует гражданскую и социальную идентичность личности, служа фундаментом национального, культурного и гражданского самоопределения поколения[2].

Культурная память, таким образом, фиксирует прошлое через символические образы, сочетает упорядоченные элементы с четким смысловым ядром и разрозненные, мозаичные фрагменты[3]. Важным инструментом сохранения и поддержания культурной памяти является культурное наследие.

Понятие «культурное наследие» толкуется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию»[4].

А. И. Гришин определяет культурное наследие как «…комплекс материальных и нематериальных объектов, и атрибутов, образовывающих среду обитания предыдущих поколений и в большей или меньшей степени,

---

[1] Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 20–21.

[2] Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 614.

[3] Леонов И. В., Кириллов И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4 (42). С. 93.

[4] Гуркина Н. К., Исаев А. П. Охрана культурного наследия в России: история и современность. СПб., 2011. С. 5.

сохранившейся до наших дней»[1]. Такая концепция историко-культурного наследия включает в себя как великие произведения искусства, так и утилитарные предметы как бытовой, так и духовной жизни прошлых поколений. И. И. Горлова и А. Л. Зорин высказывают похожую мысль, определяя культурное наследие как совокупность материальных и духовных ценностей прошлого, сохраняющую актуальность для современности, но динамично меняющуюся под влиянием политики, экономики и социокультурных условий[2].

Таким образом, культурное наследие выступает в роли проводника объективной исторической информации, что определяет его местную, региональную или государственную ценность. А. В. Бондарев полагает, что культурное наследие состоит из памятников с материальными и смысловыми слоями, формировавшимися исторически[3].

Культурное наследие представляет собой сложную многоуровневую систему, чье определение остается предметом научных дискуссий. Л. Протт отмечает трудности в формулировке данного понятия, подчеркивая зависимость признания артефактов от идеологических, политических, эстетических факторов, а также технологий и экономики, включая туризм[4].

При определении понятия культурного наследия необходимо учитывать, что оно включает в себя как материальные, так и нематериальные памятники культуры, и поэтому можно рассматривать материальное культурное наследие и нематериальное. Что касается последнего, Е. А. Зенкова и Н. Б. Акоева рассматривают его как синтез опыта и мудрости

---

[1] Гришин А. И. Управление историко-культурным наследием на предприятиях сферы услуг: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2013. С. 9.

[2] Горлова И. И., Зорин А. Л. О трактовке понятия «Культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы // Культурное наследие России. 2020. № 3. С. 3–13.

[3] Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия // Журнал интегративных исследований культуры. 2019. Т. 1. № 1. С. 46–55.

[4] Prott L.V. Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage // Recueil des Cours. 1989. Vol. 5. P. 225.

поколений, укрепляющий духовное единство народа. И актуальность такого наследия, по их мнению, не зависит от времени и обстоятельств[1].

Деятельностный подход, развитый М. С. Каганом, трактует культуру как способ взаимодействия, где социализация встраивает человека в общество, а культурация – в наследие. По мнению М. С. Кагана, культура является «ненаследственной памятью»[2], а А. Я. Флиер рассматривает культуру как «средство межпоколенного воспроизводства общества как устойчивой исторически своеобразной социокультурной целостности, осуществляемое путем трансляции социального опыта…», реализующегося в процессе социализации и инкультурации личности[3].

Семиотический подход Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского интерпретирует историко-культурное наследие как систему текстов, порождающих новые смыслы[4]. Ю. М. Лотман также полагал, что наследие активизирует культуротворческие механизмы в новых контекстах[5], а Е. Н. Мастеница видит в нем основу информационных кодов[6].

Исследуя связь наследия с памятью, П. Нора противопоставляет живую, изменчивую память фиксированной истории[7]. Современное общество, утратившее механизмы передачи памяти, сталкивается с «парадоксом наследия»: стремление сохранить прошлое сочетается с приоритетом нового, в связи с чем Д. Лоуэнталь, в частности, утверждает, что наследие сохраняется ради настоящего, требуя доступности и актуальности[8].

---

[1] Зенкова Е. А., Акоева Н. Б. Актуализация традиций в современном обществе как фактор сохранения нематериального культурного наследия // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 4 (79). С. 134.

[2] Каган М. С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. 2001. Вып. 1. С. 57.

[3] Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М., 2000. С. 12.

[4] Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ученые записки Тартуского университета. 1971. Вып. 284. С. 150.

[5] Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 615.

[6] Мастеница Е. Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // Мировая политика и идейные парадигмы эпохи: сб. ст. 2008. С. 252.

[7] Нора П. Проблематика мест памяти. Франция - память. СПб., 1999. С. 19.

[8] Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 617.

По мнению Е. С. Ревы, рост интереса к культурному наследию в современном российском обществе стал ответом на глобализацию, заставившую общество искать методы сохранения культурной идентичности в собственном прошлом[1]. Б. П. Борисов также отмечает негативный эффект глобализации в виде усложнения процесса формирования у населения идеологии, основанной на привязанности к определенной территории и власти, что, в свою очередь, усложняет и формирование традиционных патриотических ценностей[2]. Преодоление этого возможно через осуществление различных мероприятий. В частности, совместные усилия ученых и граждан – экспедиции, оцифровка архивов, фестивали и акции памяти – восстанавливают память о прошлом, укрепляя как общенациональную, так и региональную культурную идентичность. Это не просто дань предкам, а инструмент борьбы с культурной унификацией, где коллективное творчество соединяет прошлое и будущее, сохраняя «душу народа» через общую память. Подобную мысль развивает Ю. С. Путрик, отмечающий важность взаимодействия геокультурной матрицы российской цивилизации с картой регионального культурного и природного наследия в повышении цивилизационной идентичности регионов России, продвигая страну на мировой арене и противодействуя социокультурным угрозам и идеологическому экстремизму[3].

С. С. Ипполитов, в свою очередь, отмечает как положительные эффекты от синергии креативной индустрии и культурного наследия в виде усиления экономики региона, так и негативные эффекты в виде возникающих правовых коллизий, которые провоцируют конфликты предпринимательской

---

[1] Рева Е. С. Из истории развития сквера «Дружбы народов» города Краснодар // Культурный ландшафт регионов. 2023. Т. 5. № 1. С. 74.

[2] Борисов Б. П. Патриотизм – понятие культурологии // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 2 (65). С. 145.

[3] Путрик Ю. С. Измеряемость цивилизационных ценностей как фактор продвижения российских регионов // Культурологический журнал. 2018. №. 3 (33). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/447.html&j_id=36 (дата обращения: 10.06.2025).

сферы с учреждениями культуры[1], что представляет исследовательский интерес в вопросе развития мемориального наследия региона. Помимо классического понимания культурного наследия, Т. А. Пархоменко описывает возникновение в современной науке понятия «неофициального наследия», представленного народными мемориалами, общественными и частными музеями и зависящего от интерпретации его разными социальными группами[2].

При этом важно отметить, что при всех различиях в понимании культурного наследия, можно выделить его основную функцию – сохранение культурной памяти и передачу культурных ценностей следующим поколениям, тем самым обеспечивая единство народа, нации как целостного субъекта истории.

Именно поэтому важным элементом культуры и культурного наследия, которое необходимо сохранять и передавать будущим поколениям, является мемориальное наследие. Однако в настоящее время это понятие не имеет однозначно принятого определения.

На данный момент существует определение похожего термина «военно-мемориальное наследие», разработанного В. А. Рубиным: «<…> под военно-мемориальным наследием понимается совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников) с прахом или без праха военнослужащих, установленных в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностнозначимых для актуальной культуры»[3]. Как отмечает Т. С. Курьянова, проблема исследования военно-мемориального наследия является актуальной в следствие как отсутствия четкого определения этого понятия, так и по причине использования в

---

[1] Ипполитов С. С. Творческие кластеры как драйвер роста региональных экономик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 166.

[2] Пархоменко Т. А. Актуальные вопросы современного изучения наследия // Культурологический журнал. 2023. № 4 (54). С. 48.

[3] Рубин В. А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: автореф. дис. … д-ра культурологии. Челябинск, 2021. С. 17.

исследованиях смежных терминов «военно-исторического» и «мемориального» наследия[1].

Несмотря на содержательную точность данного В. А. Рубиным определения, на наш взгляд, термин «военно-мемориальное наследие» не отображает все аспекты проблемы изучения региональной специфики коммеморации событий Великой Отечественной войны. Вышеупомянутый термин акцентирует внимание именно на военном аспекте наследия, не затрагивая при этом вопросы влияния наследия на культурно-политическую жизнь общества, его ментальность и ценностную ориентацию, культурную идентичность и т.п., а также не учитывает роль мемориального наследия в формировании и развитии межэтнических и политических взаимоотношений (в частности, необходимо учитывать возможность различных интерпретаций событий, являющихся следствием войны в виде репрессий, депортации, а также возможность противоречивого отражения событий войны в искусстве, общественном, государственном и личностном восприятии).

В настоящее время можно сделать вывод, что вне зависимости от общей актуальности и распространенности исследований в области изучения мемориального наследия, сам термин все еще не разработан и не осмыслен в достаточной мере, а потому требует содержательного уточнения и определения. Конкретных всеобъемлющих определений термина «мемориальное наследие» на данный момент не существует, поскольку данная тема является объектом междисциплинарных исследований (memory studies, heritage studies, культурологии, искусствоведения, социологии, политологии, истории, психологии и др.) и чаще всего мемориальное наследие не рассматривается как отдельное явление.

Поэтому, учитывая научную традицию и научный опыт определения понятия «культурное наследие», а также исходя из рассмотренных подходов к изучению мемориального наследия, можно сформулировать следующее

---

[1] Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 12–18.

определение данного термина: **Мемориальное наследие** – *это часть культурного наследия, комплекс материальных и нематериальных ценностей, практик и символов, целенаправленно созданных с целью фиксации, сохранения, интерпретации и трансляции культурной памяти о значимых для нации, этносов, социальных групп исторических событиях, личностях, явлениях.*

При этом следует отметить, что значимыми событиями могут выступать не только те, что оказали существенное позитивное влияние на историческое развитие общества, но и те, которые воспринимаются как трагические, социально-конфликтные («культурная травма»), однако, с целью укрепления культурной идентичности, требующие осмысления и переосмысления.

При исследовании мемориального наследия как части культурного, необходимо учитывать специфику нематериального наследия, исходя из его особенностей, отраженных, в частности, в Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года. В ней нематериальное культурное наследие рассматривается как «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». При этом отмечается, что оно передается от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами, формируя у них чувство самобытности и преемственности, содействуя уважению культурного разнообразия и творчеству человека[1].

Именно поэтому необходимо изучать не только материальные объекты мемориального наследия, но и нематериальные, духовные формы культурного самовыражения, к которым, в частности, исходя из предмета

[1] Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. // ЮНЕСКО: [сайт]. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2018_version-RU.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

данного диссертационного исследования, можно отнести мемориальные праздники и ритуалы, мемориальные коммуникативные поисковые и просветительские практики, соответствующие публикации СМИ и сюжеты в художественном творчестве и т.п., в которых отражены социально значимые памятные события.

При этом следует учитывать, что значимыми событиями могут выступать не только те, что оказали существенное позитивное влияние на историческое развитие общества, но и те, которые воспринимаются как трагические, социально-конфликтные («культурная травма»), однако, с целью укрепления культурной идентичности, требующие осмысления и переосмысления. Например, отечественные исследователи О. В. Иванова и Т. Ю. Юренева в этом ключе отмечают важность сохранения памяти о жертвах репрессий и создания соответствующих памятников[1].

Исходя из содержания понятия мемориального наследия, можно выделить его основные функции: формирование культурной идентичности; формирование и поддержка культурной памяти; формирование и укрепление культурных ценностей общества; осмысление исторического прошлого в контексте современных общественных запросов и политических идеологий; использование в качестве инструмента культурной политики, конструирования национальной, региональной или локальной самоидентификации. Комплексное изучение мемориального наследия как элемента культуры предполагает анализ не только его сущностного содержания, но и роли в социальных процессах (коммеморации, преодолении последствий и переосмыслении негативного влияния травматических явлений прошлого на культурную идентичность, организации межпоколенческого диалога и т.п.), особенностей влияния на общественное сознание, возможностей использования в политических целях (легитимация

[1] Иванова О. В., Юренева Т. Ю. Российские музеи памяти: пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. 2021. № 4. С. 86–97; Юренева Т. Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России // Культурное наследие России 2022. № 4. С. 104–113.

власти, ревизия событий прошлого), вклада в формирование и смысловое наполнение соответствующего культурно-исторического ландшафта.

В контексте осмысления данного термина отмечается, что аспект военной истории является лишь одной из частей изучения общества, коммеморации достойных страниц истории и попытки нейтрализации негативных последствий травматических воспоминаний, осмысления событий, актуализированных в публичном пространстве в качестве элементов исторической справедливости, морального урока или основы будущего развития общества. Использование мемориального наследия выступает важнейшим фактором формирования культурной памяти и культурной идентичности народов[1].

В состав мемориального наследия включаются как объекты материальной мемориальной культуры (памятники, музеи, памятные парки и скверы и т.п.), так и объекты нематериальной культуры, прежде всего – в виде произведений искусства (кинематограф, литература, театр, изобразительное искусство) и культурной памяти поколений (устная история, духовные ценности, выступающие основой общественной самоидентификации и мировоззренческой позиции, политическая агитация, отражаемая, в том числе в средствах массовой информации, и т.п.). Объекты мемориального наследия как части культурного наследия становятся своеобразными «точками притяжения» для людей разных возрастов, интересов и разного происхождения, выполняя важнейшую функцию их объединения общей исторической памятью и общими ценностями.

Важным аспектом актуализации мемориального наследия в социокультурном пространстве является его репрезентация. Феномен репрезентации с точки зрения культурологии можно охарактеризовать как культурно и идеологически обусловленный процесс конструирования и представления смыслов и мировоззрения через знаковые системы (языки,

[1] Васильев А. Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материал конгресса. М., 2009. С. 56–57.

символы, образы). Репрезентация лежит в основе познания – развиваясь от простых мыслей до сложных теорий, моделируя картину мира из воспринимаемых человеком форм[1], возникающих из общепринятых практик социума. В отличие от презентации, являющей собой нейтральное отражение действительности, репрезентация (особенно в контексте мемориального наследия) предполагает осмысление представляемой реальности, в том числе культурно-исторической, способствуя формированию и укреплению культурной идентичности общества, его ценностных ориентаций.

В контексте данного диссертационного исследования термин «репрезентация» используется в его фундаментальном культурологическом и семиотическом значении, подразумевающем сложный процесс конструирования, интерпретации и наделения смыслом объектов мемориального наследия в культурном пространстве и общественном сознании. Репрезентация мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма в данном случае подчеркивает значимость целенаправленного, активного процесса отбора, кодирования, трансляции и ретрансляции определенных версий и трактовки прошлого, зависящих от господствующей культурной политики и социально-политического контекста разных исторических периодов.

Многогранность мемориального наследия, его важная роль в формировании коллективной памяти и культурной идентичности требуют глубокого междисциплинарного анализа, который выходит за рамки чисто исторического исследования. Именно здесь на первый план выходят «Исследования памяти» (англ. memory studies) – научное направление, объединяющее методы истории, социологии, антропологии и культурологии с целью изучения памяти, в том числе культурной, как динамического социального конструкта. Если мемориальные объекты служат материальными и символическими «точками притяжения» для общества, то

[1] Миронов Д. Д. Репрезентация и ее особенности в художественной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 1 (26). С. 31.

исследования памяти раскрывают особенности их создания, интерпретации и политического использования[1]. Необходимо отметить, что память в memory studies трактуется достаточно широко – в рамках данного направления проводятся исследования, посвященные таким темам, как коммеморация, историческая политика, коллективная культурная идентичность и т.п.

К этой области исследований относятся прежде всего работы А. Ассман, разработавшей концепцию «коммуникативной памяти»[2], П. Нора[3], предложившего концепцию «мест памяти», и Э. Хобсбаума, исследовавшего роль памяти в формировании культурной идентичности[4].

Важным вопросом культурологических исследований является выбор методологии, которая учитывает особенности и разнообразие различных культурных субъектов, в том числе – осуществляющих культурную политику памяти. Важную роль, в частности, играет «практический поворот», который акцентирует внимание на социокультурных аспектах коллективных и индивидуальных способов обращения к прошлому, а также на взаимодействии и конкуренции между коммеморативными практиками[5]. В этом контексте обратим внимание на эвристический потенциал акторно-сетевой теории и деятельностного подхода в их взаимосвязи с философским конструктивизмом.

Другое перспективное направление – это изучение памяти как когнитивного процесса. В этом подходе память рассматривается как результат работы человеческого мозга, и рамках данного направления проводятся исследования, посвященные таким темам, как механизмы памяти, забывание и искажение памяти и т.п. Среди выдающихся представителей

---

[1] Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. автореф. дис. … д-ра культурологии. М., 2011. С. 4–5.

[2] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2023. С. 60.

[3] Нора П. Проблематика мест памяти. Франция – память. СПб., 1999. 325 с.

[4] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 308 с.; Хобсбаум, Э. Эхо «Марсельезы». М., 1991. 272 с.

[5] Линченко А. А., Аникин Д. А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Научное издательство ВятГУ. 2018. №. 1. С. 19–20.

данного направления можно выделить Э. Тульвинга[1], разработавшего концепцию эпизодической памяти, А. Бергсона[2], исследовавшего роль памяти в формировании сознания, и Дж. Миллера, исследовавшего механизмы кратковременной памяти.

Следует отметить, что исследования памяти в целом представляют собой междисциплинарное направление, которое изучает феномен памяти с учетом результатов различных наук, таких, как история, социология, психология, антропология и культурология[3].

В контексте развиваемого в настоящей диссертации подхода следует отметить, что одно из перспективных направлений в исследовании памяти – это рассмотрение ее в качестве социального конструкта. В предлагаемом подходе память рассматривается как продукт социальных процессов, формирующихся под влиянием культуры, идеологии, политики и других факторов.

Значительный вклад в исследования феномена памяти внесли историки школы «Анналов». Они предложили новые подходы к изучению памяти, которые впоследствии оказали значительное влияние на другие науки. Одним из основных вкладов историков этой школы было расширение объекта изучения памяти. Они рассматривали память не только как набор исторических фактов, но и как социальный, культурный и психологический феномен[4]. В их работах память рассматривалась как продукт социальных процессов, формирующихся под влиянием различных факторов: культуры, идеология, политики и т.д. Представитель школы «Анналов» Люсьен Февр для того, чтобы подчеркнуть роль веры и воззрений в возникновении различных социальных феноменов разработал понятие ментальности, введя понятие «ментальный инструментарий» и призывая изучать единство и особенности культуры, «восходя от изучения проявлений культуры к

---

[1] Tulving E. Précis of Elements of episodic memory // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 7. № 2. P. 223.

[2] Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. 1408 с.

[3] Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 66–68.

[4] Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 2014. 432 с.

изучению условий, делающих эти проявления возможными…»[1]. В рамках исследований той же школы «Анналов» Марк Блок исследовал роль памяти в формировании культурной идентичности, а Жан Ле Гофф разработал концепцию «исторической памяти»[2].

Основоположником теории исторической памяти считается французский социолог Морис Хальбвакс, предложивший ее концепцию в работе «Коллективная память» (1950). В своих исследованиях он акцентирует внимание на социально-коммуникативном аспекте воспоминаний и формировании памяти. При этом необходимо отметить, что теория М. Хальбвакса оказала влияние на развитие не только исследований памяти, но и других областей, таких как социология, история, психология и культурология[3].

Российские исследователи также внесли значительный вклад в развитие исследований памяти. Они изучали память с точки зрения различных наук, включая историю, социологию, психологию, антропологию и культурологию. Важнейшим вкладом российских исследователей являются исследования памяти в контексте российской истории и культуры, изучение роли памяти в формировании российской культурной идентичности, преодолении травматического прошлого, политической борьбе и т.д.

В частности, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман рассматривали роль памяти в развитии культуры, Л. П. Репина изучала роль памяти в формировании культурной идентичности, а Н. А. Хренов исследовал память в контексте массовой культуры. О. Н. Астафьева обращает внимание на память как форму закрепления и представления культуры, подчеркивая, что «социальность культуры и ее индивидуальная причастность, закрепляемая

---

[1] Шенкао М. А. Изучение ментальностей во французской школе «Анналов» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1. С. 61.

[2] Февр Л. Бои за историю. М., 1991. 632 с.

[3] Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40–41.

через память или запись в памяти уже пережитого коллективом, «неизбежно связана с прошлым историческим опытом»…»[1].

В конце 1990-х годов российские читатели познакомились с концепцией «мест памяти» Пьера Нора, который акцентировал внимание на исчезновении памяти и значении монументов и музеев как инструментов сохранения памяти для поддержания целостности общества[2] и утверждал, что память, в частности память о военных событиях, активно формируется через различные дискурсы, подчеркивая тем самым важность соответствующей целенаправленной деятельности.

Отечественные исследователи расширяют понятие мест памяти: Ю. Ю. Хмелевская включает в него людей, события и традиции, которые имеют символическое значение и могут менять свои интерпретации[3]; по мнению О. В. Головашиной, «места памяти – это символический объект, обладающий материальностью и функциональностью; он представляет собой «останки» прошлого, связанные с определенными коммеморативными практиками, подверженные множественным интерпретациям, способные к изменениям, но сохраняющим при этом свою символическую роль»[4].

Это соответствует и зарубежной культурологической традиции изучения памяти, прежде всего в ее коммуникативном, интерпретационном аспекте. В частности, немецкий ученый Я. Ассман выделяет два типа памяти: коммуникативную, доступную всем членам группы, и культурную, связанную с определенными носителями[5], при этом он подчеркивает важность поминовения мертвых как одного из основ культурной памяти. Немецкий теоретик Т. Адорно утверждает, что манипуляция исторической

---

[1] Астафьева О. Н. Культурная политика: динамика теоретических подходов и фундаментальных концептуализаций // Исторические повороты культуры: сборник научных статей (к 70-летию профессора И. В Кондакова). М., 2018. С. 86–87.

[2] Нора П. Проблематика мест памяти. Франция – память. СПб.,1999. 325 с.

[3] Хмелевская Ю. Ю. О мемориализации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 13.

[4] Головашина О. В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 18–38.

[5] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 54–55.

памятью связана с ее природой, которая может включать забывание и стремление избавиться от прошлого[1], акцентируя таким образом внимание на субъктивном аспекте формирования и задействования и сохранения памяти в социокультурной практике. Французский философ П. Рикёр полагал, что память состоит из воспоминания, обработки и забвения[2]. Эти процессы взаимосвязаны и непредсказуемы: память избирательно сохраняет важное для понимания настоящего, отсекая второстепенное и случайное, или вообще ненужное.

В связи со сказанным в настоящее время закономерно возникают вопросы о сохранении и представлении культурной памяти, а также ее адекватной интерпретации с целями противодействия негативным последствиям культурной глобализации, укрепления отечественной политической, социальной и экономической систем, сохранения культурного и экологического качества окружающей среды. Одним из инструментов сохранения и представления культурной памяти являются объекты культурного наследия. При этом, как считает в частности О. А. Гришина, сохранение и использование объектов культурного наследия должны быть согласованы с целями устойчивого развития, которое означает социально желательное, экономически жизнеспособное и экологически устойчивое развитие общества[3].

Важнейшим элементом культуры и частью культурного наследия, как уже отмечалось, является мемориальное наследие, в том числе – мемориальное наследие Великой Отечественной войны. В контексте нашего диссертационного исследования необходимо отметить такую важную его функцию, как символизация успеха. Эта функция детально рассмотрена в работе Г. В. Бакуменко и Т. В. Коваленко, по мнению которых мемориальное наследие Великой Отечественной войны играет важную роль в

---

[1] Адорно Т. Проблемы философии морали. М., 2000. С. 39.

[2] Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 25.

[3] Гришина О. А. Историко-культурное наследие в контексте устойчивого развития // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2012. № 5. С. 16–24.

формировании современной социокультурной реальности и способствует устойчивому развитию региона[1].

Мемориальное наследие, мемориальная культура являются частью национальной культуры и от их содержания, интерпретации и состояния зависят важнейшие социальные процессы – формирование коллективной идентичности, взаимосвязь поколений, межкультурные и межэтнические коммуникации, национальное самосознание и единство, видение людьми общенационального будущего, государственная безопасность и т.п. Ибо то, что без знания, понимания и почитания прошлого нет будущего, это не просто прописная истина, но важнейший мировоззренческий и научный посыл современному обществу. «…Чтобы понять настоящее, т. е. то, внутри чего мы находимся, и будущее, то, что еще только нам предстоит, нам надо понять наше прошлое, но не как только прошлое, а именно как то, что продолжает действовать в нашем настоящем, в нас самих, и, возможно, будет действовать и в нашем будущем», – считает И. В. Макарьев[2].

В силу этого мемориальная культура общества – «совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах публичной и приватной коммеморативной деятельности»[3] выступает важнейшим условием его существования и развития как целостности, а потому требует целенаправленного формирования, сохранения и представления.

Специфика мемориальной культуры часто проявляется в привязанности к «ярким» событиям прошлого государства или народов, его населяющих. К таким события можно отнести, в том числе, события войны как фундаментального социального-политического кризиса, требующего от людей самопожертвования и героических поступков. Эти события отражены

---

[1] Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В. Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы сохранения историко-культурного наследия // Наследие веков. 2015. № 1. С. 88.

[2] Макарьев И. В. «Без прошлого нет будущего»: взаимосвязь прошлого и будущего как философская проблема // Вестник Вятского государственного университета. 2024. № 2 (52). С. 21.

[3] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2023. С. 98.

в соответствующем военно-мемориальном наследии, оказывающего сущностное влияние на формирование общественного самосознания, ценностных ориентаций, идентичности. В этом плане историческая травма или, наоборот, предмет исторической гордости имеют принципиальное значение, являясь, по сути, неисчерпаемым нематериальным ресурсом культурной политики и важным элементом коллективной памяти.

В Российской Федерации в конце XX – начале XXI века постепенно формируется особая культурная политика, реализуемая с учетом необходимости сохранения, охраны, использования и популяризации военно-мемориального наследия. Это связано как с историческими изменениями, в частности в геополитической сфере, так и с поиском дополнительных ресурсов для укрепления государственности и общественно-политического и социокультурного развития нашей страны [1].

В связи с этим современная культурная политика России, по мнению О. Н. Астафьевой, основанная на научных принципах и ценностях, ориентированных на социокультурное развитие, сталкивается с необходимостью учета не только социально-экономических приоритетов, но и потенциала самоорганизации культуры, опираясь на ее ценностные и смысловые основы[2]. Эту же мысль развивает Б. П. Борисов, который, говоря о важности сохранения этнонациональной культуры, отмечает, что для сохранения культурной идентичности необходимо восстанавливать историческую память и возрождать утраченные культурные элементы через музеи и другие формы, аутентичные наследию, а не копировать формальный подход советской эпохи[3].

---

[1] Загребин С. С. Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России // Социум и власть. 2015. № 5. С. 128.

[2] Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность // Культурологический журнал. 2011. № 11. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/38.html&j_id=5 (дата обращения: 10.06.2025).

[3] Борисов Б. П. Назад в будущее: сохранение национально-культурной идентичности в условиях глобализации // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов VIII международного научного форума. М. 2022. С. 59.

Отметим, что мемориальная культура в Российской Федерации на стыке XX и XXI веков претерпела ценностную переориентировку. В данном контексте следует упомянуть мнение А. Ассман, утверждающей: «Система моральных ценностей, сменившая политические идеологии, имеет универсалистскую природу… С признанием таких ценностей, как права человека, изменилось само политическое мировоззрение, средоточием которого все меньше служат воины-герои и во все большей мере – гражданские жертвы»[1]. Данное высказывание А. Ассман относится к проблеме радикальных изменений в мемориальной культуре Германии, однако ее слова также во многом можно применить к российской практике.

Распад Советского Союза в 1991 году привел возникновению в России кризиса культурной идентичности – падение идеалов коммунизма, открытие засекреченных советских архивов, вестернизация общества, в совокупности с общей ситуацией политического и социально-экономического упадка привели к возникновению в обществе тенденций к пересмотру или к отказу от социалистического прошлого. Ярче всего общественные разногласия стали проявляться в контексте оценки событий Великой Отечественной войны. По мнению А. С. Жанбосиновой, основополагающим предметом многочисленных дискуссий того времени стало понятие «цены Победы» и поставленный под сомнение тезис о бессмертности подвига советского народа[2].

Таким образом, политические, экономические и социальные изменения привели к образованию в мемориальной культуре России ряда деструктивных тенденций. В частности, А. В. Баранов полагает: «В постсоветской России оценка истории Великой Отечественной войны стала зависимой от идеологического позиционирования историков и публицистов. В 1990-х годах формирование исторической памяти происходило внешне стихийно, но в итоге возникло фрагментированное, дегероизированное

[1] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2023. С. 98.

[2] Жанбосинова А. С. Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. № 1. С. 133.

сознание молодого поколения. Полярно противоположные установки прошлого в системе образования и СМИ размывают ценностное ядро общества, его символы гордости»[1].

По мере развития международных отношений, постепенного усиления конфронтации со странами коллективного «Запада» и смещения внешнеполитического развития России на «Азиатский» вектор, влияние тенденций к отказу от «советского прошлого» практически сошло на «нет». На смену им пришло новое восприятие событий Великой Отечественной войны как фактора национального объединения. Немаловажным условием изменения мемориальной культуры российского общества стало наступление времени, в котором, выражаясь терминологией П. Норы, проявился «поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения»[2]. В связи с этим и с учетом ситуации постепенного ухода поколения участников и свидетелей событий Великой Отечественной войны, в российском обществе появился запрос на формирование культурной идентичности вокруг «мест памяти» – вокруг памятников, выступающих трансляторами ярко выраженного контента общей истории и коллективной культурной памяти.

Современные отечественные исследователи подчеркивают – культурная память играет ключевую роль в самоидентификации индивидов и социальных групп. В частности М. В. Соколова отмечает, что растущий интерес к прошлому в России объясняется важностью идентификационной функции культурной памяти, особенно в контексте памяти о Великой Отечественной войне[3]. Н. Г. Денисов отмечает, что в условиях современных угроз социальные проекты, основанные на коллективизме и общинности,

---

[1] Баранов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия // Наследие веков. 2017. № 2. С. 58.

[2] Нора П. Проблематика мест памяти. Франция – память. СПб., 1999. С. 17.

[3] Соколова М. В. Что такое историческая память? // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 38–40.

адаптируются к кризисам, становясь «победными традициями», где единство и сила сообщества становятся ключом к преодолению вызовов[1].

Отметим, что главную роль в развитии сферы культуры в России по-прежнему играет государство и государственная культурная политика. Это означает, что государство несет ответственность за формулирование четких задач в сфере культуры, соотнося их с духовно-нравственными ориентирами общества, традиционными культурными ценностями. Это отражено в III разделе Указа Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», где культурная политика понимается как действия государственных органов и общественных институтов, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех сфер культуры, творческой деятельности граждан и формирование системы ценностей, характерных для российского общества[2]. И в формировании и представлении этих ценностей важнейшее значение имеет мемориальное наследие.

Поэтому в Российской Федерации в конце XX – начале XXI века начало формироваться особое направление государственной культурной политики памяти, связанное с учетом, сохранением, охраной, использованием и популяризацией мемориального наследия[3], имеющего принципиальное значение для объединения российской нации на основе осознания общего исторического прошлого и общих культурных ценностей.

Сохранение, охрана, использование и популяризация мемориального, и в том числе военно-мемориального, наследия в нашей стране происходит как на общенациональном, так и региональном уровне. Учитывая современный тренд российской культурной политики, выражающийся в особом

---

[1] Денисов Н. Г. Историческая память как объект и предмет современного социокультурного и образовательного проектирования (На примере Кубани и Крыма) // Культурное наследие России. 2017. № 4. С. 68.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412250002.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

[3] Линченко А. А., Аникин Д. А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Научное издательство ВятГУ. 2018. № 1. С. 19–25.

отношении к регионам и развитию региональной культуры и региональной культурной политики, формированию региональной культурной идентичности в контексте общенациональной, необходимо акцентировать внимание прежде всего на региональном мемориальном и военно-мемориальном наследии, в том числе – Великой Отечественной войны. В рамках общероссийской культурной политики памяти ее региональные ресурсы становятся важными элементами национальной мемориальной культуры и инструментами формирования национальной памяти, культурно-национальной идентичности, национального самосознания[1].

Таким образом, в рамках проведенного культурологического анализа мемориальное наследие раскрывается как динамичное явление, включающее в себя материальные и нематериальные объекты, актуализируемые в современных социокультурных и политических процессах. Анализ теоретических подходов к изучению мемориального наследия и его российской специфики позволяет утверждать, что дальнейшее изучение феномена требует углубленного внимания к взаимодействию региональных, национальных и глобальных контекстов.

Междисциплинарный подход, объединяющий методы memory studies, культурологии, истории, социологии и т.п., подчеркивает двойственную природу мемориального наследия: с одной стороны, оно выступает хранителем исторической информации и фундаментом культурной идентичности, с другой – становится объектом интерпретаций, политических манипуляций и идеологического конструирования, что особенно ярко проявилось на постсоветском пространстве в контексте переосмысления мемориального наследия Великой Отечественной войны. Эти процессы происходили, в частности, и в Крыму, закономерно отразив особенности его историко-политического развития в советский, украинский и российский периоды.

---

[1] Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4. С. 76–80.

1.2 Мемориальное наследие как элемент культуры Крыма*

При изучении мемориального наследия следует учитывать немаловажный фактор влияния региональной культуры на специфику его восприятия и коммеморации в отдельно взятом социуме.

Региональная культура, по мнению И. В. Гориной, являет собой объединяющее начало, «организующее особую форму бытия национальной культуры в ее региональном варианте, которое является необходимым условием существований локального социума»[1].

Региональная культура, как социокультурный феномен, образуется путем взаимодействия множества факторов (география, климат, этнический состав населения, его генезис, структура и закономерности развития, религиозная и политическая принадлежность, история региона и так далее), создавая таким образом уникальную среду, благоприятную не только для формирования традиций локального общества, но и для их сохранения и адаптации к современным реалиям. А. И. Голышев, в частности, отмечает, что «сегодня в регионах складывается стратегия развития культуры с учетом особенностей самих территорий, их историко-культурных традиций, духовного и материального наследия, интересов и запросов всех категорий населения. Именно в регионах обеспечивается баланс интересов субъектов культурной политики, формируется региональная идентичность и социальная сплоченность при всем культурном разнообразии»[2].

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 142, 143, 145 в списке использованных источников и литературы.

[1] Горина А. В. Региональная культура в контексте идей отечественных мыслителей // Дискурс. 2016. № 6. С. 24.

[2] Голышев А. И. Региональная культурная политика: культурологический подход // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 75.

Именно региональная культура является основой для самоидентификации локальных сообществ и потому ее изучение позволяет не только понять специфику отдельной территории, но и увидеть, как национальные ценности преломляются через призму местных культурных традиций, соединяя частное и общее, прошлое и настоящее.

Поскольку региональная культура формирует среду для самоидентификации локальных сообществ, закономерно возникает вопрос о том, как именно происходит процесс осознания личностью своей принадлежности к региону и соответствующей региональной культуре. Поэтому следующим важным аспектом в изучении мемориального наследия становится понятие региональной культурной идентичности, сформированной под влиянием особенностей региональной культуры.

Феномен культурной идентичности А. П. Садохин определяет как «…самоотождествление индивида с какой-либо определенной культурой или культурной группой, с принятыми в них формами и нормами поведения, с культурной картиной мира, формирующими ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом...»[1]. Региональную культурную идентичность исследователи, в частности Е. П. Матузкова[2] и Е. В. Еремина[3], рассматривают как динамическое самосознание общности и объективное состояние, основанное на чувстве личной самотождественности и включенности в региональный социум. Региональная культурная идентичность, таким образом, проявляется как на личностном, так и на социальном уровне. Она локализует жизнь человека в региональном социокультурном пространстве, подразумевая, как правило, положительное (конструктивное) сравнение с другими регионами и их культурой. При этом нужно иметь в виду, что региональная культурная идентичность не противоречит идентичности национальной, так как позволяет сформировать

---

[1] Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М., 2014. С. 47.

[2] Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 68.

[3] Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 278–279.

у людей отдельно взятого региона не только чувство единения вокруг «малой Родины», но одновременно и чувство принадлежности к Родине «большой». Это происходит благодаря разделению с представителями иных регионов тех основополагающих духовно-нравственных традиционных ценностей, которые свойственны нации в целом и необходимы для укрепления целостности и межэтнического единства государства.

В качестве примера региональной культуры в данном исследовании выступает культура Крыма – региона, где культурное пространство формируется под влиянием уникального географического положения, многовекового переплетения жизнедеятельности различных этносов, сложных общественно-политических отношений и исторического пути развития. Рассмотрение крымской культуры как определенной целостности позволяет проанализировать процесс ее развития как ресурса социокультурной стабильности, объединяющего традиции коммеморации событий прошлого и планирования будущего, основанного на диалоге поколений и межэтнической консолидации.

Особенности культуры Крыма как многонационального региона проявляются не только в сохранении уникальных памятников и обычаев, но и в активной региональной культурной политике, направленной на поддержание культурного наследия, развитие духовных ценностей, укрепление региональной идентичности, а также социально-экономической и социально-культурной конкурентоспособности региона. В Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года подчеркивается, что «история территории, ее социальные, культурные особенности (наряду с производственно-экономическим и транспортно-коммуникационным потенциалом) становятся своеобразным “товаром”, важным преимуществом в конкуренции с другими геоэкономическими регионами мира, а также питательной средой для социальных инноваций как одного из источников развития», а «культурное наследие и исторический потенциал Республики Крым входят в число его ключевых ресурсов.

Культурное достояние Республики Крым является базовым элементом идентичности региона...»[1].

Развитие региональной культуры, формирование региональной идентичности выступает одной из основных целей региональной культурной политики, представляющей собой целенаправленный процесс контроля и управления культурой в соответствии с запросами общества[2].

Меры, принимаемые региональными правительствами в сфере культуры, демонстрируют то, как локальные культурные практики становятся инструментом укрепления общественных связей, социального единства, межэтнического согласия, стимулируют социально-экономическое развитие региона. Соответствующая культурная политика и культурные практики проводятся и в Крыму. При этом стоит отметить, что государственная культурная политика в Республике Крым и г. Севастополе, как и других регионах Российской Федерации, основывается на принципах: равенства прав населения в сфере культуры (в том числе – и в отношении создания, сохранения и распространения культурного наследия[3]); приоритетности культуры в жизни общества; формирования единого культурного пространства; равнодоступности культурных ценностей; единства регионального и национального в культурном развитии.

Безусловно, осуществление культурной политики в крымском регионе имеет ряд особенностей, обусловленных географическим положением полуострова, многонациональным составом его населения, историческим прошлым и соответственными задачами культурного развития в настоящем и будущем. В настоящее время для Крыма, с целью укрепления регионального и национального культурного единства крымчан, актуализации в их сознании

---

[1] Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» // Правительство Республики Крым. URL: https://rk.gov.ru/documents/7b10bb19-5f75-49eb-9786-557cfa2b3275?ysclid=miw4gspzff442019458 (дата обращения 25.02.2025).

[2] Астафьева О. Н., Горенкин В. А., Швецова А. В. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации: монография. Симферополь, 2019. С. 11.

[3] Закон Республики Крым от 11.09.2014 №68-ЗРК «Об объектах культурного наследия в Республике Крым» (с изменениями на 26 декабря 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/413902335 (дата обращения 25.02.2025).

общероссийского исторического прошлого и настоящего, особо актуальным является осуществление мероприятий по целенаправленному сохранению и развитию культурного наследия, включающего в себя памятники истории и культуры, объекты нематериального культурного наследия, традиции и обычаи народов, проживающих на территории Республики Крым и в г. Севастополе. Особое внимание в контексте формирования, сохранения и укреплении культурной идентичности в настоящее время уделяется мемориальному наследию Крыма, и прежде всего мемориальному наследию Великой Отечественной войны – ведь именно оно символизирует общие для всех народов России Подвиг и Победу, именно в нем наиболее глубоко выражена идея национального единства, общей судьбы всех граждан нашей страны. Не случайно эта тема обладает популярностью в общественном, научном и образовательном дискурсе и оказывает существенное влияние на самоидентификацию крымчан – ведь именно отношение к прошлому является ключевым фактором формирования культурной идентичности народа[1].

Говоря о мемориальном наследии Великой Отечественной войны в Крыму, необходимо отдельно остановиться на ее значении для города Севастополь. Так, в Законе «О праздниках и памятных датах города Севастополя» перечисляются 18 памятных дат, 6 из которых посвящены увековечиванию событий Великой Отечественной войны, а 9 связаны с другими событиями военной истории города[2]. Особая роль памяти о Великой Отечественной войне в формировании культурной идентичности жителей Севастополя отмечена льготами в отношении севастопольцев, переживших осаду города в 1941-1942 годах (льготы предусмотрены Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

---

[1] Борунов С. С. Микитинец А. Ю. Мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны: пути формирования коллективной идентичности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: IX международный научный форум, М., 2023. С. 67–68.

[2] Закон города Севастополя от 06.03.2015 № 122-ЗС «О праздниках и памятных датах города Севастополя». Законодательное собрание города Севастополя. URL: https://sevzakon.ru/assets/files/01_zakony/2023/122-zs_izm764.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

Российской Федерации в части отнесения лиц, награжденных знаком «Житель осажденного Севастополя», к ветеранам Великой Отечественной войны и установления им правовых гарантий социальной защиты»[1]).

Как уже было отмечено, в Республике Крым и г. Севастополе как поликультурном регионе с богатым историческим наследием уделяется особое внимание сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Мемориальные комплексы, посвященные этому периоду, играют значимую роль в жизни полуострова, влияя на его социокультурную среду и туристскую привлекательность[2]. Ежегодно сотни тысяч людей посещают крымские мемориалы, чтобы отдать дань уважения погибшим и глубже погрузиться в историю Великой Отечественной. С целью увековечивания исторической памяти о военных событиях того времени в последние годы в Симферополе и его окрестностях были открыты два новых мемориальных комплекса:

– Мемориальный комплекс жертв концлагеря «Красный» в селе Мирное Симферопольского района (открыт в преддверии Дня Победы 8 мая 2015 года)[3];

– Мемориальный сквер памяти жертв концлагеря «Картофельный городок» в Симферополе (церемония открытия состоялась 21 ноября 2023 года)[4].

Различные мероприятия, проводимые на базе указанных мемориальных комплексов и памятников Великой Отечественной войны, направлены на привлечение внимания не только жителей Крыма, но и туристов из других

---

[1] Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отнесения лиц, награжденных знаком “Житель осажденного Севастополя”, к ветеранам Великой Отечественной войны и установления им правовых гарантий социальной защиты» (последняя редакция). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371575/ (дата обращения: 09.07.2025).

[2] Борунов С. С. Актуализация мемориальных объектов Великой Отечественной войны в социокультурном пространстве Крыма (методологический аспект) // Общество: философия, история, культура. 2024. № 5. С. 236.

[3] Под Симферополем на месте концлагеря в бывшем совхозе «Красный» торжественно открылся мемориальный комплекс // Крыминформ. URL: https://www.c-inform.info/news/id/22798 (дата обращения: 22.02.2024).

[4] На территории концлагеря в Крыму, где погибли 6 тыс. человек, открыли музей // ТАСС. URL: https://tass.ru/kultura/19337895 (дата обращения: 22.02.2024).

регионов страны. Среди них – флешмобы, шествия, театральные представления, встречи с ветеранами, акции, направленные на благоустройство территорий мемориалов, а также научно-просветительские мероприятия, включая экскурсии, конференции, лекции, семинары, музейные выставки и просмотр документальных фильмов. Также здание музея Мемориального комплекса «Концлагерь «Красный» служит местом заседаний Попечительского совета данного комплекса, на которых рассматриваются вопросы охраны и реставрации памятников Великой Отечественной войны в Крыму.

Таким образом, мемориальный комплекс жертв концлагеря «Красный» представляет собой не только музей, но и многофункциональную образовательно-творческую платформу, позволяющую применять на своей базе целый спектр социокультурных практик[1]. С момента его открытия в 2015 году, каждый год мемориальный комплекс посещают в среднем по 30 000 человек в год, большая часть которых – экскурсанты. Однако немалая часть целевой аудитории мемориала привлекается посредством проведения массовых мероприятий, приуроченных к памятным датам. Наибольшая посетительская активность наблюдается в период с апреля по май, в связи с памятными для Крыма и г. Севастополя датами в истории Великой Отечественной войны – освобождением Крыма и Днем Победы.

Одним из таких мероприятий стала акция «Зажги свечу памяти», ежегодно проводимая в с. Мирное Симферопольского района в начале мая, в преддверии Дня Победы. По устоявшейся традиции, акция начинается с возложения цветов к мемориалу жертвам концлагеря «Красный» и церемонии зажжения свечей[2].

Указанные практики сохранения, развития и актуализации мемориального наследия, а также его систематическое улучшение имеют

---

[1] Борунов С. С. Мемориалы жертвам концлагеря «Красный» как фактор формирования социокультурной среды Крыма // Искусство и наука третьего тысячелетия: материалы XI Международной научно-творческой конференции. Симферополь, 2022. С. 170.

[2] Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма «Концлагерь «Красный» 1941–1944 гг. // Мемориал «Красный». URL: https://memorialkrasniy.ru/akczii/ (дата обращения: 10.04.2024).

большое значение для развития социокультурной среды Крыма. Это способствует укреплению культурной и исторической идентичности жителей Крыма, развитию музейного и культурно-познавательного туризма, а также созданию развитой инфраструктуры для проведения общественных и просветительских мероприятий на базе мемориальных комплексов и других памятных сооружений[1].

В целом можно отметить, что для успешной интеграции мемориальных объектов Великой Отечественной войны в социокультурное пространство Крыма необходим комплексный подход, учитывающий исторический, культурный, социальный и образовательный контекст. В частности для реализации данного подхода необходимо сделать следующее:

– использовать и расширять возможности интернет-сайтов и социальных сетей для презентации отечественной культуры, искусства и творчества. Стоит указать, что эти мероприятия в Республике Крым и городе Севастополе уже осуществлялись. Яркими примерами подобных «электронных мемориалов» являются: сайт «Теплоход “Армения”», посвященный гибели в 1941 году одноименного санитарно-транспортного судна, а также сайт «Электронная книга памяти Республики Крым» – поисковая система, включающая в себя Центральный архив МО РФ, ЦВМА, ВМА МО, МВД РФ, ЦГА Крыма и многих других республиканских, районных и городских архивов. Также, в Крыму и г. Севастополе был организован целый ряд историко-образовательных порталов, таких как «Крым. Победа», «Крымский рубеж», «КрымФронт», Крымский филиал сайта «Бессмертный полк»;

– создавать мультимедийные материалы: виртуальные экскурсии, цифровые архивы и образовательные материалы, способствующие привлечению аудитории и расширению ее участия в социокультурном пространстве Крыма. На данный момент, даже самые современные музейные

[1] Борунов С. С., Микитинец А. Ю. Мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны: пути формирования коллективной идентичности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: IX международный научный форум. М., 2023. С. 67.

и мемориальные комплексы, посвященные событиям Великой Отечественной войны в Крыму и г. Севастополе – «Музейный комплекс 35-я батарея» и «Мемориал жертвам фашизма «Концлагерь “Красный”» – не обладают в полной мере таким функционалом, что ограничивает использование данных сайтов потенциальными туристами и другими заинтересованными лицами;

– развивать в Крыму и г. Севастополе музейные кластеры, призванные совершенствовать инфраструктуру мемориальных объектов Великой Отечественной войны;

– создавать специализированные военно-исторические туристские маршруты, включающие последовательное посещение ряда важнейших крымских мемориальных объектов, что будет способствовать созданию у туристов объемного представления о событиях войны на полуострове.

Отметим, что такие военно-исторические туристские маршруты существовали в советский период, и в данном контексте особый интерес представляют туры «По рубежам обороны Севастополя» и «По партизанским местам Восточного Крыма», а также туры, организованные Севастопольским бюро путешествий и экскурсий, которые, по данным А. Д. Попова, на пике своего успеха в 1977 году обслужили 3,5 миллиона туристов и были признаны лучшими на Всесоюзном уровне[1]. Подобные туры существуют и в настоящее время, однако в связи с рядом объективных причин (ценовая политика, отсутствие эффективного продвижения и узнаваемости туров, неразвитая инфраструктура и т.д.) не имеют такого успеха, как их советские предшественники.

Внедрение перечисленных мероприятий в практику Крыма может улучшить интеграцию памятников Великой Отечественной войны в социокультурную жизнь региона, повысить их значимость для крымского общества и укрепления культурной идентичности – как региональной, так и национальной. Кроме того, крымские мемориалы важны для

[1] Попов А. Д. Легендарный Севастополь как туристско-экскурсионный объект: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 8 (3). С. 57.

патриотического воспитания и сохранения памяти о судьбоносных исторических событиях, объединяя жителей через осознание общего исторического прошлого. Крымские мемориалы также играют символическую роль в современных политических контекстах и могут значительно влиять на социально-экономическое и политическое развитие региона благодаря советскому военно-историческому опыту и инфраструктуре.

Тема популяризации мемориального наследия Великой Отечественной войны особенно актуальна в условиях современных «войн памяти», где искажение истории, осквернение и снос памятников угрожают национальной безопасности и культурному коду России. И. В. Леонов и И. В. Кириллов обоснованно полагают, что противостоять этим деструктивным процессам позволяет именно планомерная фиксация и научно обоснованная презентация подлинных мест памяти, делая прошлое более осязаемым и сохраняя историческую правду в культурной памяти народов России[1].

Вышеперечисленное затрагивает, в частности, и тему туристской привлекательности Крымского полуострова. Туризм – это многогранное явление, которое привлекает внимание исследователей из различных областей, включая историю, географию, экономику, социологию, культурологию, психологию и другие науки. В контексте диссертационного исследования стоит отметить, что одним из перспективных, но пока недостаточно изученных вопросов является взаимосвязь туризма и культурной памяти в конкретном регионе, проявляющееся в формировании региональной военно-исторической сферы, а значит и в возможности развития военно-исторического туризма.

И. Ю. Соломина, Д. Д. Малышева определили военно-исторический туризм следующим образом: «…временное перемещение граждан с

---

[1] Леонов И. В., Кириллов И. В. Артефакты с военными «шрамами» и их статус в российской культуре: на примере памятников г. Севастополя и Республики Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8. № 3. С. 87.

постоянного места жительства в другую страну (регион) с целью приобщения к военно-историческому прошлому какой-либо местности. Военно-исторический туристский маршрут должен включать посещение музеев военной тематики, мемориальных комплексов, мест военных сражений, полигонов, концлагерей; участие в реконструкциях боевых действий, военно-исторических фестивалей и военно-спортивных мероприятий, парадов. Военно-исторический туризм представляет собой многогранный феномен, сочетая в себе событийный, музейный, образовательный и другие виды туризма»[1]. Таким образом можно говорить о военно-историческом туризме как направлении, в котором присутствуют самые различные формы представления соответствующей информации и включения в историческое прошлое, что делает его одним из самых эффективных инструментов культурной политики памяти, формирования патриотических чувств и национального самосознания.

В частности, в этом отношении заслуживают внимания туристские проекции культурной памяти о событиях 1941–1945 годов Великой Отечественной войны. Сегодня в сознании большинства жителей постсоветского пространства память о Великой Отечественной войне является наиболее актуальной и легитимной. Это связано с тем, что Великая Отечественная война оставила глубокий след в культурной памяти российского народа, стала ключевым событием в его истории. Именно поэтому воспоминания о ней можно считать одной из основных «идеологических доминант» советского туризма послевоенного периода.

В данном контексте следует обратиться к советской практике военно-патриотического туризма по местам памяти Великой Отечественной войны. В первые годы после войны память о ней была жива в сознании людей, особенно тех, кто принимал в ней непосредственное участие. С течением времени, особенно в 1960-1980-х годах, государство начало активно

---

[1] Соломина И. Ю., Малышева Д. Д. К вопросу об организации военно-исторического туризма в Севастополе // Таврические студии. 2019. № 18. С. 20–21.

использовать память о войне как мобилизующий фактор. Тема Великой Отечественной войны была включена в практически каждую программу путешествий, где организовывались посещения соответствующих объектов. Некоторые маршруты были специализированы и посвящены военной истории, в частности в Крыму были организованы такие как «По рубежам обороны Севастополя» и «По партизанским местам Восточного Крыма».

Развитие туризма привело также к появлению железнодорожных туров по городам-героям, где участники могли посетить различные памятники и места, связанные с историей войны. Отдельно следует отметить всесоюзные патриотические мероприятия, посвященные актуализации исторической памяти, в том числе – военной.

По мнению А. Д. Попова, «…именно военно-патриотическое воспитание молодежи, не имевшей личного военного опыта, стало сверхзадачей советского мемориального туризма в 1960–1980-е годы. В связи с этим особое значение приобрел Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы коммунистической партии и советского народа»[1]. Данный Всесоюзный поход был организован ЦК ВЛКСМ в 1965 году и продолжался до 1987 года. Более 60 миллионов молодых людей приняли участие в этом походе[2]. Они посещали памятные места, собирали исторические источники о Великой Отечественной войне, участвовали в создании и восстановлении памятников, помогали ветеранам и семьям погибших. Воспоминания о войне стали основной темой советского туризма послевоенного периода. Органы власти старались делать все необходимое, чтобы передать героическую парадигму войны следующим поколениям, и мемориализация мест, связанных с событиями 1941–1945 годов, создала множество возможностей для организации и проведения военно-патриотических путешествий и экскурсий.

---

[1] Попов А. Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 43–48.

[2] Дмитриев Э. Г., Шляков В. В. Походы по местам славы. М., 1986. С. 32.

Важность изучения советского опыта военно-патриотического туризма для его развития в настоящее время в Крыму заключается в необходимости формирования культурной памяти и патриотизма современных российских граждан. Этот опыт помогает правильно выстраивать политику памяти, направленную на сохранение и передачу исторической правды и патриотических чувств следующим поколениям. Современный туризм, как сложный социокультурный феномен, оказывает еще более существенное влияние на экономику и общество, чем в советское время, и потому использование культурного наследия (в том числе мемориального) для развития всех видов туризма особенно важно для Крыма, где развитие туристской сферы тесно связано с социально-экономическим развитием всего полуострова.

Развитие туристской сферы, а значит и всех остальных, невозможно без соответствующей популяризации культурного достояния и культурного наследия территории. По мнению Ю. С. Путрика и А. П. Соловьева, в современной России необходимо активное развитие территориального брендинга, так как многие российские регионы не имеют четкого культурно-туристского имиджа. И это происходит, когда, как, отмечают исследователи, «мы видим все возрастающую роль туризма для наших сограждан как мощного фактора приобщения к российским культурным ценностям, что в условиях быстрого роста путешествий по маршрутам внутреннего туризма приобретает повсеместный характер межрегионального взаимодействия культурной и туристской сфер, предопределяя все более ответственное отношение к вопросам сохранения и использования объектов культурного наследия как неоспоримых свидетелей и материальных носителей исторической памяти нашего народа, одной из краеугольных основ культурного суверенитета России»[1]. Поэтому в настоящее время необходимо развитие внутреннего туризма не только с целью социально-экономического

[1] Путрик Ю. С., Соловьев А. П. О роли туризма в вопросах сохранения и укрепления цивилизационной идентичности российских регионов // Культурологический журнал. 2023. № 2 (52). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/618.html&j_id=56 (дата обращения: 11.06.2025).

развития регионов, но и с не менее важной целью – укрепления культурного суверенитета страны, объединения регионов через сохранение и презентацию российского культурного наследия и популяризацию российских традиционных ценностей.

Популяризация, в том числе средствами туризма, мемориального наследия Великой Отечественной войны, как уже отмечалось выше, занимает в этом процессе особое место – как во всей нашей стране, так и в крымском регионе.

В целях популяризации знаний об истории Великой Отечественной войны и ее мемориальных памятников в Крыму создаются новые туристические маршруты, которые представляют собой ценный научно-просветительский, воспитательный и культурный ресурс. Например, в 2022 году крымскими туристскими компаниями при поддержке городских администраций были разработаны маршруты «Володя Дубинин – храброе сердце, морская душа» и «Аджимушкай. Подвиг подземного гарнизона»[1]. И этого, на наш взгляд, недостаточно, так как, согласно данным, приведенным в исследовании Э. Э. Ибрагимова, «…Республика Крым обладает всеми ресурсами, необходимыми для развития военно-исторического туризма. На данный момент насчитывается 28 государственных музейных учреждений, в том числе 21 музей и 7 заповедников, 4 музея зарегистрировано в г. Севастополе (около 1,2% общего числа музеев в Российской Федерации) Кроме того, в ведении предприятий, учреждений, организаций, учебных заведений находится 332 музея с 329 тыс. музейных предметов. В фондах государственных музеев хранится около 800 тыс. экспонатов»[2].

---

[1] О развитии санаторно-курортной и туристической отрасли Республики Крым за 2022 год // Министерство курортов и туризма Республики Крым. URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php9GJuKh_O%20развитии%20санаторно-курортной%20и%20туриститческой%20отрасли%20Республики%20Крым%20за%202022%20год.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

[2] Ибрагимов Э. Э., Авдиль И. Э. Перспективы развития военно-исторического туризма в Крыму // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 174–175.

Поэтому в Крыму одним из наиболее перспективных является военно-исторический туризм, связанный с реализацией проектов по созданию музейных комплексов на основе военно-исторических ландшафтов – одним из таких многообещающих объектов, в частности, является музейный кластер на мысе Хрустальный в Севастополе. В то же время, ландшафтные памятники в Крыму, связанные с военной историей, пока недостаточно разработаны как объекты культурного наследия, что требует проведения соответствующих мероприятий по их вовлечению в социокультурную, в том числе туристскую, практику.

Для развития туризма в крымском регионе важно учитывать и задействовать в туристской деятельности экспозиции и фонды музеев, посвященные истории войн и сражений, а также сохраненные артефакты военных конфликтов. Это поможет превратить Крым в культурный комплекс с высокой военно-исторической ценностью, что подтверждают уже существующие такие комплексы, как Музей «Михайловская батарея», Мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» и Военно-морской музей в Балаклаве. С этой же целью власти городов Керчь и Севастополь планируют создать филиалы парка «Патриот», на территории которых будут демонстрироваться передовые технологии и достижения оборонно-промышленного комплекса России и проводиться воспитательная работа с молодежью, что станет еще одним шагом к развитию военно-исторического туризма в Крыму[1].

В настоящее время объектов, посвященных памяти Великой Отечественной войны и пользующихся большим туристским спросом, в Крыму немного, и большинство из них расположено в г. Севастополе. Прежде всего, это отреставрированный в 2017 году комплекс Константиновская батарея[2], музей «Михайловская батарея», Мемориальный

---

[1] Шляхова П. С., Матушевская Е. А. Туристический кластер Крыма: современное состояние и перспективы развития // Крымский научный вестник. 2018. № 3. С. 15.

[2] В Севастополе после реконструкции открыли Константиновскую батарею // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/4703166 (дата обращения: 20.09.2023).

комплекс «35-я береговая батарея», а также музей-панорама «Малахов курган» и Музей Черноморского флота.

Согласно Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года» [1], утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 года № 790, в настоящее время, в рамках данной Государственной программы, проводятся работы по созданию современного международного туристского центра Российской Федерации, который, как отмечают крымские исследователи, будет соответствовать критериям круглогодичности, востребованности и конкурентоспособности[2], что, безусловно, положительно повлияет и на развитие военно-патриотического туризма.

Развитию данного вида туризма способствует также то, что с 2019 года в Республике Крым проводится обустройство и восстановление воинских захоронений, нанесение на мемориальные плиты по месту захоронения имен погибших при защите Отечества, а также организация поисковых работ – все это реализуется в рамках федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы»[3]. В результате появятся новые объекты для показа при проведении соответствующих туров.

Таким образом, мемориалы, памятники и памятные места Великой Отечественной войны являются важными элементами культуры Крыма, вносят свой вклад в патриотическую, историческую и воспитательную работу, а также являются важными объектами туризма, тем самым

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 11.08.2014 № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы “Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года”» (с изменениями и дополнениями)// Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/70714732/ (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Ибрагимов Э. Э., Авдиль И. Э. Перспективы развития военно-исторического туризма в Крыму // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 176.

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.07.2019 № 1637-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/560760969 (дата обращения: 10.11.2023).

способствуя развитию экономики региона и повышению его конкурентоспособности. Кроме того, они играют важную роль в формировании культурной идентичности крымчан, объединяя их вокруг общего исторического героического прошлого, имеющих отражение в истории чуть ли не каждой российской семьи. По мнению У. С. Костюковой и Н. Б. Акоевой, в условиях роста количества попыток фальсификаций истории Великой Отечественной войны особо важным представляется задача сохранения памяти о народном подвиге как основе национальной идентичности, формируя интерес к ее изучению через осмысление войны не только как глобальной трагедии, но и личного горя каждой семьи[1]. Именно поэтому в музейных экспозициях такой интерес вызывают экспонаты, связанные с жизнью конкретной личности – участника военных событий.

Нужно отметить, что государственная власть целенаправленно проводит политику сохранения памяти о Великой Отечественной войне в Крыму, что также способствует образованию и сохранению социокультурных пространств, «мест памяти», связанных с войной. В частности, таким знаковым политическим событием стало присвоение почетного звания «Город воинской славы» г. Феодосии в 2015 году[2], что, безусловно, повысило статус города как объекта мемориального культурного наследия.

Важность этого отмечают Н. Г. Денисов и М. В. Яремчук, полагающие, что в условиях современных военных угроз памятники войны, «места памяти» стимулируют духовное воспитание и единение народа. Данные авторы предлагают также учредить отдельное почетное звание «Город

---

[1] Костюкова У. С., Акоева Н. Б. Тема Великой Отечественной войны в творчестве художников сурового стиля // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 1. С. 104–105.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2015 № 179 «О присвоении г. Феодосии почетного звания Российской Федерации “Город воинской славы”» // Президент России. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201504070023.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

высокой мемориальной культуры» в целях активизации всероссийского движения по сохранению культурной памяти на муниципальном уровне[1].

В то же время следует учесть, при увековечивании событий Великой Отечественной войны целесообразной является коммеморация не только героической, но и жертвенной (виктимной) памяти о войне. В современном Крыму положительные результаты подобной «проработки памяти» выражаются в принятии Указа Президента Российской Федерации от 21.04.2014 № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития»[2], ставшего первым юридическим документом, признавшим факт депортации народов Крыма незаконным. Указ направлен не только на осуждение Советской политики в отношении депортированных народов, но и на борьбу с ее последствиями, восстановление исторической справедливости и возвращение имущественных и культурных прав народам, пострадавшим от депортации. По мнению Т. А. Сенюшкиной, данный указ способствует «…деполитизации этнического фактора в Крыму, что может служить основой для благополучного и устойчивого развития региона»[3].

Как подтверждение курса на реабилитацию и увековечивание памяти жертв депортации в Крыму можно назвать открытый в 2021 году в с. Сирень Бахчисарайского района мемориал «Путь возвращения народов Крыма», ставший не только значимым «местом памяти», но и универсальной социокультурной площадкой, представляющей возможность проведения на базе мемориала целого ряда культурно-просветительских и научных

---

[1] Денисов Н. Г., Ярчук М. В. «Места памяти» в социальном пространстве (на примере города-героя Новороссийска) // Культурное наследие народов Юга России: итоги и перспективы изучения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2022. С. 57–58.

[2] Указ Президента РФ от 21.04.2014 № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/70641266/ (дата обращения: 21.11.2024).

[3] Сенюшкина Т. А. Анализ социально-политических процессов в Крыму. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2015. С. 124.

мероприятий. Таким образом, осуществленный анализ мемориального наследия Республики Крым и г. Севастополя как элемента региональной культуры позволяет определить его роль в формировании культурной памяти, культурной идентичности и социокультурного единства многонационального сообщества полуострова. Региональная культурная политика Республики Крым, основанная на принципах сохранения мемориального культурного наследия и равнодоступности культурных ценностей для представителей всех народов, что позволяет создавать необходимые условия (и соответствующие культурные проекты) для полноценного развития, сохранения и вовлечения в социокультурную практику (в том числе туристскую) мемориального наследия Великой Отечественной войны, объекты которого в настоящее время выступают не только хранителями памяти, но и многофункциональными площадками для различных образовательных, просветительских и коммеморативных практик.

Особое значение в контексте сохранения мемориального наследия как элемента крымской региональной культуры приобретает сбалансированный подход к коммеморации, сочетающий героическую и виктимную память. Это имеет особое значение в условиях многоэтнического Крыма, так как способствует не только предупреждению или преодолению возможных межэтнических противоречий, но и созданию основы для устойчивого социокультурного развития региона, где память становится связующим звеном между поколениями и культурами, обеспечивает гармоничное кросс-культурное взаимодействие. Таким образом, мемориальное наследие Крыма, выступает важнейшим элементом региональной культуры, обеспечивающим сохранение культурной памяти, формирование культурной идентичности, укрепление гражданской солидарности и интеграцию полуострова в общероссийский культурный контекст.

Глава 2.
ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КУЛЬТУРЕ КРЫМА

2.1 Специфика увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в культуре Крыма в советский период*

В настоящее время изучение особенностей формирования культурной памяти является одним из актуальных направлений гуманитарных наук, в том числе культурологии. Большое значение в этом процессе принадлежит изучению памяти о событиях Великой Отечественной войны. С появлением новых архивных источников и современных исследований о военных событиях в Крыму в период с 1941 по 1945 годы (например, научных трудов О. В. Романько[1], А. В. Исаева[2] и других[3]) возникает необходимость связать научные знания и символы культурной памяти, сформировать объективное представление о Великой Отечественной войне, вернуть забытые имена и события.

В Советском Союзе коммеморация событий Великой Отечественной войны происходила в разных формах, сочетая общесоюзные стандарты с региональными особенностями[4]. Основной чертой советской практики мемориального строительства являлась ее идеологическая направленность. Несмотря на то, что в советский период главными (с точки зрения процессов увековечивания памяти о значимых исторических событиях) считались

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 144, 149 в списке использованных источников и литературы

[1] Исаев А., Глухарев Н., Романько О., Хазанов Д. Битва за Крым, 1941–1944 гг. М., 2016. 894 с.

[2] Исаев А. В. Битва за Севастополь: иллюстрированная энциклопедия. М., 2019. 221 с.

[3] Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник / ред.-сост. А. Исаев, Н. Глухарев, Д. Хазанов; отв. ред. Н. Аничкин. М., 2017. 397 с.; Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Симферополь, 2020. Т. 2. 272 с.

[4] Борунов С. С. Мемориалы Крыма 1919–1941 гг. Как образцы советского монументального искусства и пропаганды // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 4. С. 135.

события Великой Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, именно в честь последнего события, самого кровопролитного в истории страны, было возведено наибольшее количество памятников[1].

Народная память о Великой Отечественной войне воплощалась в материальном и нематериальном мемориальном культурном наследии: сооружались памятников и мемориалы, проводилось обустройство братских могил и иных сакральных мест («мест памяти»), а также учреждались праздники в честь особых памятных дат, связанных с Великой Отечественной войной, открывались музейные экспозиции, создавались соответствующие художественные произведения, развивались народное художественное творчество, коммуникативные практики и мероприятия и т.п. – тем самым подчеркивалось значение общей Победы и подвигов советских людей для освобождения Отечества и других стран от нацизма[2].

Принципиальное содержательное отличие советской культурной политики памяти от последующих периодов заключалось в ее подчинении задаче консолидации нового, надэтнического сообщества – «советского народа» и формирования соответствующей культурной идентичности. Память о Великой Отечественной войне целенаправленно конструировалась как фундамент этой общности, что порождало интернациональную направленность формирования культурной памяти. Ее основой стала концепция коллективного героического подвига и всенародного единения перед лицом врага, в то время как индивидуальная и, что особенно важно, этническая виктимность отодвигалась на второй план или полностью растворялась в обобщающих формулировках о жертвах среди «мирных советских граждан». Эта парадигма предопределила основные векторы мемориализации событий Великой Отечественной войны на десятилетия вперед, в том числе и в Крыму – ее влияние на культурную память и

---

[1] Рубин В. А., Спиридонова Е. В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи // Человек и культура. 2019. № 5. С. 62.

[2] Еремеева, А. Н., Коваленко Т. В. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1 (204). С. 25–39.

культурную идентичность крымчан оставалось существенным и после распада СССР в 1991 году.

В Крыму, в связи с его оккупацией, процесс мемориализации и коммеморации жертв войны начинается только с весны 1944 года и именно тогда начинается возведение первых мемориалов жертвам этой войны.

В формировании памяти о событиях Великой Отечественной войны сразу после освобождения Крыма весной 1944 года немаловажную роль сыграли крымские музеи. В качестве примера приведем деятельность Крымского краеведческого музея в Симферополе.

Крымский Краеведческий музей начал работу уже 21 апреля 1944 года, через несколько дней после освобождения Симферополя. Целевой аудиторией музея стали воинские части Красной Армии, следовавшие в осажденный Севастополь через Симферополь. В «Книге впечатлений» музея за 1944 год сохранилось множество положительных отзывов от офицеров и рядовых красноармейцев, высказывавших свое восхищение отвагой музейных сотрудников, спасших экспозицию от уничтожения, рискуя собственной жизнью. Помимо экспозиционной деятельности Крымский Краеведческий музей в 1944 году осуществлял снабжение местных властей и государственных учреждений агитационными материалами для проведения соответствующих государственных праздников. В частности, 1 мая 1944 года Симферополь был украшен портретами и бюстами вождей, красными транспарантами, знаменами и плакатами, взятыми из фондов музея.

В первые годы после войны на Крымском полуострове проводилась активная работа над увековечиванием памяти о событиях освобождения региона и о тех героях, которые боролись с оккупацией; специальные комитеты исследовали места массовых казней, чтобы определить количество жертв нацистских репрессий.

Важную роль в увековечивании памяти о войне сыграл Евпаторийский краеведческий музей (далее – ЕКМ), который стал проявлять научную, поисковую и общественную активность на Крымском полуострове еще в

период конца 1940-х – начале 1950-х годов, что совпало с постепенным восстановлением жизни в регионе после войны[1]. Сотрудники музея не только обогащали коллекции новыми экспонатами и улучшали экспозиции, но и проводили научные исследования, организовывали лекции и экскурсии, активно пропагандируя идеи социализма и достижения советского руководства, в частности, И. В. Сталина[2].

Исходя из отчета о работе музея за 1944 год, можно сделать вывод о том, что, несмотря на уничтожение инвентарных книг в ходе «нашествия фашистов» и полуаварийное состояние здания музея, заметно активизируется его работа почти сразу после освобождения Евпатории в мае 1944 года. В течение нескольких недель была открыта экспозиция музея, посвященная героям Великой Отечественной войны, и начат сбор материалов по теме «Зверства немцев в Евпатории»[3]. Также, музей организовывал экскурсии в камеры бывшего помещения гестапо в кладовых санатория им. XIII-летия РККА. В это время музей активно посещали советские граждане – всего за период 1944 год музей посетило 15 958 человек, из которых:

1. военных и инвалидов Отечественной войны – 12 995 человек;
2. детей (школьников и дошкольников) – 1 851 человек;
3. трудящихся – 1 012 человек[4].

В 1955 году музейная экспозиция отдела советского периода пополнилась дополнительными данными и материалами на тему «Рейд смелых», повествующими о разведывательной операции советских моряков в тылу врага в Евпатории[5] в 1941 году – экспозиция была дополнена рядом фотографий и личных вещей партизан Евпаторийского отряда[6]. Был также

---

[1] Моисеева Л. Д. Из истории формирования Евпаторийского краеведческого музея и формирования его коллекций // V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей» «Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы»: сборник тезисов докладов. Симферополь, 2022. С. 56–58.

[2] Музеи Крыма. Путеводитель-справочник. Симферополь, 2022. 512 с.

[3] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1.Л.1.

[4] Там же. Л. 2.

[5] Там же. Л. 2.

[6] Там же. Л. 7.

добавлен новый материал о разгроме немцев под Москвой в 1941–1942 годах, о разгроме немцев под Сталинградом и о героической обороне Севастополя[1].

В том же году ЕКМ провел 10 экскурсий-походов для школьников, в том числе включавших в себя посещение памятника погибшим морякам[2]; сотрудниками музея было дано 10 консультаций преподавателям и ученикам школ Евпатории на темы партизанского движения в Крыму в годы Великой Отечественной войны и о погибшем на евпаторийской земле Герое Советского Союза Н. А. Токареве[3]. Проводилась работа по установлению, охране и обустройству памятников и мемориальных досок – в частности, территория мемориала «Красная горка» была окружена ограждением, а в центре композиции мемориала установлен скульптурный памятник советскому воину; был также благоустроен памятник погибшим морякам и озеленена территория вокруг него[4]. Посетители оставляли положительные отзывы об экспозиции музея на тему Великой Отечественной войны. Например, студенты 1-го Ленинградского медицинского института написали в книге отзывов: «Особое впечатление на нас произвели залы Советского периода. Из всех выставленных экспозиций нам более всего понравилась экспозиция о Великой Отечественной войне»[5].

В целом в Крыму того времени увековечиванию памяти Великой Отечественной войны придавалось важное значение: в частности создавались многочисленные мемориальные памятники на местах захоронений, хотя первоначально большинство из них были выполнены из недолговечных материалов и не всегда отличались высоким художественным качеством. Наибольшее количество памятников было установлено в Севастополе.

В послевоенные годы активно реализовывалась «монументальная пропаганда» в Севастополе, которая стремилась запечатлеть важные моменты обороны города, включая воинские и гражданские подвиги. В 1944

---

[1] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 55. Л. 11.
[2] Там же. Л. 18.
[3] Там же. Л. 30.
[4] Там же. Л. 19.
[5] Там же. Л. 20.

году Военным советом Отдельной Приморской армии было принято постановление «Об увековечивании памяти героев, павших в боях за освобождение Крыма», включавшее в себя решение об установке мемориального обелиска на Сапун-горе (был построен осенью того же года). Среди первых памятников в Севастополе было сооружение через две недели после разгрома немецкой армии мемориала в честь 24 танкистов 85-го отдельного танкового полка, погибших в 1944 году. В 1945 году были возведены памятники, увековечивающие подвиги советских защитников, таких как герои ДЗОТа № 11 и ДОТа в районе с. Верхнесадовое.

Мемориализация событий войны в Севастополе (наравне с подобными процессами в Сталинграде, Ленинграде, Курске, Киеве и Минске) стала своего рода образцовой для других городов, так как в первые послевоенные годы научно-обоснованные и практически-значимые подходы к закреплению памяти только начали формироваться. Однако главным объединяющим фактором для всех коммеморативных практик того времени было отражение в памятных сооружениях искреннее стремление народа сохранить память о погибших защитниках и военных подвигах, и потому часто подобные памятники воздвигались благодаря местным инициативам, без общих шаблонов и образцов[1].

По воспоминаниям Наума Абрамовича Сироты – первого секретаря Керченского горкома партии того времени, еще в 1944 году, после освобождения Керчи от немецко-румынских оккупантов, бюро городского комитета партии обсуждало вопрос увековечения памяти героев Великой Отечественной войны как чрезвычайно важный. В результате было принято решение установить мемориальные доски в местах города, где проходили бои, а также соорудить мемориал на горе Митридат. За три месяца на горе был установлен обелиск, ставший символом героизма и мужества советских

[1] Манаев А. Ю. Памятники воинской славы Севастополя и Волгограда: сравнительный анализ мемориализации событий Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 21–22 октября 2020 г. Симферополь, 2020. С. 99–103.

воинов. Открыт памятник был в июле 1944 года, на митинге в честь его открытия присутствовала общественность, представители обкома партии, армии и флота[1].

Крымская земля изобилует мемориальным наследием, посвященным Великой Отечественной войне: по данным С. А. Андросова, в Крыму находятся свыше 2,5 тысяч таких памятников[2], среди которых как величественные скульптурно-архитектурные ансамбли, так и скромные обелиски на местах братских могил. И все они одинаково значимы в контексте увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в крымской культуре.

Относительно развития мемориальной культуры в Крыму и восстановления исторической правды можно отдельно выделить проблему наличия большого количества неустановленных фамилий, причины чего, по мнению С. А. Андросова, заключаются в том, что «первые памятники ВОВ в Крыму появились сразу же после его освобождения – в апреле – мае 1944 года. В большинстве своем это были установленные воинскими частями, передвижными госпиталями, местными органами исполнительской власти стандартные пирамидообразные памятные знаки из недолговечных материалов – дерева и камня – на могилах советских воинов и партизан.

Некоторые эвакогоспитали ограничивались установкой надмогильных фанерных дощечек с надписями карандашом, которые после первого дождя смывались. 16 мая 1944 года Совет Народных Комиссаров Крымской АССР принял постановление «Об учете и благоустройстве воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил похороненных офицеров, бойцов и партизан, погибших в боях за освобождение Советской Родины от немецко-фашистских оккупантов»[3]. Этим постановлением городским и районным Советам вменялось в обязанность следующее: учесть и благоустроить

---

[1] Сирота Н. А. Дороги мира и войны: Документальная повесть. Симферополь, 1987. С. 198–199.

[2] Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15. С. 16–22.

[3] Там же. С. 16.

воинские кладбища, братские и индивидуальные могилы павших воинов; занести их имена в книгу памяти; отвести на общих кладбищах отдельные участки для погребения погибших офицеров и солдат, а также партизан; на памятниках больших братских могил сделать долговечные надписи с указанием фамилий и воинских званий погибших воинов; на братских могилах с малым числом похороненных и на индивидуальных захоронениях установить хорошо вытесанные камни или чугунные плиты с долговечными надписями фамилий и воинских званий погребенных[1].

Этот период стал временем послевоенного восстановления, когда, невзирая на социальные и экономические трудности, особое внимание было уделено восстановлению и охране исторических и культурных памятников, пострадавших от боевых действий.

В частности, сразу после освобождения Крыма в мае 1944 года началась работа по обследованию состояния памятников, а 6 июня того же года было издано распоряжение Совета Народных Комиссаров Крымской АССР «Об охране памятников и иных сооружений искусства в Крымской АССР», возлагающее обязанности по учету и охране памятников на исполнительные комитеты районных и городских Советов депутатов и трудящихся[2].

В 1944-е – 1945-е годы были проведены обследования технического состояния 120 известных памятников, а в 1946 году было детально изучено более 72 памятников для разработки мероприятий по их охране.

В результате на учет были взяты братские могилы советских воинов в различных городах, таких как Керчь, Армянск, Феодосия и Симферополь; Военным советом Черноморского флота было принято решение быстрее

---

[1] Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15. С. 16–17.

[2] Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 204.

восстановить исторические памятники обороны Севастополя и создать новые памятники, связанные с событиями 1941–1942 годов[1].

Процесс создания и охраны памятников Великой Отечественной войны в конце 1940-х – 1950-х годах был связан с проблемами и трудностями, касающимися, прежде всего, спонтанности их сооружения и недостаточной организованности и системности соответствующей деятельности. Многие памятники на местах боев Советской Армии и партизанских отрядов, гибели воинов и т.п. часто возникали незапланированно и изготавливались из материалов низкого качества, что приводило к их быстрому разрушению и усложняло восстановление и охрану – в период между 1940-ми – 1950-ми годами было установлено значительное количество таких памятников жителям деревень, которые участвовали в сражениях и погибли в борьбе с нацистскими захватчиками.

Целенаправленная политика советского государства по мемориализации событий войны реализовывалась прежде всего при содействии Министерства обороны. Так, 8 июня 1944 года Военный Совет Отдельной Приморской армии издал постановление № 071 «Об увековечении памяти героев, павших в боях за освобождение Крыма», включавшее в себя решение о сооружении мемориалов воинам Красной армии, павшим в боях за освобождение Крыма, в таких местах, как Сапун-гора и мыс Херсонес. В феврале 1946 года было принято постановление, обязывающее местные власти взять на учет и благоустроить воинские могилы, что способствовало созданию мемориальных комплексов. Однако массовое сооружение памятников на военно-патриотическую тематику началось только в 1950-е годы (как было отмечено выше, в первые послевоенные годы чаще устанавливались отдельные временные памятники).

Некоторое поврежденное в годы войны военное имущество оставалось на месте разрушения, превращаясь таким образом в импровизированный

---

[1] Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 205.

мемориал. Ярким примером такого мемориала можно назвать останки советского тральщика «Взрыватель», уничтоженного на берегу вблизи г. Евпатории в 1942 году. На месте гибели экипажа и десантников были организованы временные памятники, а сам корпус корабля оставался на берегу до 1947 года. В 1952 году корпус был утилизирован, а на его месте установлено скульптурное изображение матроса.

Многие памятники того времени находились под опекой музеев, и потому была организована соответственная работа по их реставрации и охране, однако множество других подобных памятников оставались незащищенными. Систематическая охрана касалась только музейных памятников, тогда как сохранение остальных всецело зависело от обстоятельств. Эта ситуация вызвала необходимость законодательного оформления охраны памятников и в 1947 году вышло постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры»[1], ставшее первым нормативно-правовым актом в области охраны памятников.

Принятие постановления СМ СССР № 3898 от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры»[2] стало следующим важным шагом в деле охраны культурного наследия в стране. В нем, в частности, указывалось на серьезные недостатки в контроле за сохранностью памятников[3]. Постановление также предусматривало создание Научно-методического совета по охране памятников культуры при Академии наук СССР, который должен был заниматься научным руководством в этой области и улучшением методов реставрации[4]. Этот документ четко определял задачи и методы сохранения памятников культуры и оставался

---

[1] Постановление Совета Министров РСФСР от 22.05.1947 № 389 «Об охране памятников архитектуры» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4641.htm (дата обращения: 20.02.2023 г.).

[2] Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387811-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-o-merah-uluchsheniya-ohrany-pamyatnikov-kultury-14-oktyabrya-1948-g-locale-nil-3898 (дата обращения: 20.10.2024).

[3] Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 208.

[4] Там же. С. 209.

актуальным до принятия закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в 1977 году.

Постановление № 3898, несмотря на свои преимущества, не было полностью выполнено из-за отсутствия ответственности за нарушения в деле охраны памятников, что в определенной степени позволяло игнорировать их судьбу. Также арендаторы территорий, на которых находились памятники, часто не могли выполнять необходимые ремонтные работы, что стало проблемой для финансово слабых организаций, особенно в сельской местности[1].

Таким образом, в послевоенный период охрана памятников в Крыму столкнулась с множеством проблем, включая разруху, нехватку финансирования и специалистов, а также безразличие местных властей. Правительственные постановления оказались неэффективными, памятники часто разрушались или использовались в хозяйственных целях. Ответственные органы не реагировали на нарушения, а система охраны нуждалась в перестройке и более строгом контроле[2].

Также стоит обратить внимание на несколько других проблем, связанных с увековечиванием памяти о Великой Отечественной войне в культуре Крыма того периода. В частности, несмотря на передачу части памятников Великой Отечественной войны из ведения Таврического Военного округа и военкоматов после принятия Постановления 1948 года, не была создана централизованная структура, ответственная за сохранение, учет и использование памятников. Научно-методический совет по охране памятников, хоть и был создан, но в основном занимался консультативной деятельностью в области охраны мемориальных объектов. Однако, с конца 1940-х годов наблюдались общесоюзные усилия по сохранению исторического наследия и строительству мемориалов Великой Отечественной войны. В частности, вводились новые должности

[1] Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 213.

[2] Там же. С. 214.

инспекторов по учету и охране памятников, а значимость памятников, связанных с событиями Великой Отечественной войны, увеличивалась в результате проведения соответствующих политических мероприятий[1].

В 1950-е годы начался процесс мемориализации жертв среди мирного населения, что было связано прежде всего с расследованием преступлений против него в условиях оккупации, и перезахоронениями жертв. И если памятники погибшим советским воинам зачастую устанавливались действующими военнослужащими, то память о жертвах среди мирных жителей практически не воплощалась в каких-либо сооружениях, в частности из-за демографических потерь в Крыму, когда попросту не хватало людей для их установки[2].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Крыму в период 1940–1950-х годов наблюдались пробелы в создании мемориального наследия Великой Отечественной войны. С одной стороны, активно развивался и поддерживался государством героико-патриотический нарратив, воплощенный в мемориальных комплексах, посвященных армии, флоту и партизанам. С другой стороны, виктимный дискурс, связанный с трагедией гибели мирного населения, развивался недостаточно и хаотично, часто в результате инициативы родственников жертв. Память же о жертвах среди этнических групп (евреев, крымчаков, цыган), целенаправленно уничтожавшихся нацистами по расовому признаку, практически вообще не воплощалась в каких-либо сооружениях. Увековечивание памяти о них допускалось лишь как о части обезличенного понятия «советские граждане», что вело к символическому и действительному забвению трагедии уничтоженных представителей крымских народов, и лишь в позднесоветское и постсоветское время появилась необходимость в увековечивании их гибели.

---

[1] Кохан А. А. Охрана памятников Великой Отечественной войны в Крыму в 1945–1957 гг. в документах Научно-методического совета по охране памятников Академии наук СССР // Культурное наследие России. 2022. № 1. С. 76–77.

[2] Волошинов Л. И. Памятники Великой Отечественной войны в Северном Крыму и на Керченском полуострове // Известия Крымского отдела географического общества Союза ССР. 1954. Вып. 3. С. 99–100.

В 1950-х годах большое значение в увековечивании памяти героев Великой Отечественной войны в Крыму имела деятельность отдела истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР. В 1951–1952 годах данный филиал организовал экспедиционный отряд, проводивший «<…> изучение исторических памятников и мест, связанных с борьбой русского народа за Крым, историей и гражданской и Великой Отечественной войн»[1]. Экспедиция началась с обследования района Перекопского перешейка, Армянска и Ишуни. Имеющиеся памятники, надгробные плиты на братских могилах красноармейцев и другие мемориальные сооружения были обмеряны и сфотографированы отрядом, в котором присутствовал скульптор Ю. П. Колесников, работавший над проектом общего монументального памятника, посвященного событиям штурмов Перекопа. В процессе увековечивания событий обороны Перекопского перешейка были сооружены три памятника: в центральной части Перекопского вала, в Армянске и Ишуни. На момент проведения экспедиции все перечисленные памятники были временными и требовали скорейшей замены на бетонные или каменные сооружения.

Экспедиционный отряд Крымского филиала Академии наук СССР впоследствии продолжил исследование Раздольненского, Джанкойского, Азовского, Керченского, Феодосийского, Красногвардейского и Севастопольского районов. И именно полевые исследования историко-археологической экспедиции 1951–1952 годов, по мнению Л. И. Волошинова, «<…> положили начало систематическому изучению памятников гражданской и в особенности Великой Отечественной войны в Крыму»[2]. В процессе своих исследований экспедиция оказывала существенное содействие местным органам власти в вопросах охраны и благоустройства объектов военно-исторического наследия Великой Отечественной войны, а

[1] Волошинов Л. И. Памятники Великой Отечественной войны в Северном Крыму и на Керченском полуострове // Известия Крымского отдела географического общества Союза ССР. 1954. Вып. 3. С. 97.

[2] Там же. С. 108.

также в вопросах разработки новых мемориальных сооружений и замены стандартных временных памятников.

В процессе экспедиции было отмечено бережное отношение местного населения и властей к вопросам охраны памятников Великой Отечественной войны и обеспечения их удовлетворительного состояния, ратование за усиление военно-исторического туризма по местам воинской славы Крымской области как инструмента патриотического воспитания и просвещения граждан и за привлечение местных учреждений культуры и образования к благоустройству памятников и мемориалов[1].

В частности, силами местной администрации и общественности в 1955 году на западной части джанкойского городского кладбища был установлен памятник в форме четырехгранной пирамиды на месте перезахороненных останков командира партизанской группы Т. П. Рюмина, комиссара П. И. Клеветова, бывшего председателя Джанкойского райисполкома П. В. Удовицкого и других членов отряда, погибших в бою за село Красная Слободка Белгородского района[2].

В послевоенные годы, в связи с постепенной нормализацией общественной жизни, происходит также и резкое возрастание посещаемости крымских музеев, принимающих активное участие в увековечивании памяти о Великой Отечественной войне. В частности, к 1952 году Евпаторийский краеведческий музей посетило 52 500 человек, что повлекло за собой невозможность выполнения ограниченным штатом музея целого ряда запланированных научно-исследовательских работ, так как сотрудники были вынуждены полностью переключиться на составление программ и обслуживание экскурсий в музее[3]. При этом музею удалось пополнить экспозицию отдела советского периода новыми экспонатами – в частности,

---

[1] Волошинов Л. И. Памятники Великой Отечественной войны в Северном Крыму и на Керченском полуострове // Известия Крымского отдела географического общества Союза ССР. 1954. Вып. 3. С. 103.

[2] Республиканский комитет по охране культурного наследия АР Крым. Рабочая группа Свода памятников истории и культуры Украины по АР Крым. Свод памятников истории и культуры Автономной Республики Крым. Симферополь, 2002. С. 34.

[3] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

были собраны сведения о комиссаре десанта 1942 года в г. Евпатории тов. Буслаеве[1] и были приобретены: немецкий автомат и винтовка, найденные при раскопках; кортик Героя Советского Союза Н. А. Токарева; фотографии руководителя партизанского движения Крыма тов. Мокроусова, и руководителя подпольного движения тов. Козлова; фотографии Евпатории периода оккупации и освобождения города; письма евпаторийки тов. Верещагиной, погибшей в военные годы, и другие личные вещи участников войны[2].

Евпаторийский музей принимал активное участие в коммеморации событий Великой Отечественной войны в городе. В 1952 году по инициативе и под руководством музея был построен и открыт памятник погибшим морякам (участникам Евпаторийского десанта 1942 года). Именно сотрудники музея установили точное место гибели моряков, организовали воскресники местных жителей, привлекли воинские части к строительству памятника, добились ассигнования средств на производство специальных работ по сооружению памятника и организовали его торжественное открытие при участии населения и делегатов Черноморского флота.

В 1952 году в Евпаторийском краеведческом музее была создана специальная экспозиция, посвященная Евпаторийскому десанту (экспозиция была обновлена к 75-летию десанта и включает в себя диораму «Высадка Евпаторийского десанта 5 января 1942 года», написанную заслуженным художником РСФСР В. Б. Таутиевым и открытую в 1988 году[3]). В том же году сотрудниками музея были организованы работы по увековечиванию места гибели жертв фашистской оккупации «Красная горка», реставрирован памятник воинам-освободителям 1944 года сооружения, установлена мемориальная доска на доме, в котором жил Герой Советского Союза

---

[1] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

[2] Там же. Л. 9.

[3] Кропотов В. Тактический десант. Евпаторийская десантная операция 4–5 января 1942 года. Симферополь, 2020. С. 198–203.

генерал-майор авиации Н. А. Токарев[1]. Музей поддерживал тесную связь с Горкомом ВЛКСМ, Домом пионеров, школами города. В частности, в результате совместной работы в 1952 году было проведено 218 экскурсий для школьников[2].

В дальнейшем наблюдается активизация работы по обследованию и изучению памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны. В частности, в 1960-й году органами крымской власти была создана комиссия по обследованию и переучету уже известных памятников и выявлению мест воинских захоронений. Комиссия, состоявшая из офицеров запаса, вела деятельность во всех районах Крыма, затрагивая не только крупные города, но и районные центры и многие села. В работу комиссии в обязательном порядке включали местных заведующих отделами культуры, военкомов, сотрудников музеев, а также ветеранов Великой Отечественной войны[3].

К моменту начала работы комиссии местные Советы депутатов трудящихся уже проводили работы по обустройству памятных мест, в частности по перезахоронению останков погибших воинов в братские могилы, с последующим установлением памятников и мемориальных плит; также был обеспечен постоянный уход за ними. В то же время комиссия отметила неудовлетворительное (на то время) состояние многих мемориалов, в частности, особо неудовлетворительное состояние мемориала жертвам немецко-фашистской оккупации «Красная горка» в Евпатории, памятника погибшим пограничникам в центре Балаклавы, целого ряда братских могил красноармейцев в крымских селах. В качестве причин такого состояния памятников комиссия указывала использование для сооружения надгробий недолговечного материала – ракушечника, неудовлетворительную работу местных городских советов, райисполкомов и отделов культуры по учету и

---

[1] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
[2] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 35. Л. 16.
[3] Зубарев А. Увековечить память погибших героев // Военно-исторический журнал. 1961. 8 августа. С. 65.

паспортизации воинских захоронений. Комиссия также отмечала неудовлетворительное состояние работы с общественностью: «Плохо еще привлекаются к охране и сбережению памятников общественность, комсомольцы, школьники, пенсионеры. Очень мало внимания сохранению воинских памятных мест уделяют военкоматы и командиры воинских частей»[1]. Особо комиссия отмечала необходимость увековечивания памяти жертв нацистских репрессий, олицетворением которых стали колодцы в Евпаторийском, Симферопольском, Сакском и Ялтинском районах, куда сбрасывали убитых или еще живых узников концлагерей и тюрем, обращала внимание на отсутствие мемориалов на многих местах гибели партизан и солдат Красной Армии. Такую ситуацию, в определенной степени, можно объяснить высокой активностью боевых действий в Крыму (1941–1944 годы), что привело к тому, что постоянно меняющие свою дислокацию воинские части и партизанские отряды не часто имели возможность поставить своим погибшим сослуживцам даже временные монументы.

Ситуация с мемориальным наследием (как материальным, так и нематериальным) Великой Отечественной войны стала улучшаться с середины 1960-х годов. При содействии Леонида Ильича Брежнева (Первого секретаря ЦК КПСС с 1964 года, и затем, с 1966 по 1982 год – Генерального секретаря ЦК КПСС – прим. авт.) была заложена традиция особо торжественного празднования Победы в Великой Отечественной войне, а 1965 год ознаменовался установлением Дня Победы (9 мая) как главного государственного праздника, символизирующего триумф СССР над нацистской Германией и ее союзниками. День Победы сопровождался военными парадами на Красной площади, массовыми шествиями граждан, возложениями цветов к Мемориалу Победы. Эти мероприятия заняли ключевое место в идеологической повестке дня, подчеркивая особую

[1] Зубарев А. Увековечить память погибших героев // Военно-исторический журнал. 1961. 8 августа. С. 66.

историческую роль СССР и советского народа в искоренении и спасении человечества от нацистской «коричневой чумы».

Победа в Великой Отечественной войне стала во времена Л. И. Брежнева основой формирования советской культурной идентичности и это стимулировало активное развитие и использование мемориального наследия Великой Отечественной войны в социокультурной практике. В 1960-х годах начали возникать монументальные комплексы, а в 1980-1990-х годах к уже существующим памятникам добавлялись новые элементы, а сами памятники стали отражать более драматические эмоции, что подчеркивало человечность героических сюжетов.

В то время мемориализация событий Великой Отечественной войны проходила под усиленным государственным контролем трактовки истории и обеспечения идеологической монолитности советского народа. Этот период характеризуется масштабным сооружением памятников, постановкой различных церемоний, созданием музейных экспозиций и медиа-представлений, направленных на укрепление патриотических чувств и формирование образа Великой Победы[1].

Тема Великой Отечественной войны стала одной из центральных в советской идеологии, выступая связующим звеном между поколениями, укрепляя идею о непоколебимости советской системы и ее способности преодолеть любые испытания. Это способствовало консолидации советского народа вокруг общей истории и обеспечивало противодействие влиянию западной культуры и других глобальных тенденций, которые могли бы подорвать авторитет правящей партии.

Таким образом, формирование образа Великой Победы в Великой Отечественной войне как центрального элемента советской идеологии при Л. И. Брежневе приобрело системный характер. Память о войне обрела четкую ритуализированную форму, символизирующую жертвенность и

[1] Борунов С. С., Иванов В. А., Микитинец А. Ю. Трансформация политики памяти о Великой Отечественной войне в 1960–1970-е гг. (на примере Евпаторийского краеведческого музея) // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 3. С. 61.

героизм советского народа как народа-победителя, что способствовало единению и мобилизации советских граждан вокруг КПСС.

Следует отметить, что зарубежные исследователи истории СССР пытаются представить процесс увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в искаженном виде. Так, по мнению американского историка Н. Тумаркин, в последующие 25 лет после вступления Л. И. Брежнева во власть коммунистическая партия создала культ Великой Отечественной войны. По мнению Н. Тумаркин, этот культ включал в себя гипертрофированные образы, своего рода «святых», ветеранов войны, священные реликвии в виде мемориалов, а также упорное использование истории Великой Отечественной войны в качестве идеологического фундамента Советского государства[1]. Констатируя определенную вовлеченность памяти о Великой Отечественной войне в политические процессы СССР и ее использование в идеологической сфере, следует подчеркнуть, что данная точка зрения все же является сознательным искажением реальных исторических процессов и выступает основой для современных фальсификаций исторических событий, в частности касающихся роли и вклада СССР в победу над нацизмом.

Концепция «развитого социализма» акцентировала внимание на героизме и особой исторической роли советского народа, который считался авангардом человечества. С целью укрепления государственной идеологии и социалистического строя в это время проводилась идей сопоставимости и взаимосвязи Победы СССР в Великой Отечественной войне с Великой Октябрьской революцией, что подчеркивало преемственность между революционерами и советскими героями – победителями фашизма. Это объединение событий должно было воспитать у советских граждан и прежде всего молодежи гордость за историю своей страны и ответственность за ее будущее, стать одним из факторов формирования культурной идентичности

[1] Tumarkin N. The Great Patriotic War as myth and memory // European Review. 2003. Vol. 11. №. 4. P. 601–602.

«советский народ» и соответствующей системы социально значимых ценностей.

Одновременно (что закономерно в условиях того времени) происходила трансформация оценки роли И. В. Сталина в Победе СССР в Великой Отечественной войне. Так, если после его смерти, во времена правления Н. С. Хрущева, культ личности и некоторые аспекты сталинизма (в основном касавшиеся репрессий 1930-х и начала 1940-х годов) были пересмотрены и осуждены, то при Л. И. Брежневе отношение к исторической фигуре И. В. Сталина смягчается, становясь менее однозначным. Это было, в частности, связано с появлением новой формы культа личности, собственно Л. И. Брежнева как вождя, опиравшегося на опыт правления предыдущих руководителей страны, что нашло отражение в монументах, публикациях и официальных материалах того времени, нацеленных на утверждение государственной коммунистической идеологии и социальной стабильности.

Следует отметить, что процесс героизации войны и ее участников активно продвигался через культуру, медиа и различные общественные мероприятия. При этом образ Великой Победы не был сформирован одномоментно, он создавался постепенно в свете представлений о войне как борьбе добра со злом, а советского народа под руководством КПСС – как главного защитника мира на Земле. Одним из ключевых направлений этой деятельности стало внедрение программы по «воспитанию молодежи» в духе патриотизма и преданности коммунистической партии с акцентом на событиях Великой Отечественной войны. В частности, для этого использовались методы, направленные на формирование чувства благодарности и долга перед ветеранами – проводилось систематическое вовлечение молодежи в общение с ветеранами через различные мероприятия, организуемые государственными, общественными и культурными организациями.

Тот же культурно-политический курс продолжился и после вхождения Крыма в состав УССР в 1954 году, так как идеологические установки,

объединявшие советский народ и формирующие советскую культурную идентичность, были схожими. В то время, что являлось закономерным результатом проводимой политики памяти в период вхождения Крыма в состав РСФСР, в мемориализации крымского культурного наследия Великой Отечественной войны значительно активизировались деятельность музеев, направленная на усиление внимания общества к событиям Великой Отечественной войны, и соответствующие гражданские инициативы[1].

Следует отметить, что для последних лет «развитого социализма» характерно усиление художественных и выразительных средств описания войны и общей ритуализации мероприятий, посвященных ее памятным датам, а также усиление роли ветеранского сообщества в общественно-политической жизни страны. Центрами общественной коммуникации и важными социокультурными площадками для ветеранских сообществ на региональном уровне часто становились именно местные музеи. Ветераны Великой Отечественной войны в то время оказывали активное содействие в воспитании подрастающего поколения, выказывали готовность к обсуждению проблем увековечивания событий войны, участвовали в различных отечественных и международных антифашистских мероприятиях.

В Крыму эти процессы развивались достаточно эффективно и крымские музеи в советский период часто становились площадками для различных встреч с участниками Великой Отечественной войны. Также крымские музеи выступали и местами хранения не только общественно значимых экспонатов, но и личных ценных предметов. Это в значительной мере индивидуализировало сохранение памяти о Великой Отечественной войне и привлекало посетителей музей. Так в архивных фондах Ялтинского музея боевой славы при Центре детского и юношеского творчества (ЦДЮТ) хранятся поздравительные открытки, приглашения на памятные мероприятия, фотографии и другие вещи, подаренные музею крымскими

[1] Бушмаков А. В. «Пусть живет в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!». Память о войне и Советская историческая политика в 1965–1980 гг. // Культурный код. 2019. № 3. С. 27.

ветеранами войны. Например, в архиве хранится личный фотоальбом ветерана Гражданской, Финской и Великой Отечественной войн К. М. Дулина[1], ялтинцев-ветеранов Великой Отечественной войны В. Г. Привалова[2] и А. К. Нагабедьяна[3], а также множество альбомов с фотографиями, запечатлевшими участие ялтинского ветеранского сообщества в праздничных маевках, субботниках и юбилеях Победы[4].

Такие личные материалы, как переписка ветеранов со школьниками, письменные запросы в музей о поиске сослуживцев, просьбы о финансовой поддержке и благодарственные письма посетивших музей ветеранов из других республик СССР, адресованные многолетнему директору музея Любови Васильевне Коноваловой за ее участие в организации праздничных мероприятий, посвященных юбилеям освобождения Ялты, и другие документы личного характера, хранящиеся в Музее боевой славы, позволяют понять значительную роль ветеранов Великой Отечественной войны в послевоенной жизни советского общества, формировании советской идеологии и соответствующей культурной идентичности советских граждан.

Во второй половине 1960-х годов такие традиции, как встречи с ветеранами и чествование подвигов советских людей во время Великой Отечественной войны посредством ритуалов, проводящихся рядом с соответствующими памятниками мемориальной культуры, стали частью общественной жизни. Вечный огонь стал символом памяти о погибших, а образ Великой Отечественной войны закрепился как образ Великой Победы советского народа – важного события как для СССР, так и для мировой истории. Эти нарративы весьма успешно продуцировались и в музейной практике того времени, ставшей важной составляющей государственной культурной политики Советского Союза.

---

[1] Архив МБУДО «ЦДЮТ». Ф. 4. Д. 14. Л. 7.
[2] Там же. Л. 3–5.
[3] Архив МБУДО «ЦДЮТ». Ф. 4. Д. 9. Л. 4–8.
[4] Архив МБУДО «ЦДЮТ». Ф. 4. Д. 13. Л. 10–15.

Музейная практика в СССР того времени была глубоко интегрирована в государственную идеологию и музеям отводилась значительная роль в формировании и укреплении советских духовно-нравственных и политических идеалов. Эта эпоха характеризуется значительным расширением сети музеев, усилением их роли в просветительской работе и патриотическом воспитании, в осуществлении контроля над культурно-историческим наследием в соответствии с официальной исторической концепцией. Музеи по всей стране расширяли экспозиции, посвященные войне, делая акцент на героическом подвиге советского народа, лидерстве И. В. Сталина и безупречности линии партии. История была представлена в соответствии с официальной идеологической линией, согласно которой объективные сложности, потери и жестокость войны не выносились на первый план и не становились объектом целенаправленного внимания и освещения. Однако при этом музеи бережно собирали и хранили экспонаты, связанные с памятью о Великой Отечественной войне, передавали потомкам дух героизма и самопожертвования ради защиты Отечества и всего человечества от нацизма.

Именно музеи, по мнению Н. Б. Акоевой и Н. И. Орфаниди, будучи сложными культурными системами, зависимыми от политических и социальных процессов, при этом сохраняют и демонстрируют через экспозиции человеческое наследие, включая примеры мужества и красоты. Они преодолевают локальность, делая культурные ценности доступными, а в регионах становятся центрами культурного развития, активно взаимодействуя с местным сообществом и сохраняя его культурную идентичность[1].

При этом следует отметить, что начавшееся еще в период хрущёвской «оттепели» повышение идеологической нагрузки на музеи во времена Л. И. Брежнева усилилось, однако при общем улучшении качества экскурсий

---

[1] Акоева Н. Б., Орфаниди Н. И. Музеи как хранители и трансляторы культурного наследия // Культурная жизнь регионов. № 2. 2019. С. 117.

и совершенствовании музейного сервиса[1]. Музеи продолжали играть ключевую роль в продвижении коммунистической идеологии и поддержании социального единства, интерпретируя историю через призму классовой борьбы и подчеркивая достижения советского общества. При этом тема Великой Отечественной войны оставалась одной из наиболее значительных. В музеях продолжались активное развитие соответствующих тематических образовательно-просветительных программ, организации выставок, чтения лекций для разных возрастных групп, проведения встреч с ветеранами войны с целью формирования нематериального мемориального наследия Великой Отечественной войны, патриотических чувств населения и соответствующей культурной идентичности, воплощенной прежде всего в образе интернациональной общности «советский народ».

Государственный контроль деятельности музеев и содержания музейных экспозиций был строгим, с цензурой материалов, с проверкой их на соответствие официальной идеологии и политической линии КПСС – исторические события и персонажи, не соответствующие идеологическому канону, могли быть исключены или «переинтерпретированы». С целью более активного использования музеев не только как культурных, но и идеологических центров, проводящих важную идеологическую работу с населением, осуществлялись мероприятия, направленные на то, чтобы сделать музеи более доступными для широких слоев общества. Музейная сеть расширялась, создавались новые музеи, в том числе в регионах, где их не было, музеи стали значимыми культурными центрами чуть ли ни в каждом поселении, проводившими просветительскую и воспитательную работу. Для поддержания идеологической наполненности своей работы музейные сотрудники проходили курсы повышения квалификации, изучая марксизм-ленинизм, а также теоретические основы внедрения идей

[1] Андриевская И. Ю. Евпаторийский краеведческий музей: страницы истории. Вестник музея. К 100-летию Евпаторийского краеведческого музея. Симферополь, 2021. Вып. 10. С. 9–11.

социалистического строительства в образовательно-экскурсионные программы[1].

В то время, так же как и ранее, одной из главных задач, стоявших перед государственной властью, было увековечение подвига советского народа, в том числе через мемориализацию исторических мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной. В эти годы советская власть начала активно переносить братские захоронения погибших защитников страны в крупные мемориальные комплексы (в частности в Крыму в 1953 году было создано мемориальное братское кладбище в п. Дергачи, которое было создано и является одним из самых важных и величественных памятников в регионе).

Недостатком данной работы было то, что при выполнении данных работ в то время не проводились необходимые антропологические исследования. Останки бойцов перемещали с помощью землеройных машин, при этом старые могилы часто забывались или использовались для сельскохозяйственных работ. Это приводило к тому, что современные поисковики находят останки солдат, но установить их личность и судьбу невозможно. Кроме того, существовали и другие сопутствующие проблемы, такие как поиск родственников красноармейцев и квалификация поисковиков. Несмотря на эти трудности, поисковое движение, начиная с советских времен и по сей день остается важным явлением, способствующим восстановлению исторической памяти и справедливости[2].

В УССР охрану памятников истории и культуры осуществляли Комитет по делам культурно-просветительских учреждений, Комитет по делам искусства, а также Управление по делам архитектуры[3].

В Крымской области этими вопросами занимались местные отделы исполкомов. В 1956 году, по решению XX съезда КПСС, Комитеты были

---

[1] Казунин Ф., Ягупов В. Евпатория: краткий путеводитель-справочник. Симферополь, 1966. С. 27–28.

[2] Матвеев П. И. Проблемы увековечивания памяти погибших защитников Отечества // «Весна Освобождения»: сборник материалов Третьей научно-практической конференции. Симферополь, 2022. С. 275.

[3] Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.). Сімферополь, 2005. С. 34.

расформированы и вместо них создано Министерство культуры УССР, которое унаследовало их функции.

В начале 1960-х годов ситуация с сохранением памяти о событиях Великой Отечественной войны была неудовлетворительной. Многие памятники строились без проектов и из недолговечных материалов, а информационных текстов не было. Проблемы охраны культурного наследия касались всего государства, и ученые начали публиковать работы о разрушении памятников и его последствиях для культуры. Это привело к необходимости создания общественной организации, занимающейся охраной памятников в Крыму, что подтолкнуло к созданию Крымской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (УООПИИКа). Вскоре, 6 сентября 1966 года, на заседании бюро Крымского обкома КПУ было принято постановление о создании, утвержден оргкомитет, а 26 ноября 1966 года на учредительной конференции была основана Крымская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры[1]. В состав организации входили ученые, художники и представители общественных структур, силами которых проводилась активная работа по изучению и охране культурно-исторического наследия Крыма и привлечения общественности и органов власти к этой деятельности.

Члены организации занимались популяризацией памятников, организацией экскурсий и лекций, контролем за охраной памятников, выявлением забытых объектов и содействием созданию местных музеев. Также планировалось обследование памятных объектов для установления охраняемых зон и соответствующих знаков, а также приведение охранных обязательств к единым нормам. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архиве организации различные документы, включая материалы конференций

[1] Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.). Сімферополь, 2005. С. 37.

и постановления, связанные с охраной и реставрацией крымских памятников[1].

Организация проводила активную работу по привлечению внимания органов власти и общественности к насущным проблемам развития и охраны мемориального наследия в Крыму. В частности, в 1966 году председатель правления Крымского региональной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры С. А. Секиринский отмечал проблемы текущего состояния состоянии охраны памятников в Крыму. Указав на то, что хотя на территории полуострова с 1964 по 1966 год было построено более 60 обелисков и установлено 40 мемориальных досок, городские власти некоторых городов далеко не всегда обеспечивали должную охрану и реставрацию памятников, а общественные организации привлекались для этой работы явно недостаточно.

Прозвучала критика в адрес местных горисполкомов и было подчеркнуто, что активная общественная работа по охране культурного наследия может повысить уровень государственной охраны памятников[2]. Он подчеркнул, что примером этого может быть проявленная в ряде районов Крыма высокая активность местной общественности по установке памятников. В частности, в Керчи все памятники и историко-культурные достопримечательности были закреплены за определенными организациями, которые отвечали за их содержание и сохранность, а Морской торговый порт взял на себя ответственность за памятники на горе Митридат и финансировал работы по их консервации.

В ответ на обозначенные проблемы были приняты меры, закрепленные в постановлении Совета Министров УССР от 20 февраля 1967 года «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению охраны и сохранение памятников архитектуры, искусства, археологии и истории в УССР», и направленные на улучшение охраны памятников и восстановление известных

---

[1] Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.). Сімферополь, 2005. С. 44.

[2] Там же. С. 46.

достопримечательностей, разрушенных во время войны. В том числе – меры по устранению недостатков в охране археологических памятников, что требовало не только общественной деятельности, но и целенаправленного вмешательства властей[1].

В 1967 году в рамках Крымской областной организации УООПИИКа было создано несколько секций, включая секцию пропаганды, историко-революционную, военно-историческую, археологическую и другие. Это помогло привлечь широкие слои населения к охране памятников и создать сеть ячеек в Крыму – к 1 мая 1967 года насчитывалось 6 городских и 12 районных организаций, объединяющих 796 первичных организаций и более 30 тысяч членов[2].

Созданные секции выполняли соответствующие конкретные задачи. В частности, секция охраны памятников революционной и боевой славы прицельно занималась восстановлением памятников Великой Отечественной войны, благоустройством братских могил и их озеленением. Создавались новые обелиски, выявлялись заброшенные памятники и неизвестные имена воинов. Это улучшило качество памятников, которые теперь изготавливались из долговечных местных материалов и проектировались профессиональными скульпторами. Примерами таких памятников можно считать мемориал в Ялте и обелиск в Евпатории.

В то время отмечалась однотипность устанавливаемых памятников – многие памятники имели одинаковый внешний вид, что было отмечено, в частности, Сакским отделением УООПИИКа. После работы в районе были установлены четыре оригинальных обелиска. Проблема однообразия памятников была характерна для всего Крыма и потому инициаторам

---

[1] Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.). Сімферополь, 2005. С. 47.

[2] Дружинина Н. С. Начальный этап работы крымского отделения украинского общества охраны памятников истории и культуры (1966–1969) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2020. С. 49.

мемориального строительства рекомендовали заранее обсуждать проекты для создания уникальных мемориальных объектов.

К сложностям работы Крымской областной организации УООПИИКа относилось отсутствие достаточных полномочий, что затрудняло согласование ее действий с другими организациями. Учет памятников и их благоустройство проводились с разной скоростью, а некоторые памятники устанавливались без утвержденных проектов.

Однако в целом создание Крымской областной организации УООПИИКа улучшило охрану культурного наследия в целом и Великой Отечественной войны в частности, сосредоточившись на археологических раскопках, создании и благоустройстве памятников, учете и паспортизации объектов, а также популяризации культурного наследия с привлечением ученых и общественности[1]. Ответственность за охрану памятников так же легла на Крымскую организацию, которая должна была финансировать работы и привлекать ученых к сохранению культурно-исторического наследия.

Большой проблемой в то время было разрушение археологических памятников, вызванное деятельностью колхозов и совхозов, что приводило к утрате множества уникальных культурно-исторических объектов. Например, в 1977 году многие курганы и братские захоронения были разрушены из-за расширения сельскохозяйственных угодий. В 1980-е годы случаи уничтожения памятников продолжали оставаться достаточно частыми, а контроль за сохранением таких объектов был недостаточным[2].

Это было связано, в том числе с тем, что к концу 1980-х годов Украинское общество охраны памятников истории и культуры (УООПИИК) было единственной негосударственной организацией в Украине, занимающейся сохранением памятников истории и культуры, хотя и

---

[1] Дружинина Н. С. Начальный этап работы крымского отделения украинского общества охраны памятников истории и культуры (1966–1969) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2020. С. 56.

[2] Там же. С. 63.

проводившем достаточно активную и разностороннюю соответствующую работу. В 1980-е годы крымские активисты Общества при поддержке местных энтузиастов, ратовавших за создание народных краеведческих музеев, и школьников из общества «Юные следопыты» продолжали поиск и сбор материалов о событиях Великой Отечественной войны в Крыму. В этой работе им оказывали действенную помощь студенты-добровольцы и преподаватели военно-морской кафедры из Крымского медицинского института, в поле деятельности которых входили поисково-археологические работы, опрос очевидцев, взаимодействие с крымскими поисковыми организациями и музеями[1].

В целом, деятельность общества в период с 1966 по 1991 год можно назвать положительной, так как Крымская областная организация УООПИИКа в советский период, помимо основных обязанностей по охране объектов культурного и исторического наследия, также реализовывала интегрирующую и просветительско-воспитательную функции, включая в дело защиты памятников общественные и муниципальные организации, популяризируя культурное наследие в общественном пространстве и занимаясь патриотическим воспитанием молодых поколений советских граждан.

Для изучения культурной политики памяти и особенностей мемориализации культурного наследия Великой Отечественной войны в послевоенный период особый интерес представляет анализ процессов их трансформации в региональном масштабе. Это позволит более подробно и предметно рассмотреть общегосударственные тенденции создания и охраны мемориального наследия войны Крыму.

В 1960–1970-е годы начался рост интереса общества не только к героическим событиям Великой Отечественной войны, о чем свидетельствует появление мемориалов, посвященных репрессиям мирного населения. В частности, было организовано поисковое движение школьников

[1] Довгань А. Люди, знайте и всегда помните! // Слава Труду. 1984. № 42. 7 апреля. С. 5.

«Красные следопыты», члены которого помогли в значительной степени раскрыть малоизвестные факты о войне в аспекте страданий гражданского населения, а также деятельности подпольщиков и партизан, что способствовало формированию общей памяти о роли обычных граждан в Великой Победе и расширяло масштаб восприятия событий Великой Отечественной войны. В этот же период памятники подпольщикам и партизанам, массовой гибели людей стали объектами заботы трудовых и учебных коллективов, и у советских людей возникло чувство морального долга перед всеми жертвами войны, независимо от их роли в конфликте[1].

Важными критериями развития советского мемориального наследия были категории жертв и их отражение в советском нарративе. По мнению А. Черкасски, «категория жертв – одна из важнейших критериев эволюции советского мемориального ландшафта, так как именно ее развитие находилось постоянно под влиянием текущих интерпретаций войны, вошедшей в советскую историографию под топосом «Великой Отечественной войны», а также международным влиянием»[2].

Основная категория жертв включала военных, партизан и подпольщиков, разделяя их на тех, кто погиб в бою, и тех, кто попал в плен. Первые изначально считались героями, освободителями, в то время как вторые вплоть до 1950-х годов часто подозревались в сотрудничестве с врагом. Вторая категория стала предметом длительных дискуссий как для официальной позиции советской историографии и пропаганды, так и среди населения Советского Союза.

Следующая категория – жертвы среди гражданского населения. К этой группе можно причислить евреев, цыган, душевно- и физически больных,

---

[1] Исак И. А. Основные этапы увековечивания в Крыму памяти жертв Великой Отечественной войны из числа мирного населения // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2020. С. 82–86.

[2] Черкасски А. Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. 2012. № 3. С. 82.

членов коммунистической партии, членов семей военнослужащих действующей армии и партизан[1].

Примечательны воспоминания Леонида Михайловича Манпеля, в 1986 году работавшего главным инженером специализированного ремонтно-строительного управления зеленого строительства и комплексного благоустройства Крыма, которому было поручена задача проектирования и установки мемориала на месте «расстрельного рва» на Симферопольско-Феодоссийском шоссе[2].

В альманахе «Юбилейный год 2010» Л. П. Манпель поделился воспоминаниями о своей работе над мемориалом «Поле памяти», на месте которого во время Великой Отечественной войны были расстреляны 12 тысяч человек. Он отметил, что строительство мемориала (1986 год) произошло спонтанно, под давлением общественности, спустя 41 год после войны. Он также рассказывал о том, как местные жители, включая его мать, приходили к памятнику, чтобы почтить память погибших. С 1983 года в городе начали появляться слухи о мародерах, которые искали золотые вещи среди останков расстрелянных. Местные власти не реагировали на эти действия, хотя было известно, что мародеры работали организованно, нанимая бездомных для проведения раскопок. Л. М. Манпель описывает, как мародеры вырывали золотые коронки из черепов, и предполагает, что кто-то мог указывать им места захоронений, возможно, бывшие участники расстрелов.

После того, как поэт Андрей Вознесенский поднял вопрос о мародерстве, крымскому руководству было дано указание заняться вопросом. Был разработан проект по созданию мемориала, но он оказался недостаточно представительным. Сам Л. М. Манпель выразил недовольство таким скромным памятником на месте массового убийства людей, разительно отличавшегося от более внушительного мемориального

---

[1] Черкасски А. Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. 2012. № 3. С. 83.

[2] Манпель Л. М. Поле памяти. Юбилейный год 2010: альманах. Симферополь, 2012. С. 144.

комплекса жертвам концлагеря «Красный», сооруженного в 1970-х годах в с. Дубки: «Не скульптурная композиция, как в Дубках, которой 12 тысяч расстрелянных достойны, а гранитный обелиск. Может быть, не хватало денежных средств, а может, время подгоняло»[1].

По мнению корреспондента Э. Поляновского, созданный обелиск увековечивает память о жертвах Холокоста, а подземный саркофаг, внутри которого были погребены их останки, защищает их от живых. Несмотря на завершение работ, автор отмечает, что даже с установленными мемориалами память о трагедии не восстановлена, а мародеры, в основном местные жители, переждав поднявшуюся «шумиху» в СМИ, продолжают грабежи. В связи с этим крымский журналист Э. Поляновский задумывается о распаде моральных ориентиров у молодого поколения советских граждан 1980-х годов: «Где-то, на минувшем этапе, видимо, достаточно долгом, было утрачено сознание. Придорожный обелиск сам по себе сознание не восполнит»[2].

С 60-х годов начался активный процесс создания памятников, посвященных партизанам и подпольщикам, которые сражались с нацистами во время войны. Один из таких памятников – обелиск «Партизанская шапка», установленный в 1963 году на трассе Симферополь – Алушта[3].

Памятники партизанам и подпольщикам открывались, в том числе, и в небольших крымских селах, с обязательным проведением митинга, на котором собирались жители сел и члены местных партийных организаций. Например, 7 ноября 1957 года в с. Васильевка Белогорского района на митинге, посвященном открытию памятника партизанкам-комсомолкам Ольге и Анне Кулякиным, убитыми немецко-фашистскими оккупантами, присутствовало практически все население села, а с речью выступили председатель и секретарь партийной организации колхоза имени Шаумяна,

---

[1] Манпель Л. М. Поле памяти. Юбилейный год 2010: альманах. Симферополь, 2012. С. 146.

[2] Поляновский Э. Поле памяти // Эдвин Поляновский. Памяти известного журналиста. 1987. URL: https://polyanovsky.ru/очерки/поле-памяти-1987 (дата обращения: 20.11.2024).

[3] Довгань А. Люди, знайте и всегда помните! // Слава Труду. 1984. № 42. 7 апреля. С. 5.

секретарь райкома партии т. Дыщун, ученица Васильевской средней школы В. Панченко и представитель моряков Черноморского флота – старший матрос Талаимов[1]. В 1978 году был открыт памятник партизанам и подпольщикам в Симферополе[2].

Продолжилось сооружение памятников в честь героических подвигов советских воинов: были сооружены памятники в разных местах, таких как Курган Славы, открытый в 1967 году на отрогах Долгоруковской яйлы, и один из главных мемориалов Великой Отечественной войны в Крыму – Перекопский вал, который в советский период играл важную роль социокультурной площадки. В преддверии Дня Победы здесь ежегодно организовывались массовые мероприятия, на которые приглашались не только жители Северного Крыма, но и Херсонской области. Участники мероприятий занимались облагораживанием и возложением венков на братские могилы, присоединялись к праздничному шествию и митингу, на котором заслушивались выступления секретарей райкомов партии и ветеранов-участников штурма Перекопа 1920 и 1944 годов. Юношам, вступившим в ЛКСМУ, вручались комсомольские билеты, а после окончания мемориальных ритуалов начинались спортивные выступления и народные гуляния[3].

В 1965 году в г. Джанкое был установлен самый известный в городе памятник Великой Отечественной войне – скульптура «Воинам – Авиаторам», в честь советских летчиков, защитников и освободителей г. Джанкоя. Скульптурная композиция состоит из фигуры летчика с широко разведенными в приветственном жесте руками на фоне стилизованного трехлопастного пропеллера. На мемориальной доске в центре постамента указаны имена летчиков, погибших в боях за Джанкой в 1944 году. Данный памятник занимает особое место в городском социокультурном

---

[1] Памятник партизанкам-комсомолкам // Коммунист. 1957. № 133. 12 ноября. С. 7.

[2] Республиканский комитет по охране культурного наследия АР Крым. Свод памятников истории и культуры Автономной Республики Крым. Симферополь, 2002. С. 34.

[3] Эмин И. На земле Перекопской // Крымская правда. 1961. № 91. 9 мая. С. 5.

пространстве, так как стал центром памятных мероприятий и акций, сопровождающихся возложением цветов и установкой почетного караула[1].

Отчетливо прослеживается тенденция к изменению отношения к военнопленным, что отразилось и в советском мемориальном наследии. Примером этого являются мемориальные доски и мемориалы советским военнопленным, погибшим в концлагерях в Джанкое, Симферополе и т.д. В 1967 году в г. Джанкое на улице Интернациональной, 31, на здании СШ № 1, в котором с 1941 по 1944 год располагался лагерь советских военнопленных, была установлена мемориальная доска с текстом: «Здесь в фашистском концлагере с октября 1941 по апрель 1944 год были замучены тысячи советских граждан». Несмотря на воспитательный эффект, который данная информация и по сей день оказывает на школьников, полноценным инструментом увековечивания памяти жертв нацистских репрессий эту мемориальную доску назвать трудно, так как на ней отсутствуют списки погибших и захороненных, или даже примерное количество жертв концлагеря.

В 1976 году, в преддверии Дня Победы, в Джанкое на улице Крымской д. 1 был установлен памятник на месте массовой гибели более 4 000 советских военнопленных в 1941–1944 годах[2]. Скульптурная композиция состоит из двух фигур военнопленных, стоящих на фоне стелы неправильной формы. Мемориальная доска гласит: «Живые, помните! – Они отдали жизнь за Ваше счастье в 1941–1945 гг.».

Памятники, связанные с событиями 1941–1945 годов, получали особое внимание в преддверии юбилеев Победы. Для их сооружения выделялись бюджетные средства и проводились общественные осмотры. В 1970-х годах в Джанкое были, например, установлены памятники Героям Советского Союза Я. И. Чапиеву и А. В. Немкову[3].

---

[1] Республиканский комитет по охране культурного наследия АР Крым. Свод памятников истории и культуры Автономной Республики Крым. Симферополь, 2002. С. 39.

[2] Там же. С. 34.

[3] Там же. С. 38.

В Крыму также были установлены памятники, связанные с Крымским фронтом, который вел бои в период 1941–1942 годов. Один из таких памятников – памятник на Ак-Монайских позициях у села Батальное, был установлен в 1972 году, а в Ленинском районе Республики Крым и городе Керчи находится более 60 братских могил и захоронений, связанных с Крымским фронтом.

Одной из насущных проблем охраны мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму была проблема его принадлежности, прежде всего ведомственной. В административном отношении памятники и памятные места до середины 1950-х годов относились к органам коммунального хозяйства. После создания Министерства культуры в 1953 году памятники попали под надзор его отделов. В то же время, воинские захоронения все также оставались под надзором органов коммунального хозяйства. Ситуация эта привлекла большее внимание, начиная с 1954 года, когда участие СССР, УССР и БССР в ЮНЕСКО с 1954 года оказало существенное влияние на увековечивание памяти о павших воинах Красной Армии и жертвах нацистских репрессий среди советского населения в других европейских странах.

Военно-патриотическое воспитание в Советском Крыму во многом поддерживалось путем регулярного проведения памятных мероприятий с обязательным привлечением молодежи. В 1980-е годы, в Крыму было сооружено достаточное количество значимых и знаменитых на весь СССР военных мемориалов, ставших площадкой для проведения патриотических мероприятий и памятных ритуалов. Несмотря на это, усиливавшийся с годами формализм в политике памяти советского государства и недостаточно активная работа по просвещению и воспитанию граждан часто оказывали негативное влияние на развитие коллективной памяти граждан.

Например, на горе Митридат ежегодно 9 Мая большая часть населения Керчи добровольно участвовала в поминовении и почтении памяти павших в годы Великой Отечественной войны соотечественников. Однако не менее

важный мемориал, посвященный жертвам нацистских репрессий в Багеровском рву, находящийся всего в нескольких десятках километров от Керчи, к 1980-м годам горожанами практически не посещался. Э. Поляновский в качестве подтверждения такого парадоксального факта приводит собственный опыт общения с директором Багеровской школы в 1987 году, который на вопрос о том, многие ли жители Керчи приезжают на Багеровский мемориал 9 Мая, ответил: «Человек семь-восемь…». Э. Поляновский так высказывает негодование результатами формализации памяти о войне: «Сегодня мы лишь пожинаем прошлое. Мы так много призывали и организовывали, что не успевали прочувствовать. Так много говорили, что не успевали задуматься. Думали одно, а говорили другое. Созрело противоречие – между самовнушением и действительностью»[1].

Такая же ситуация была отмечена Э. Поляновским в отношении Симферопольского «расстрельного рва». Несмотря на установку обелиска и перезахоронение останков жертв расстрелов, работы по идентификации останков так и не были проведены. И ни в архиве города Симферополь, ни в местном краеведческом музее, ни в общении со специалистами и чиновниками, Э. Поляновскому точное количество жертв и их имена установить не удалось[2].

Эти «тревожные ноты» отмечались и на государственном уровне. Так, в постановлении Секретариата ЦК КПСС 15 октября 1988 года «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС «Об усилении работы по увековечению памяти защитников Родины, активизации военно-патриотического воспитания трудящихся»[3] выделяли следующие, ставшие системными, проблемы в реализации региональной культурной политики памяти по теме Великой Отечественной войны:

---

[1] Поляновский Э. Поле памяти // Эдвин Поляновский. Памяти известного журналиста. 1987. URL: https://polyanovsky.ru/очерки/поле-памяти-1987 (дата обращения: 20.11.2024).

[2] Поляновский Э. Поле памяти // Эдвин Поляновский. Памяти известного журналиста. 1987. URL: https://polyanovsky.ru/очерки/поле-памяти-1987 (дата обращения: 20.11.2024).

[3] Постановление Секретариата ЦК КПСС от 15.10.1988 «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС “Об усилении работы по увековечению памяти защитников Родины, активизации военно-патриотического воспитания трудящихся”» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 52–53.

– формализм и отсутствие системности: работа велась бессистемно, без должного внимания к качеству и содержанию мероприятий;

– отсутствие должного контроля со стороны органов власти: местные органы власти нередко игнорировали проблемы с мемориалами и нуждами ветеранов, перекладывая ответственность на школы и комсомол;

– финансовые трудности: не хватало средств на содержание и реставрацию памятников, многие из которых находились в полуаварийном состоянии;

– незахороненные останки солдат: в целом ряде регионов в местах боев оставались непогребенными останки тысяч солдат;

– кощунственное отношение к памяти: встречались вопиющие случаи осквернения захоронений, например, известный случай устройства навозохранилища на месте братской могилы в совхозе «Холмогорка», Волоколамского района Московской области[1];

– равнодушие к ветеранам: ветераны и инвалиды сталкивались с равнодушием и бюрократией при получении положенных им льгот.

В 1988 году ЦК КПСС выявил серьезные проблемы в военно-патриотическом воспитании молодежи, проявлявшиеся, в частности, в увеличении количества «уклонистов» от военной службы. В частности, в 1987 году не явились на призывные пункты более 1600 юношей (во всех республиках СССР). В этот же год, около 300 юношей, призванных в армию, отказались принимать воинская присягу по религиозным и другим мотивам. В качестве противодействия таким тенденциям в среде советской молодежи, ЦК КПСС выдвинул предложение с требованием об активизации привлечения молодежи к уходу за памятниками и братскими могилами Великой Отечественной войны, а также требования повышения ответственности местных чиновников за состояние памятников и воинских захоронений и усиления освещению в СМИ вопросов сохранения памяти о героях войны, ветеранах их нуждах и т.п. Также ЦК КПСС предлагало

[1] Спокойна ли ваша совесть? // Социалистическая индустрия. 1988. 22 июля. № 169. С. 6.

усилить административную и уголовную ответственности граждан за осквернение памятников, могил и захоронений, что учесть при составлении и совершенствовании соответствующих правовых актов[1].

В начале 1990-х годов в советском обществе возникло ощущение хрупкости и неустойчивости советской государственности, ранее казавшейся нерушимой. «Перестройка» внедрила в общественное сознание готовность к быстрым изменениям, однако стремительность обрушения социалистического строя стала неожиданностью даже для самых пессимистично настроенных граждан. По мнению американо-российского социолога А. В. Юрчака, парадокс общественного восприятия событий распада Советского Союза заключался в том, что в сознании граждан советская система представала одновременно и сильной, и уязвимой, вследствие чего, советские граждане подсознательно были готовы к разрушению государства[2]. А. В. Юрчак полагает, что парадоксальность советской системы (сочетание в ней силы и слабости, надежды и безысходности, вечности и ощущения скорого конца) являлась неотъемлемой частью сущности самой системы, что обеспечивалось ее идеологическими установками, социально-бытовыми отношениями и организацией повседневной жизни[3].

Таким образом, специфика увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в Крыму в советский период заключалась в сочетании общесоюзных стандартов коммеморации с локальными практиками. В советский период в Крыму была сформирована и проводилась целостная, идеологически детерминированная культурная политика памяти, определившая специфику увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в культуре Крыма, что отразилось в:

---

[1] О ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 15.10.1988 «Об усилении работы по увековечению памяти защитников Родины, активизации военно-патриотического воспитания трудящихся» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 54.

[2] Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2024. С. 34.

[3] Там же. С. 35.

– коммеморации событий Великой Отечественной войны в разных формах, сочетающих региональные особенности и общесоюзные стандарты;

– подчинении советской культурной политики памяти задачам популяризации надэтнического сообщества «советский народ» и формирования соответствующей культурной идентичности крымчан;

– выраженной идеологической направленности мемориального строительства, в том числе касающегося событий Великой Отечественной войны, обеспечивающего культурную идентичность крымчан как представителей советского общества; практической деэтнизации памяти о героях и жертвах войны и акценте на подвиге и жертвах надэтнической интернациональной общности «советский народ»;

– централизованной ритуализации коммеморативных практик, подчиненных задачам государственной «монументальной пропаганды» советских духовно-нравственных ценностей и идеологии, патриотического воспитания;

– придании особого значения Великой Победе как основного события, объединяющего советский народ и влияющего на формирование советской культурной идентичности;

– формировании материального и нематериального мемориального наследия, связанного с событиями Великой Отечественной войны, в контексте культуры Крыма, посредством создания многочисленных памятников, праздников, художественного творчества, практик и т.п.;

– активном участии в создании памятников Великой Отечественной не только государственной власти, но и научных и образовательных учреждений, музеев, общественных структур и т.п.;

– мемориализации событий Великой Отечественной войны в Крыму под усиленным государственным контролем трактовок военной истории, что обеспечивало идеологическую монолитность советского народа, как на всесоюзном, так и региональном уровне;

– доминировании героико-патриотического нарратива памяти над виктимным, что нашло свое отражение в крымском мемориальном наследии Великой Отечественной войны;

– значительной активизации (что являлось закономерным результатом проводимой политики памяти в период вхождения Крыма в состав РСФСР) деятельности крымских музеев и гражданских инициатив, направленных на изучение, развитие, популяризацию и сохранение мемориального наследия Великой Отечественной войны;

– использовании музеев как центров изучения и представления мемориального наследия и социокультурных площадок для проведения различных мероприятий, направленных на активное представление информации о памятных событиях Великой Отечественной войны, формирование нематериального мемориального наследия, укрепление патриотических чувств граждан;

В современный период истории Крыма советская культурная политика памяти во многом послужила основой формирования новой общероссийской идентичности, проявившейся в синтезе советского героико-патриотического и современного виктимного дискурсов культурной памяти о Великой Отечественной войне.

К концу советского периода нарастающий формализм в политике памяти, в совокупности с неэффективной молодежной политикой и нарастающим внутриполитическим и экономическим кризисом, проявился и в крымской мемориальной практике в виде ослабления общественного интереса к теме Великой Отечественной войны и постепенной деградации памятникоохранной деятельности в регионе.

Распад Советского Союза усугубил эти тенденции, приведя к фрагментации и частичному забвению темы Великой Отечественной войны, однако заложенные в советский период институциональные и духовные основы – сеть музеев, памятников, результаты научных и архивных исследований, поисковых работ и межпоколенческой трансляции памяти о

войне – стали отправной точкой возрождения культурной памяти и формирования идентичности крымчан в постсоветский период.

2.2 Культурная политика памяти о Великой Отечественной войне и коммеморативные практики в Крыму в постсоветский и современный периоды

Культурная политика памяти о Великой Отечественной войне в постсоветский и современный периоды в Крыму представляет особый интерес в силу уникальности развития крымского региона в условиях перехода из одних политических и культурно-исторических условий в другие. В контексте нашего исследования мы исходим из определения политики памяти как таковой и рассматриваем культурную политику памяти как часть культурной политики в целом[1].

Исходя из этого, культурная политика памяти представляет собой целенаправленную, прежде всего государственную деятельность по репрезентации определенных образов исторического прошлого средствами культуры и искусства, в соответствии с доминирующими в обществе ценностями и идеалами.

Безусловно, осуществление культурной политики памяти имеет конкретные особенности в каждый исторический период. В частности, постсоветский (украинский) период истории Крыма (1991–2014) в отношении мемориализации темы Великой Отечественной войны ознаменовался обострением ранее табуированного вопроса об увековечивании памяти жертв депортации народов Крыма.

---

[1] Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2012. № 3. С. 123.

Принципиальное содержательное отличие постсоветского (украинского) периода от советского заключалось в кардинальном развороте от единой героико-патриотической парадигмы культурной политики памяти к фрагментированной и конфликтной. Если советская культурная политика памяти была основана на деэтнизации и интернационализации подвига при существенной степени цензурированности виктимного нарратива, то украинский период характеризуется «этнизацией» памяти, выдвижением на первый план виктимности отдельных народов (украинцев, крымских татар, греков, болгар и др.) и их трагического опыта. Однако это привело к консолидации народов, как в СССР, а, напротив – к конкуренции нарративов, и, в совокупности с признанием преступности политики Советского Союза в отношении депортированных народов Крыма, пересмотру стал подвергаться также общесоюзный подвиг в Великой Отечественной войне, а в ряде случаев память о Великой Отечественной войне стала полностью замещаться памятью о сталинских репрессиях. Данное противоречие в восприятии мемориального наследия Великой Отечественной войны стало основной причиной возникновения и последующего развития «мемориальных конфликтов» как на региональном крымском, так и на всеукраинском уровне.

В изучаемый период культурная политика памяти отражала процесс становления концепции этноцентризма и постепенного сдвига от героико-патриотического нарратива о Великой Отечественной войне к виктимной памяти о ее жертвах. Уже 17 мая 1994 года в газете Верховного Совета Украины «Голос Украины» был опубликован текст речи Президента Украины Л. М. Кравчука, зачитанной им на вечере-реквиеме памяти жертв депортации крымских татар, болгар, греков, армян, лиц других национальностей из Крыма, состоявшегося 14 мая, в которой он подчеркнул, что «…только с провозглашением молодого независимого Украинского государства началась принципиально новая эпоха в национальных отношениях, в частности в восстановлении прав депортированных из Крыма. <…> необходимо сделать все, чтобы затянулись раны в душах потомков

депортированных, чтобы они без препятствий возвратились на землю отцов»[1].

В то время украинские власти и власти Автономной Республики Крым приняли ряд экономических, социальных и политических мер, направленных на восстановление исторической справедливости, возвращение и интеграцию депортированных народов в общественную жизнь Крыма. Однако данные меры не были системными и многие вопросы, связанные с полной реабилитацией и благоустройством лиц, пострадавшим от депортации, оставались нерешенными.

В преддверии установления памятной даты депортации, в ее официальном названии, использованном правительством Украины, «50 лет депортации из Крыма», 18 мая 1994 года на железнодорожных станциях крымских городов Симферополь, Джанкой, Бахчисарай, Сирень и других были установлены мемориальные доски с типовыми надписями на трех государственных языках Республики Крым: «Отсюда и с других железнодорожных станций были насильно вывезены депортированные из Крыма: август 1941 г. – немцы, 18 мая 1944 г. – крымскотатарский народ, июль 1944 г. – армяне, болгары, греки»[2]. Мемориальные доски в память о жертвах насильственной высылки из Крыма сооружались и в 1997 году под руководством Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры[3]. Устанавливались также памятники жертвам политических репрессий. Так, в 1998 году в г. Севастополе был открыт памятник жертвам политических репрессий 1930–1950-х годов, сооруженный на средства Севастопольской госадминистрации и при активной помощи командования Черноморского Флота Украины[4].

Ситуацию с памятниками Великой Отечественной войны в Крыму в 1990-е – нач. 2000-х годов в целом можно назвать удручающей. Многие

---

[1] Реквием: память, искупление, надежда // Голос Украины. 1994. № 90. 17 мая. С. 1.
[2] Реквием: память, искупление, надежда // Голос Украины. 1994. № 90. 17 мая. С. 1.
[3] ГА РК. Ф. 5135. Оп. 1. Д. 14. Л. 35.
[4] Памятник жертвам репрессий // Урядовий кур'єр. 1998. № 210-211. 31 октября. С. 1.

памятники подвергались вандализму, другие приходили в негодность вследствие недостатка финансирования реставрационных работ или из-за халатного отношения властей. Немаловажной проблемой стало безразличие определенной части населения (в основном, молодежи) к памятникам. В частности, в Симферополе, мемориал «Несломленная» в районе с. Дубки (ныне улица Героев Сталинграда, г. Симферополь), возведенный в 1970-х годах в честь жертв концлагеря «Красный», в начале 2000-х годов находился в аварийном состоянии – стела на месте казни была разрушена, деревья в мемориальной дубовой роще были спилены, сама территория мемориала загрязнена мусором и заросла травой. Сам мемориал как место памяти, почтения и скорби потерял свой смысл, став местом сбора и развлечений молодежи[1].

Необходимо отметь, что отсутствие новых памятников или разрушение (в т. ч. и забвение) уже имеющихся памятников как особой формы мемориального наследия влечет за собой формирование в сознании людей сложных пространственно-временных образов, часто отличающихся от их реального прошлого состояния. Эта «пустота», по мнению А. А. Смирновой, И. В. Леонова и И. В. Кириллова, становится активной: она замещает утраченное и неизбежно заполняется часто ложными и вредными смыслами в человеческом сознании, не терпящем вакуума[2].

Следует особо выделить обращение председателя Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры А. Г. Литвиненко к Президенту Крыма Ю. А. Мешкову, которое может ярко охарактеризовать описанный период 1990-х годов: «…Кроме того, просим выделять нам группы автоматчиков из подразделений МВД Крыма для вертолетных патрулирований, так как грабители на городищах, могильниках и курганах вооружены, владеют радиостанциями и мощными автомобилями. Для сравнения: Госкомитету (с нами не посоветовавшись) выделен лимит

[1] ЦДЮТ. Ф. 4. Д. 15. Л. 16.

[2] Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Отсутствие как памятник. Статья 2* // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 55.

количества и норм пробега служебных автомобилей 1.300 км в месяц. Часто получаем сигнал, что идет грабеж памятника, а выехать не можем»[1].

При множественных отличиях, в постсоветском (украинском) периоде все же сохранились некоторые коммеморативные практики сохранения нематериального мемориального наследия Великой Отечественной войны, доставшиеся по наследству от советского периода истории Крыма. Так, в 1990-х – 2000-ных годах продолжалась традиция ежегодных «партизанских маевок», проходивших ежегодно на Ангарском перевале с возложением цветов к памятнику «Партизанская шапка». На Ангарском перевале традиционно проходил праздничный митинг с выступлением Заместителя Председателя Верховной Рады АРК, глав правительства автономии, представителей администраций городов и районов, а также общественных и молодежных организаций[2]. После митинга обычно проводился концерт с последующим угощением ветеранов и гостей мероприятия блюдами из полевой кухни. Эти мероприятия, целью которых была актуализация культурно-исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и ее участниках, что, безусловно, способствовало, хотя и в незначительной степени, сохранению нематериального мемориального наследия Крыма.

Отличием «партизанских маевок» в постсоветский (украинский) период стало признание и демонстрация вклада представителей депортированных народов, в частности крымских татар в партизанское движение Крыма (1941–1944). Так, на 45-ой маевке на Калан-Баире (район Зуйских лесов, Белогорский район) в мае 2000 года собрались не только постоянные гости маевок, например, Н. Клемпарский и Л. Уваров, но и ветераны крымского партизанского движения, ранее не участвовавшие в них по политическим причинам, например, Нури Халилов – политрук, ветеран

[1] ГА РК. Ф. 5135. Оп. 1 Д. 3 Л. 9.
[2] Светлова К. Маевка на Ангарском перевале // Крымские известия. 2005. № 81 (3311). 5 мая. С. 2.

партизанского движения, репрессированный в 1944 году и после войны депортированный из Крыма в Узбекистан[1].

Важным событием в осуществлении культурной политики памяти о Великой Отечественной войне стало Постановление Совета Министров Крыма от 23.07.93 №162 «О Государственном комитете по охране и использованию памятников истории и культуры Совета Министров Крыма»[2].

Согласно положению о Государственном комитете по охране и использованию памятников истории и культуры Совета Министров Крыма (далее – Госкомитет), Госкомитет являлся центральным органом государственной исполнительной власти в сфере охраны и использования памятников истории и культуры, непосредственно подчиняющимся Совету Министров Крыма. В пределах своей компетенции Госкомитет осуществлял исполнение законодательств Украины и Крыма в области охраны и использования памятников истории и культуры и осуществлял систематический контроль[3].

Указом Президента РК Ю. А. Мешкова был образован Научно-исследовательский центр Крымоведения при Госкомитете со штатом в 17 сотрудников. Финансирование данного НИЦ предполагалось из средств, выделяемых на содержание Госкомитета[4].

Следует отметить, что Госкомитет Крыма по охране и использованию памятников истории и культуры сразу же активно включился в соответствующую работу. В частности, в отчете за 1993 год, направленный в Министерство культуры Украины, было указано, что:

– Госкомитетом получено 92 обращения о нарушении содержания памятников истории и культуры, из которых только 11 остались без ответа (по Керчи);

---

[1] Кожуховский О. Встреча на Калан-Баире // Крымские известия. 2000. № 84. 11 мая. С. 4.
[2] ГА РК. Ф. 5135. Оп 1. Д. 1. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.
[4] Там же. Л. 10–11.

– по состоянию на 1992 год финансирование Управлением культуры Совета министров Крыма на выявление памятников – 600 тыс. карбованцев; а средств из госбюджета – 2200,2 тыс. карбованцев, которые практически все были освоены[1].

В 1990-х годах происходит развитие украинско-германских дипломатических отношений по вопросам увековечивания памяти о Великой Отечественной войне и оказания финансовой помощи лицам, пострадавшим от нацистской оккупации. В письменном запросе председателя Госкомитета Ю. М. Могаричева послу ФРГ в Украине Э. Хайкену о рассмотрении инициативного сотрудничества со стороны Госкомитета с немецкой стороной и поиска возможных партнерских организаций в ФРГ указывался факт визита Федерального канцлера Г. Коля в Украину (1996 год) как очень важное событие в развитии украинско-германского сотрудничества. В письме Ю. М. Могаричев отмечает готовность властей Крыма к реализации программы международного сотрудничества: «Представляя Правительство Автономной Республики Крым, являющееся неотъемлемой частью Украины, мы хотели бы внести свой вклад в создание атмосферы доверия между нашими народами. В Крыму с 1990 года ведется активная работа в рамках программы «Примирение над могилами павших»[2]. Целью этой программы являлась нейтрализация стереотипа образа противника, который сформировался после Второй Мировой войны. В письме немецкому послу Ю. М. Могаричев также упоминает об уже реализованных в Крыму украинско-немецких проектах: «В 1995 году нами создан первый в Крыму мемориал немецким воинам, сформирована информационная база о погибших в Крыму немецких солдатах, местах их гибели и захоронений. Эта информация уникальна, так как она собиралась по крупицам в течение этих лет с помощью энтузиастов и при содействии государства <…>. В настоящее

[1] ГА РК. Ф. 5135. Оп 1. Д. 1. Л. 11.
[2] Там же. Л. 71.

время нами ведется активная работа по поиску новых имен немцев, без вести пропавших на крымской земле и увековечиванию их памяти в Крыму»[1].

Несмотря на важность вопросов эксгумации и перезахоронения останков вражеских военнослужащих, обнаруженных на территории Крымского полуострова, сама концепция «Примирения над могилами павших» вызывает вопросы относительно моральной стороны такого «примирения»: программа фактически подразумевала забвение памяти о преступлениях германского Вермахта и других оккупационных нацистских организаций, осуществлявших репрессии в отношении мирного населения Крыма. Таким образом происходило символическое «перемещение» погибших немецких военных в категорию «жертв», и приравнивание их к убитым ими советским военнопленным и мирным жителям.

Формулировка о «нейтрализации стереотипа противника» как цели данной программы также вызывает вопросы ввиду того, что ни в Советском Союзе, ни в Украине, немецкий народ противником не считался. Сам же образ ФРГ как политического и идеологического оппонента по отношению к СССР был сформирован в связи с ее вхождением в НАТО, а не по признаку отношения к Третьему Рейху.

Возвращаясь к теме украинско-германских взаимоотношений, следует отметить, что Ю. М. Могаричев также доложил послу ФРГ о текущем состоянии взаимодействия Госкомитета с ветеранскими и общественными организациями Украины: «Кроме того нами ведется организационная работа среди советских ветеранов войны, направленная на поиск без вести пропавших советских воинов в Германии и содействие такой же работе немцев в Крыму. <…> Таким образом, мы выступаем с инициативой предоставить возможность желающим в Германии посетить места боев, гибели и захоронений немецких воинов Первой и Второй Мировых войн. Для этого мы располагаем компетентными специалистами – историками, гидами-переводчиками, транспортом, комфортабельным размещением в гостинице

[1] ГА РК. Ф. 5135. Оп 1. Д. 1. Л. 71.

“Ореанда”. В этой работе мы сотрудничаем с Республиканским благотворительным фондом по поиску воинских захоронений «Юг» и другими организациями»[1].

Первым мемориалом Великой Отечественной войны, посвященным памяти военнослужащих вражеских армий, погибших в Крыму, стал установленный в 1993 году благотворительной организацией «Юг» памятный знак на месте погребения двух немецких военнопленных, умерших в лагере НКВД № 299 на территории Никитского ботанического сада. Затем, в 2001 году в с. Гончарное под Севастополем было открыто немецкое кладбище, куда были перезахоронены останки 6 000 немецких солдат и офицеров. Последующие останки немецких военнослужащих, найденных на территории Крыма, перезахоранивали именно на это кладбище.

Следует отметить, что Германия оказывала финансовую помощь крымчанам – бывшим узникам концлагерей, работавшим на немецких фабриках, заводах и в сельском хозяйстве. Так, наблюдательный совет Украинского национального фонда «Взаимопонимание и примирение» в 2003 году увеличил компенсационные выплаты бывшим остарбайтерам, к прежним 767 евро добавили еще 230[2]. В частности, фирма «Hochtief» разыскивала родственников бывших узников из Крыма, работавших в 1944 году на строительстве автодороги от Вольфдорфа до Олеборна. Активисты немецких волонтерских организаций приезжали в Крым для помощи бывшим жертвам нацизма. Таких немецких гуманитарных проектов, действовавших в Украине, насчитывалось по состоянию на 2003 год около 30[3].

Госдепартамент США также оказывал помощь возвращающимся в Крым депортированным народам. В 2003 году были сооружены водоводы в поселках репатриантов в Бахчисарайском и Азовском районах, открыт офис американской благотворительной организации[4].

---

[1] ГА РК. Ф. 5135. Оп 1. Д 1. Л. 72.
[2] Боль не забыта // Крымская газета. 2003. № 83. 12 апреля. С. 4.
[3] Там же. С. 4.
[4] В совете министров АРК // Крымская газета. 2003. № 84. 13 мая. С. 1.

Несмотря на общую тяжелую экономическую ситуацию в Украине, Федерация независимых профсоюзов совместно с Исполнительной дирекцией Фонда соцстраха Украины ежегодно выделяла средства для оздоровления ветеранов Великой Отечественной войны в санаториях и пансионатах Крыма. Например, в 2000 году в преддверии Дня Победы на отдых 300 ветеранов в санаториях Севастополя и Керчи было выделено 80 000 грн. Ветераны оставили положительные отзывы о проведенном времени[1].

Помимо путевок в санатории, крымские городские администрации также дарили ветеранам ценные подарки. Так, 8 мая 2000 года в г. Керчи, на мероприятии, посвященном Дню Победы и 2600-летию города, представители Верховной Рады АРК, при поддержке министерств и ведомств республики, городского совета и научной общественности приняли участие во вручении 9 инвалидных колясок, закрыв тем самым данную потребность в городе, и 3 автомобилей ЗАЗ-1102 «Таврия-Нова». Помимо этого, Глава парламента Крыма доложил о выплате ветеранам и другим пенсионерам Керчи долгов по пенсиям и о выдаче им пенсии за май. Само мероприятие включало в себя также заложение на горе Митридат капсул с землей городов-героев, факельное шествие к обелиску Славы и митинг-реквием, посвященный Празднику Победы[2].

В это же время, 11 апреля 2003 года в г. Симферополе произошло торжественное открытие мемориала Победы, центром композиции которого стал «Т-34» 19-го танкового корпуса Красной Армии, участвовавший в освобождении города[3].

Республиканский комитет по охране и использованию памятников истории и культуры (ранее – Госкомитет) заключил договоры о сотрудничестве с Институтом Археологии РАН, Институтом истории

---

[1] Не забывают фронтовиков // Крымские известия. 2000. № 83. 6 мая. С. 6.

[2] Дорогань А. Помнить о прошлом, заботиться о настоящем // Крымские известия. 2000. № 84. 11 мая. С. 3.

[3] Котенева О. Второе рождение памятника // Крымская газета. 2003. № 69. 15 апреля. С. 1.

материальной культуры РАН, институтом археологии и этнологии Польской АН, другими научными учреждениями и организациями, что поспособствовало изучению и популяризации крымского мемориального наследия в международном научном сообществе и организации совместных археологических экспедиций на территории крымского полуострова.

Согласно Информации о деятельности Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры за 2000 год от 09.01.2001 №5 на № 339-р от 28.12.2000, «в течение 2000 г. Рескомитетом по основной деятельности получено всего 813,4 тыс. грн, в т.ч. денежных средств в сумме 245,1 тыс. грн., по электронным платежам – 568,3 тыс. грн.»[1]. Из этих средств на мероприятия, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне, было израсходовано 1,3 тыс. грн., на проведение текущих охранно-археологических раскопок – 157,5 тыс. грн; на выполнение охранно-археологических мероприятий – 180,0 тыс. грн[2]. Исходя из указанных цифр, можно сделать вывод, что на мероприятия, посвященные празднованию Дня Победы, выделялось значительно меньше средств, чем на другие виды деятельности комитета, и это, безусловно, ограничивало популяризацию нематериального культурного наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма того времени.

Однако силами сотрудников Рескомитета, несмотря на недостаточное финансирование, за указанный 2000 год все же были проведены обследования памятников г. Ялты и Белогорского района, установлено 6 мемориальных досок и 1 памятный знак[3]. По итогам отчета заместитель председателя Рескомитета Б. В. Кизилов выделил следующие недостатки в работе комитета и их причины:

– недостаточную эффективность мероприятий по охране памятников в связи с недостаточным финансированием Рескомитета;

---

[1] ГА РК. Ф. 5135. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
[2] Там же. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.

– недостаточную эффективность взаимодействия комитета с органами Прокуратуры и МВД, поскольку отсутствует правовое урегулирование подобного взаимодействия, нет четкого разделения обязанностей и ответственности между органами исполнительной власти, действующих в сфере охраны культурного наследия, и правоохранительными органами;

– невозможность реструктуризации Рескомитета и увеличения его штата для создания широкой сети инспекторов по охране культурного наследия вследствие отсутствия стабильной законодательной базы;

– недостаточную эффективность экспедиционной и инспекторской деятельности вследствие отсутствия специализированного служебного автотранспорта высокой проходимости;

– невозможность эффективного пресечения широких масштабов разграбления и уничтожения памятников истории и культуры в связи с отсутствием специальных подразделений по борьбе с подобными преступлениями в структуре ГУ МВД Украины в Крыму[1].

Многие мероприятия, приуроченные ко Дню Победы, происходили на местном уровне – в районных домах культуры, что, безусловно, поддерживало культурно-историческую память на местном уровне. На этих мероприятих выступали представители администраций муниципалитетов и депутаты ВР АРК. Самой часто встречающейся формой мероприятий являлся праздничный концерт, включавший в себя тематические хореографические и вокальные номера[2].

Также в то время часто практиковалось (скорее всего вследствие относительной дешевизны) установление мемориальных плит. В частности, 9 мая 2005 года произошло торжественное открытие мемориальной плиты на месте обветшалого тралового катера – памятника Евпаторийскому десанту 1942 года[3]. Существовала также практика установки мемориальных плит в высших учебных заведениях. В Симферополе на здании Медицинского

[1] ГА РК. Ф. 5135. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.
[2] Роштен В. Концерты для ветеранов // Крымские известия. 2005. № 81. 5 мая. С. 6.
[3] Светлова К. Героям-десантникам // Крымские известия. 2005. № 82. 6 мая. С. 4.

университета им. С. Георгиевского была установлена мемориальная доска в память о располагавшемся здесь лагере-госпитале для советских военнопленных[1].

В популяризации темы Великой Отечественной войны продолжали принимать принимали активное участие и крымские музеи: например, 11 апреля 2008 года в Международный день узников фашистских концлагерей Евпаторийский краеведческий музей совместно с городской организацией узников фашистских концлагерей провел встречу с евпаторийскими школьниками «Войной расстрелянное детство», на которой гостям были продемонстрированы материалы о малолетних узниках лагерей смерти «Озаричи», «Равенсбрюк» и других[2]. Подобные встречи позволяли поддерживать трансляцию культурной памяти и нематериальное мемориальное наследие.

С этой же целью муниципальные власти крымских городов принимали меры по привлечению молодежи к празднованиям памятных дат войны. Так, в Основных итогах социально-экономического и культурного развития г. Симферополя за 2006–2007 годы отмечено, что в данный период молодежь Симферополя участвовала в многочисленных мероприятиях ко Дню Победы и Дню освобождения города. Молодежные коллективы выступали с концертами в госпиталях и центрах для инвалидов и пожилых людей, ходили в походы по местам боевой славы, ухаживали за военными захоронениями и встречались с ветеранами войны, оказывая им необходимую помощь, даря открытки и сувениры[3].

Принимались также нормативно-правовые акты, направленные на поиск и перезахоронение останков воинов Красной Армии и Флота. Например, в 2007 году было выпущено Постановление Верховного Совета АРК «Об утверждении мероприятий “Найти солдата!” на 2008–2010 гг. по

---

[1] Холодная С. Вечная память // Крымские известия. 2005. № 82. 6 мая. С. 4.

[2] Кирьянова С. Войной расстрелянное детство // Крымские известия. 2008. № 66. 9 апреля. С. 6.

[3] Основные итоги социально-экономического и культурного развития г. Симферополя за 2006–2007 годы. Симферополь, 2008. С. 95.

поиску воинских захоронений, пропавших без вести советских воинов, перезахоронению их останков и увековечиванию памяти погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на территории Автономной Республики Крым», которое не всегда выполнялось местными властями в полном объеме. Так, в Бахчисарайском районе на момент 2008 года, уже после решения 14-й сессии Бахчисарайского райсовета о принятии памятников Великой Отечественной войны на баланс местных советов с целью охраны памятников от вандализма и для их реставрации, местными властями никаких существенных мероприятий для исполнения решения райсовета проведено не было. Однако, в отличие от описанного выше Постановления на 2008–2010 годы, Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым о мероприятиях «Найти солдата!» на 2012–2015 годы характеризуется более выверенным планом работ, увеличенным финансовым обеспечением и задействованием существенного количества крымских министерств и ведомств[1].

В то же время, в украинском обществе назревал «мемориальный конфликт», связанный, в том числе, с культурной политикой памяти, проводимой Президентом Украины Виктором Ющенко. В 2006 году по его инициативе был открыт Украинский институт национальной памяти (УИНП), созданный по образцу польских и восточноевропейских институтов. Целью Института было увековечение памяти жертв политических репрессий и Голодоморов, а также формирование исторической политики, основанной на антикоммунизме и украинском этносимволизме. В отличие от Польши, в Украине не было единого мнения среди политической элиты относительно исторической политики и роли УИНП, что делало его зависимым от политической конъюнктуры и вызывало споры о целесообразности его существования.

---

[1] Постанова Верховної Ради Автономної Республіки Крим № 378 про заходи «Знайти солдата!» на 2012–2015 роки // Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. Симферополь, 2011. № 5. С. 377–378.

Положение, принятое Кабинетом Министров Украины от 31 мая 2006 года «О создании Украинского института национальной памяти», так описывало цели работы новосозданного института: «…усиление внимания общества к собственной истории, распространение объективной информации о ней в Украине и мире; реализация государственной политики и координация деятельности в сфере восстановления и сохранения национальной памяти украинского народа; обеспечение всестороннего изучения этапов борьбы за восстановление государственности Украины в XX веке, исторического прошлого украинского народа, в том числе всех форм репрессий; осуществление комплекса мероприятий по увековечению памяти жертв голодоморов и политических репрессий, участников национально-освободительной борьбы»[1]. Это указывало на доминирование этноцентрического нарратива в культуре и политике Украины того времени, стремление дистанцироваться от советского мемориального наследия.

В 2010 году, после победы В. Ф. Януковича на президентских выборах, УИНП был ликвидирован в рамках оптимизации госструктур, однако в январе 2011 года институт был восстановлен. В. Ф. Янукович и его сторонники не могли позволить себе полностью ликвидировать УИНП из-за возможного ущерба для их политического имиджа, но и не хотели явно изменять его идеологическую направленность. Институт продолжал работать в рамках стандартного этноцентрического нарратива, частично добавляя элементы советской ностальгии, что было связано как с неоднозначным и противоречивым отношением различных частей украинского общества к культурно-историческому наследию, а также с усилением в те времена просоветского нарратива в теме Великой Отечественной войны.

После прихода к власти П. А. Порошенко в 2014 году, основной задачей УИНП стало вытеснение просоветского и пророссийского нарратива из коллективной памяти и навязывание националистического подхода в

[1] Кабінет міністрів України. Постанова від 31 травня 2006 р. № 764 «Про утворення Українського інституту національної пам’яті» // Кабінет міністрів України. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/764-2006-п (дата обращения: 21.11.2024).

реализации культурной политики памяти, основанного на украинском этнокультурном национализме. Стоит отметить, что, несмотря на попытки включения советской истории в исследовательские и образовательные проекты о Второй Мировой войне, в украинской культурной политике памяти все равно доминирует этноцентризм и проводится соответствующая культурная политика, которая неоднозначно воспринимающаяся в разных регионах Украины. Символы и термины, связанные с советским прошлым, за редким исключением, отвергались. Общепринятое в украинском историческом сообществе (и украинском обществе в целом) понятие «Великая Отечественная война» было вытеснено понятием «Вторая мировая война», основной коммеморативной датой стало 8 мая, а главным символом – траурный цветок мака вместо советской гвоздики и принятого в России триумфального символа – Георгиевской ленты. Основным фокусом внимания при изучении темы войны стало участие этнических украинцев во Второй Мировой войне. В качестве исключений из общей линии украинского этноцентризма в коммеморации событий войны в украинской официальной интерпретации можно назвать сюжеты о Холокосте и депортации крымскотатарского народа.

По мнению украинского историка Г. Касьянова, конфликтность политики памяти того времени, отразившаяся в частности в деятельности УИНП, выражалась в навязывании одной версии культурной памяти за счет уничтожения другой, в практическом отсутствии плюрализма мнений и равноправной и открытой, незаангажированной научной полемики. Это особенно заметно в рамках политики «декоммунизации», которая была направлена на устранение советско-ностальгического нарратива из публичного пространства и его замену националистическим[1].

Возвращаясь к истокам мемориального конфликта в украинском обществе относительно темы коммеморации событий Великой Отечественной войны, следует более детально рассмотреть начальный этап

[1] Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. С. 95.

деятельности УИНП с 2006 по 2010 год. В. 2006 году на пост директора УИНП был назначен И. Юхновский, вице-премьер и член Социал-национальной партии (затем переименованной в ВО «Свобода»). И. Юхновский, в рамках кампании по переосмыслению исторического прошлого, вел активную работу по популяризации организаций ОУН и УПА, а также стал одним из главных идеологов концепции о Голодоморе как о геноциде украинского народа. По мнению А. Рудлинга, в деле реабилитации антисоветских националистических организаций значительную роль сыграл и В. Вятрович, назначенный в 2006 году директором Государственного архива СБУ. Политика В. А. Ющенко достигла пика в 2009–2010 годы, когда СБУ объявила о том, что число жертв Голодомора составило 10 063 000 человек, большинство из которых были украинцами[1]. В результате Апелляционный суд Киева признал советских лидеров виновными в геноциде украинцев посмертно, а вождю ОУН-Б С.А. Бандере вскоре после этого было посмертно присвоено звание Героя Украины.

Именно Указ Президента Украины В. А. Ющенко от 20 января 2010 года № 46/2010 «О присвоении С. Бандере звания Герой Украины» стал одним из самых значительных «камней преткновения» между Киевом и Симферополем. В заявлении Президиума ВР АРК от 02.02.2010 данный указ был назван «откровенной провокацией, направленной на раскол украинского общества, большинство граждан которого однозначно считают Бандеру нацистским пособником и палачом»[2]. Реакция на данный Указ последовала не только в Крыму, но и в других регионах, как на западе, так и востоке Украины. Инициаторами протестной акции «Бандера – не народный герой!» выступили Партия детей войны и Социалистическая партия Украины. Суть акции заключалась в сборе подписей граждан для петиции об отмене Указа

[1] Rudling A. Repatriating An Edifying Past: The Diaspora Ukrainian Authoritarian Right and Power Over Memory, 1991–2021 // Nationalities Papers. 2024. № 52. P. 12.

[2] Заявление в связи с присвоением звания Героя Украины Степану Бандере // Президиум ВР АРК. 2010. № 21-5/10-ПВР. 28 января // Президиум ВР АРК. URL: http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/sbornik/2010_01.pdf (дата обращения 20.09.2024).

новому Президенту Украины, который придет к власти после выборов в 2010 году[1].

Свидетельством этой конфликтности была, в частности, неоднозначная позиция Главного управления Службы Безопасности Украины по АРК и г. Севастополю. С одной стороны, под патронатом Крымского СБУ и супруги бывшего президента Украины В. А. Ющенко Катерины Ющенко в Симферополе, в феврале 2010 года, сначала в Доме художника, а затем в крымском главке СБУ была показана экспозиция «Сломанные судьбы: коммунистический террор на Украине 1920–1950-х годов» для студентов исторического факультета ТНУ им. В. И. Вернадского; годом ранее, в 2009 году, в крымском главке СБУ также проводилась выставка «УПА – історія нескорення» (рус. «УПА* – история непокоренности»)[2]. С другой стороны, руководство крымского главка СБУ организовывало совместно с ветеранами возложение цветов к расположенной на фасаде собственного здания мемориальной стеле сотрудников госбезопасности Крыма, погибших во время Великой Отечественной войны[3].

В то же время давали о себе знать проблемы с финансированием охраны памятников: например, в 2009 году в газете «Крымское время» сообщалось о том, что памятник солдату на братской могиле на Перекопском валу накренился и находится на грани разрушения, однако запрос исполкома Армянска о реконструкции не был принят вследствие «невыделения денежных средств»[4].

На «Русских вторниках», собраниях ученых и журналистов, проводимых при поддержке Русского культурного центра, Института стран СНГ в Крыму и КРО «Таврический союз», нередко обсуждались вопросы современной внутренней украинской политики. Так, например, 27 ноября

---

[1] Симонова Н. Бандера не народный герой! // Крымская правда. 2010. № 78. 18 марта. С. 2.

[*] Организация признана экстремисткой и ее деятельность запрещена в Российской Федерации.

[2] Ермолин А. Промывание мозгов в закрытом режиме // Крымская правда. 2010. № 35. 25 февраля. С. 1.

[3] В СБУ поздравили ветеранов // Общественно-политическая газета. 2013. № 50. 16 мая. С. 6.

[4] Памятник нужно спасать // Крымское время. 2009. № 22. 3 марта. С. 3.

2012 года состоялся «Русский вторник» на тему «Неонацизм на Украине», на котором происходило обсуждение роста популярности украинской националистической партии «Свобода», в особенности их стремительного набора голосов в Юго-Восточной части Украины (где высокого уровня симпатии к националистическим движениям ранее не наблюдалось), и обсуждение решения украинской дипломатии о воздержании в вопросе принятия резолюции ООН о недопустимости героизации нацизма, подготовленного Россией[1].

На фоне противостояния крымского общества нарастающей популярности националистических партий в Верховной Раде Украины, в парламенте АРК проводилась региональная политика памяти, отличающаяся от общеукраинской и отражающая ценности и убеждения в целом российскоориентированного крымского общества, с особым почитанием и трепетом относившегося к событиям Великой Отечественной войны и соответствующему мемориальному наследию. В частности, в 2012 году под руководством председателя Верховного Совета Автономной Республики Крым В. А. Константинова состоялось внеочередное заседание президиума, на котором вновь поднимался вопрос о необходимости сооружения мемориального комплекса на месте концлагеря «Красный» в с. Мирное, Симферопольского района[2].

По мнению крымского исследователя В. А. Иванова, в украинский период истории Крыма тема концлагеря «Красный» и его роли в преступлениях нацистов не была приоритетным направлением в исследовательской деятельности, так как украинские историки, следуя концепции украинского этноцентризма, в большей степени акцентировали внимание именно на преступлениях советского режима и на его сравнении с

---

[1] Киселева Н. На «Русском вторнике» говорили об украинском неонацизме // Общественно-политическая газета. 2012. № 129. 29 ноября. С. 2.

[2] На месте концентрационного лагеря в совхозе «Красный» должен быть создан мемориальный комплекс // Общественно-политическая газета. 2012. № 129. 29 ноября. С. 2.

режимом нацистской Германии[1]. Память о концлагере в основном поддерживалась за счет инициатив республиканских и Симферопольских муниципальных властей, а также при поддержке общественности и крымского исторического сообщества.

Ситуация радикально изменилась после воссоединения Крыма с Россией – сотрудники Мемориала жертв фашистской оккупации (при Центральном музее Тавриды) вместе с Попечительским советом под руководством спикера крымского парламента В. А. Константинова начали систематически изучать историю лагеря и увековечивать память его жертв.

Также следует обратить внимание, что после воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 года в регионе начало активно развиваться мемориальное строительство. С 2014 по 2024 год были построены два крупных мемориала жертвам нацистских концлагерей, реконструировано 36 памятников, посвященных героям войны, организованы новые тематические экспозиции в музеях. Культурная политика России в Крыму также способствовала реабилитации народов региона, включая принятие соответствующих законов и указов, а также внедрение в школьное образование изучения вклада народов Крыма в Великую Победу, открытие соответствующих экспозиций в библиотеках и музеях.

Современный российский период истории Крыма характеризуется внедрением новой культурной политики памяти, отличной от советской и украинской и направленной на преодоление «мемориальных конфликтов» через управляемый синтез героико-патриотического и виктимного нарративов. Эта культурная политика памяти является не просто возвратом к советскому опыту и мемориальному канону. Она сохраняет его героико-патриотическую основу (концепция увековечивания памяти интернационального подвига советского народа, возвращение Дню Победы роли одного из главных праздников и событий в истории России), но

[1] Иванов В. А. История и функционирование концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2. С. 161.

интегрирует в него практически исключенный в советской концепции виктимный нарратив, прежде всего – тему увековечивания жертв среди депортированных народов.

Если в СССР данная тема замалчивалась, а в украинский период – противопоставлялась героико-патриотическому нарративу и полностью его замещала, то российская культурная политика памяти стремится включить культурную травму в общий нарратив подвига российского народа, обращаясь как к героическому, так и жертвенному. В частности, реабилитация на государственном уровне представителей крымскотатарского народа – героев войны, и сооружение мемориала жертвам депортации «Путь возвращения», стали попыткой показать, что трагедия депортации и героизм на фронте являются частями единой истории полиэтнического Крыма, как части истории России.

После событий «Крымской весны» 2014 года, в крымском обществе наблюдается усиленный рост интереса к событиям Великой Отечественной войны и соответствующая активизация культурной политики памяти. В частности, активно развивается процесс реабилитации депортированных народов Крыма: увековечение памяти о героях Великой Отечественной войны находит отражение в президентских указах о присвоении им посмертных наград (например, присвоение звания Героя Российской Федерации Алиме Абденнановой), мемориализации их личностей в виде сооружения памятников, включения их биографий в учебные программы (например, дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана, комиссара Южного соединения партизан Крыма Мустафы Веисовича Селимова и других).

Также происходит увековечивание и других героев крымскотатарского народа – например, 9 мая 2014 года в сквере Победы поселка Партенит был открыт памятник Герою Советского Союза Абдулю Т. А.[1].

---

[1] Аблязов Э. Открыт памятник герою // Голос Крыма. 2014. № 20. 14 мая. С. 1.

Существенный рост интереса крымской общественности к героям-участникам Великой Отечественной войны из числа крымскотатарского народа объясним принятием новой концепции государственной политики Российской Федерации в отношении восстановления прав депортированных народов. В частности, благодаря вышеупомянутому Указу Президента Российской Федерации от 21.04.2014 № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымскотатарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития»[1] и реализуемому правительством Республики Крым комплексу мер по реабилитации депортированных народов Крыма. По мнению З. Р. Смирнова (в 2014 году – Председатель Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым), благодаря политике реабилитации крымскотатарского народа, проводимой властями Республики Крым, уже в 2014 году удалось внедрить в крымские школы систему открытых уроков и иных тематических мероприятий по популяризации историй крымских татар – героев Великой Отечественной войны. З. Р. Смирнов отметил, что такая политика «…дает право целому народу впервые за свою историю строить конструктивный диалог с властью»[2].

Важным этапом в процессе восстановления исторической справедливости в отношении крымских народов – жертв депортации стало открытие в 2021 году мемориала «Путь возвращения народов Крыма» в с. Сирень, Бахчисарайского района.

Также, важную роль в сохранении памяти о героях Великой Отечественной войны из числа депортированных народов сыграли крымские

---

[1] Указ Президента РФ от 21.04.2014. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/70641266/ (дата обращения: 21.11.2024).

[2] Смирнов З. Р. О деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2015. С. 133.

краеведческие музеи. В частности, на базе ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» в период с 2021 по 2024 год был организован ряд выставок, посвященных данной теме. Так, 7 мая 2021 года открылась выставка «Дорогами Победы» – экспозиция, организованная к 76-летию Победы при поддержке Министерства культуры Республики Крым, освещает героический путь крымских татар, участвовавших в борьбе с фашизмом. Целью выставки стала популяризация объективной информации о событиях войны[1].

5 мая 2023 года при поддержке Министерства культуры Республики Крым открылась выставка «Великая Отечественная в объективе», посвященная фронтовым кинооператорам и режиссерам-документалистам. На выставке представлены фотографии, документы и предметы, рассказывающие о подвигах фронтовых корреспондентов Крыма[2].

24 апреля 2024 года в ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» была организована, приуроченная к 80-летию освобождения Крыма, выставка «Долгий путь к Победе», посвященная памяти крымских татар – участников Великой Отечественной войны. В экспозиции были представлены фотографии, документы, наградные листы, личные вещи, рассказывающие о подвигах крымскотатарских военнослужащих, участвовавших в Крымской наступательной операции 1944 года. Также был представлен раздел, посвященный столетию Героя Российской Федерации А. Абденановой и подпольной организации «Даят»[3].

После событий «Крымской весны», уже в 2014 году открываются новые памятники партизанскому движению Крыма (1941–1944). Например, 25 мая на территории Старокрымского лесничества состоялось

---

[1] В Крымскотатарском музее культурно-исторического наследия открылась экспозиция «Дорогами Победы» // Правительство Республики Крым: официальный портал. URL: https://mkult.rk.gov.ru/articles/a5fad9fd-ec1d-4026-9398-1c2ed5e96224 (дата обращения: 15.12.2024).

[2] Выставка «Великая Отечественная в объективе» // МК РК ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия». URL: https://krtmuseum.ru/vystavka-velikaya-otechestvennaya-v-obektive/ (дата обращения:15.12.2024).

[3] «Долгий путь к Победе»: в Симферополе открыли выставку о войне // РИА Новости Крым. URL: https://crimea.ria.ru/20240424/dolgiy-put-k-pobede-v-simferopole-otkryli-vystavku-o-voyne-1136820091.html (дата обращения:15.12.2024).

торжественное открытие памятного знака партизанам Восточного соединения, ставшего одним из первым памятников, установленных в российском Крыму[1].

День Победы 9 мая 2014 года стал не только ярким и значимым праздником, призванным мобилизовать коллективную память крымчан, но и мощным фактором политического объединения общества. В частности, для усиления эмоционального воздействия праздника, в ночь с 8 на 9 мая в Керчи было проведено массовое факельное шествие на гору Митридат в память о солдатах, погибших в Великой Отечественной войне[2].

Применялись и другие формы коммеморации событий Великой Отечественной войны – например, исторические реконструкции, которые привлекали значительные массы людей – как крымчан, так и гостей Крыма. Так, в апреле 2014 года в районе Курцы, г. Симферополь под патронатом главы Государственного Совета Республики В. А. Константинова, была проведена реконструкция событий освобождения Симферополя (апрель 1944 года), ставшая, по сути, театрализованным представлением памяти о знаковом событии Великой Отечественной войны[3].

Министерство культуры Республики Крым проводило активную работу по привлечению крымчан, в частности крымских волонтеров, к сохранению мемориального наследия – с этой целью организовывались субботники для облагораживания территорий мемориалов Великой Отечественной войны. Например, в г. Саки в ходе субботника была приведена в порядок территория мемориала «Скорбящая матерь», установленного в честь погибших воинов-освободителей Крыма.

Нужно отметить, что мемориализация культурного наследия в Крыму включала и элементы международного взаимодействия, что способствовало привлечению к событиям Великой Отечественной войны внимания

---

[1] Шеремет О. В Крыму открыт памятный знак партизанам Восточного соединения // Боспор. 2014. № 26. 26 июня. С. 17.

[2] Шитова М. Встали солдаты над Митридатом // Крымские известия. 2014. № 87. 13 мая. С. 5.

[3] Был и есть у России вечной // Крымские известия. 2014. № 69. 15 апреля. С. 4.

исследователей и общественности других стран. В частности, майские празднования 2014 года включали в себя открытие 15 мая в Керчи Международной Вахты Памяти-2014, в рамках которой были проведены военно-поисковые экспедиции «Аджимушкай-2014» и «Эльтиген-2014»[1]. Примечательно, что в данных мероприятиях принимали участие не только поисковые отряды из российских регионов («Патриот», «Наследники традиций», «Суворов» и т.д.) но и отряды из Украины («Бастион», г. Запорожье) и Эстонии («Front-line», г. Таллин), что также способствовало легитимации событий «Крымской весны» в международном пространстве, в частности, в зарубежных исторических сообществах. С этой целью на открытии Международной Вахты Памяти-2014 присутствовали полномочные представители Президента Российской Федерации в Республике Крым и представители Министерства иностранных дел Российской Федерации в Крыму.

В то же время активизировались поисковые работы и одни из наиболее значительных происходили на «рубежах обороны» на территории Аджимушкайских каменоломен. В результате поисков было обнаружено заброшенное дивизионное кладбище, были эксгумированы и перезахоронены останки 57 советских солдат, погибших в 1944 году. Такие же поисковые работы были проведены в рамках военно-поисковой экспедиции «Эльтиген-2014»[2]. Важность подобных мероприятий по восстановлению утраченных воинских захоронений и мемориалов отмечают В. А. Рубин, Е. В. Спиридонова и М. Л. Шуб, полагающие, что общественное мнение на постсоветском пространстве требует безупречного состояния военных мемориалов, воспринимая их запустение или разрушение как осквернение памяти предков[3].

---

[1] В Керчи началась Международная Вахта Памяти-2014 // Новости Керчи. 2014. № 21. 22 мая. С. 6.

[2] Первый этап Международной Вахты Памяти-2014: новые находки // Новости Керчи. 2014. № 24. 12 июня. С. 6.

[3] Рубин В. А., Спиридонова Е. В., Шуб М. Л. Сущностные параметры военно-мемориального наследия как феномена культуры // Культура и искусство. 2020. № 9. С. 58.

В связи с этим особо следует отметить эффективность деятельности крымских поисковых отрядов в деле идентификации и перезахоронения останков воинов Красной Армии: например, одна из самых известных крымских поисковых организаций «Ак-Монай» за восемь лет работы (с 2016 по 2024 годы) перезахоронила 1300 останков солдат и офицеров, погибших в годы Великой Отечественной войны[1].

Немаловажную роль в охране памятников и популяризации темы Великой Отечественной войны в 2014 году сыграл Государственный комитет по охране культурного наследия, созданный Указом Главы Республики Крым С. В. Аксенова от 16.06.2014 №51-У. Госкомитет был назначен ответственным за сохранение и популяризацию памятников истории и культуры на полуострове и потому по его инициативе было принято Постановление о государственной охране всех объектов культурного наследия в Крыму во время переходного периода. С этой же целью при Госкомитете были организованы научно-методический и общественный советы для обсуждения вопросов охраны памятников (в 2014 году на эту сферу из бюджета выделено 22,1 миллиона рублей).

Значительными мероприятиями, проведенными в 2014 году в Крыму, связанные с темой мемориального наследия Великой Отечественной войны, стали организация празднования Дня Победы в Симферополе и проведение круглого стола «Концлагерь “Красный”» – память о прошлом и уроки для настоящего». В то же время было проведено заседание Научно-методического совета Государственного комитета по охране культурного наследия, где обсуждались проекты реставрации мемориального комплекса, посвященного героям Гражданской и Великой Отечественной войн в Ялте[2].

---

[1] Пересичан Е. Поисковым отрядом Крыма перезахоронено около 1 300 солдат, погибших во время Великой Отечественной войны // Крымская газета. 2024. 15 октября. URL: https://gazetacrimea.ru/news/poiskovym-otryadom-kryma-perezakhoroneno-okolo-1-300-soldat-pogibshikh-vo-vremya-velikoy-otechestven/?sphrase_id=22594 (дата обращения: 10.01.2025).

[2] Отчет о деятельности Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым за 2014 год // Правительство Республики Крым. URL: https://gkokn.rk.gov.ru/documents/e3daa5de-bc00-4e33-b8fd-27431cef6155 (дата обращения: 14.11.2024).

В 2017 году Госкомитетом по охране культурного наследия Республики Крым во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 04.06.2014 № Пр-1564 «Об обеспечении учета и функционировании мемориалов “Вечный огонь”» была собрана информация о состоянии мемориалов «Вечный огонь», посвященных памяти погибших во время войны, и направлена в Аппарат Совета министров Республики Крым для ее дальнейшего использования в деятельности по сохранению мемориальных памятников[1].

В 2018 году Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым (Госкомитет) осуществил ряд действий, связанных с защитой памятников Великой Отечественной войны от вандализма. В частности, суд в Симферополе, с участием представителя Госкомитета, вынес обвинительный приговор двум людям, совершившим акт вандализма в отношении братской могилы жертв фашистского террора на шоссе Симферополь – Феодосия.

Также в Крыму, в контексте проводимой политики памяти, в рамках соответствующего распоряжения Совета министров Республики Крым и при содействии Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым, была начата подготовка мероприятий, посвященных 73-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, включая работу по благоустройству мест, связанных с историческими событиями войны[2].

Важную роль в популяризации темы Крымского фронта Великой Отечественной войны сыграло созданное в 2011 году Российское общество по изучению Крыма (РОПИИК). Данная организация является преемником одноименного общества, существовавшего в 1920-х годах – еще с 2000 по 2004 год в Москве при поддержке Фонда «Москва-Крым» вышло несколько

---

[1] Отчет о деятельности Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым за 2017 гг. // Правительство Республики Крым. URL: https://gkokn.rk.gov.ru/documents/e60dc777-0eca-4e49-bcfe-a78ae9a92588 (дата обращения: 14.11.2024).

[2] Отчет о деятельности Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым за 2018 гг. // Правительство Республики Крым. URL: https://gkokn.rk.gov.ru/uploads/gkokn/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpe8bvoh_18.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

историко-публицистических альманахов, созданным силами общества. В 2011 году прошло собрание любителей Крыма в РГГУ, где было решено восстановить РОПИИК как часть Союза краеведов России. Возглавил общество профессор В. Ф. Козлов.

В течение полутора лет общество организовало четыре конференции под названием «Крымские Чтения», первая из которых была посвящена 70-летию обороны Севастополя. Участниками обсуждались документальные фильмы и исторические материалы, проводились лекции и показывались фильмы о Крыме. С каждым мероприятием увеличивалось число участников и глубина обсуждаемых тем, что способствовало популяризации истории мемориальной культуры Крыма в российской науке[1].

В период с 2011 по 2014 год РОПИИК в Крыму сосуществовал с Крымским отделением Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Затем, с переходом Крымского отделения УООПИИК в состав ВООПИИК в связи с событиями «Крымской весны», деятельность РОПИИК расширилась – в частности, с 2016 года организуются Крымско-московские встречи и другие подобные мероприятия. Члены общества активно занимаются научными исследованиями, включая экспедиции в Крым, и сотрудничают с Деловым и культурным центром Республики Крым в Москве. С декабря 2017 года мероприятия РОПИИК проходят на базе Центра краеведения при Российском НИИ культурного и природного наследия[2].

Следует также упомянуть важную роль Крымского республиканского отделения ВООПИИК в вопросе сохранения наследия Великой Отечественной войны. Ним, в частности в 2018 году, в рамках мероприятий, приуроченных к 73-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, были организованы работы по благоустройству задействованных мест, благодаря чему были приведены в порядок 55 военно-мемориальных

---

[1] Крымъ: Иллюстрированный историко-краеведческий альманах. М., 2013. Вып. 2. С. 425–428.

[2] Российское общество по изучению Крыма // РООПИК. URL: http://www.roskraeved.ru/index.php?page=rossijskoe-obschestvo-po-izucheniyu-kryma (дата обращения: 12.11.2024).

объектов и памятников в Симферополе, при этом в данных мероприятиях принимали участие около 100 волонтеров республики[1].

В 2019 году Крымское республиканское отделение ВООПИИК продолжило работу по охране и популяризации культурного наследия Республики Крым. В частности, были заключены соглашения с Общественным движением «От слов к делу» для мониторинга состояния памятников. В результате было проведено 17 волонтерских акций и благоустроено более 20 памятников войны. Кроме того, КРО ВООПИИК представляло интересы общества в различных общественных советах РК и осуществляло мониторинг реализации Федеральной целевой программы по развитию региона. В ходе проектов, инициированных обществом, было восстановлено более 50 военно-мемориальных объектов, а также привлечено около 100 волонтеров, что помогло молодежи узнать больше о военно-историческом наследии Крыма и способствовало развитию новых форм военно-патриотической работы[2].

В 2020 году Крымское республиканское отделение ВООПИИК обработало более 50 запросов по сохранению культурного наследия, направив обращения в Госкомитет и местные администрации. Обществом осуществлялась также практическая деятельность по мемориализации культурного наследия Крыма – в частности, для обеспечения реализации проекта по мемориализации Старорусского кладбища в Симферополе, была проведена оценка его культурной ценности, создан опорный план и программа по сохранению существующих объектов. Также в проекте «Вспомнить всех поименно» КРО ВООПИИК, при поддержке Российского фонда культуры, проведено исследование и благоустройство 13 памятников Воинского кладбища, а также организованы вебинары для обучения работе с

---

[1] Отчет о работе отделения за 2018 год // Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. URL: https://voopik.ru/upload/iblock/876/otchet_krymskogo_respublikanskogo_otdeleniya_za_2018_god.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

[2] Отчет о работе отделения за 2019 год // Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. URL: https://voopik.ru/upload/iblock/4e3/krimskoe_respublikanskoe_otdelenie_2019.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

военно-мемориальным наследием[1]. Общество также принимало активное участие в разработке интернет-ресурсов о культурно-исторических памятниках Крыма и известных людях с помощью QR-кодов.

В Крыму активно продолжалась мемориализация виктимного наследия Великой Отечественной войны. В частности, с 13 по 16 октября 2021 года в Крыму прошел семинар, посвященный волонтерской деятельности по сохранению и популяризации культурного наследия. Мероприятие, руководимое заместителем Председателя Госсовета Республики Крым В. Бобковым, прошло в Мемориальном комплексе «Концлагерь “Красный”» в Симферопольском районе. Перед началом семинара участники почтили память жертв нацизма.

Помимо вышеуказанных общественных и научных организаций, большую роль в сохранении памяти о Великой Отечественной войне в Республике Крым сыграли как местные органы муниципальной власти, так и Правительство Республики Крым, которое с 2014 года проводило последовательную политику реставрации крымских мемориалов войны и сооружения принципиально новых мемориальных комплексов, ранее не представленных в Крыму.

Так, одним из важнейших событий в теме коммеморации событий Великой Отечественной войны стало сооружение 2 вышеперечисленных мемориалов жертвам концлагерей в Симферополе в 2015 году (мемориальный комплекс жертв концлагеря «Красный» и мемориальный сквер памяти жертв концлагеря «Картофельный городок») и создание отдельной экспозиции «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в музее «Истории Крыма и Новороссии» в составе открывшегося в 2024 году АНО «Музейно-храмовый комплекс «Новый Херсонес» в

[1] Отчет о работе отделения за 2020 год // Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. URL: https://voopik.ru/upload/iblock/87b/krimskoe_respublikanskoe_otdelenie_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

г. Севастополе[1]. Также, в 2021 году было начато строительство масштабного культурного кластера на мысе Хрустальный в г. Севастополе, составной частью которого станет музейный комплекс в память Первой и Второй Обороны Севастополя[2].

Нужно отметить, что упомянутые севастопольские комплексы представляют собой внедрение нового подхода в музейном строительстве Крыма – музейной кластеризации. Музейный кластер, по определению О. И. Микитинец и В. А. Шилиной, это взаимосвязанная группа музеев и культурных учреждений, объединенных географически и взаимодействующих в научной, экономической и социокультурной сферах для повышения конкурентоспособности и актуализации деятельности[3]. Создание музейных кластеров в Республике Крым, на наш взгляд, позволит значительно активизировать работу по комплексному сохранению и созданию мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму, повысить эффективность управления ним как ресурсом территориального развития, в частности, через популяризацию наследия средствами туризма.

Крымские исследователи особо отмечают роль современных музеев в сохранении культурного наследия через исследования, реставрацию, музеефикацию, реабилитацию и консервацию соответствующих памятников. Для этого руководством крымских музеев при поддержке Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым, Правительства Республики Крым и местных общественных организаций привлекаются государственные и частные ресурсы для организации комплексной поддержки культурного и мемориального наследия республики[4].

---

[1] АНО «Музейно-храмовый комплекс «Новый Херсонес» // Херсонес.РФ. URL: https://xn--e1aaxdjgdz.xn--p1ai/ (дата обращения: 20.11.2024).

[2] Парящий театр и мультиплекс: каким будет культурно-образовательный кластер в Севастополе // Градостроительный комплекс Москвы. URL: https://stroi.mos.ru/pariashchii-tieatr-i-3d-kukol-nyi-tieatr-kakim-budiet-kul-turno-obrazovatiel-nyi-klastier-v-sievastopolie (дата обращения 20.11.2024).

[3] Микитинец О. И., Шилина В. А. Музейный кластер: к возникновению и осмыслению понятия в контексте развития современной музейной терминологии // Наследие веков. 2023. № 2. С. 109.

[4] Резник О. В., Стельмах И. Ф., Швецова А. В. Сохранение и популяризация культурного наследия как направление деятельности музеев Крыма // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 78.

С целью повышения эффективности проведения культурной политики памяти в современных условиях и ее соответственной модернизации, помимо сооружения мемориальных комплексов и памятников Великой Отечественной войне, в Крыму также открываются арт-объекты на местах памятных событий, особо привлекательные для молодежи и учитывающие ее особенности. Например, 6 декабря 2024 года произошло открытие арт-объекта «Арка памяти» в селе Лаки Бахчисарайского района, организованное крымской общественной организацией «Движение Первых»[1]. Село было уничтожено нацистами в 1942 году за поддержку партизан, в силу чего данный объект стал символом вечной памяти о жертвах войны и напоминанием о цене Победы не только для крымчан, но и для всего советского народа в Великой Отечественной войне. Не случайно церемония завершилась возложением цветов и исполнением композиции «Зажгите свечи», а на мероприятии прозвучали стихи «Деревня Лаки. Крым» В. Егиазарова и «Баллада о крымской Хатыни…» В. Стофорандова, в которых была подчеркнута взаимосвязь крымских событий Великой Отечественной войны с аналогичными событиями во других регионах России.

Таким образом, культурная политика памяти о Великой Отечественной войне в Крыму в постсоветский (украинский) и современный (российский) периоды характеризуется глубокой трансформацией, обусловленной сменой государственной принадлежности Крымского региона и соответствующим преобразованием идеологических парадигм. В частности, особенности культурной политики памяти в постсоветский (украинский) период состоят в:

– кардинальном развороте от единого героико-патриотического советской нарраттива памяти к фрагментированной и конфликтной памяти о Великой Отечественной войне;

---

[1] Открытие арт-объекта «Арка памяти» в селе Лаки Бахчисарайского района // Крымский университет культуры, искусств и туризма. URL: https://kukiit.ru/news/otkrytie-art-obekta-arka-pamyati-v-sele-laki-bahchisarajskogo-rajona/ (дата обращения: 10.12.2024).

– наличии системных проблем в сохранении мемориального наследия, вызванных как вынужденным, так и целенаправленным снижением объемов финансирования памятникоохранной деятельности; отсутствии эффективных мер противодействия вандализму, саморазрушению необслуживаемых памятников; слабой координации взаимодействия между различными органами власти в вопросах сохранения мемориального наследия Великой Отечественной войны;

– «этнизации» памяти и выдвижении на первый план виктимного нарратива (темы, касающиеся судьбы депортированных народов, жертв репрессий и т.п.), постепенно замещающего доминирующий ранее советский героико-патриотический нарратив;

– формировании в Украине «этноцентрического» нарратива культурной памяти, включающего в себя реабилитацию и возведение в ранг героев членов антисоветских националистических формирований (ОУН-Б, УПА), и их противопоставление советской и российской концепциям мемориализации событий Великой Отечественной войны;

– частичном использовании советских коммеморативных практик по отношению к мемориальному наследию Великой Отечественной войны и наличии противоречий между национальной и региональной (прежде всего в Крыму) культурной политики памяти;

– частичном развитии международного сотрудничества в сфере гуманитарных мер поддержки жертв нацистских концлагерей и депортации народов Крыма;

Особенности культурной политики памяти в современный (российский) периода (с 2014 года по настоящее время) состоят в:

– формировании культурной политики памяти, направленной на преодоление прежних «мемориальных конфликтов» через управляемый синтез героико-патриотического и виктимного нарративов в отношении объектов материального и нематериального мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму;

– последовательной реализации культурной политики памяти по реабилитации депортированных народов Крыма и интеграции их трагического опыта в общий нарратив подвига и жертвенности многонационального народа Крыма как носителя российской культурной идентичности;

– усилении со стороны российского государства как главного субъекта культурной политики контроля за проведением мемориализации культурного наследия Великой Отечественной войны и существенном увеличении финансирования мероприятий по его охране, изучению и популяризации;

– активном мемориальном строительстве, создании музейных кластеров и реставрации уже существующих объектов мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму, актуализации его материальных и нематериальных компонентов;

– ритуализации и мобилизации памяти о Великой Отечественной войне как фактора политической и общественной консолидации и формирования культурной идентичности крымчан посредством привлечения республиканских и муниципальных органов власти, общественных инициатив, представителей бизнеса, музейных и образовательных учреждений и т.п.;

– активном развитии волонтерского движения и общественных поисковых работ (при государственной поддержке) в целях выявления и сохранения мемориального наследия Великой Отечественной войны, в частности перезахоронения ранее не обнаруженных останков павших воинов Красной Армии, Краснофлотцев и партизан, а также в целях усиления эффективности патриотического воспитания и сохранения культурной идентичности крымчан;

–

– разработке и внедрении современных коммеморативных практик с применением современных технологий (арт-объекты, QR-коды, музейные

кластеры) для актуализации и популяризации памяти о событиях Великой Отечественной войны.

В целом, анализ культурной политики памяти о Великой Отечественной войне в Крыму в постсоветский и современный периоды позволил выявить ее глубокие трансформации, обусловленные политическими событиями, повлекшими за собой смену идеологических парадигм как на региональном, так и общегосударственном уровнях. В настоящее время культурная политика памяти в отношении темы Великой Отечественной войны в российском Крыму ориентируется на объединение героико-патриотического нарратива с виктимным, интеграцию многонационального мемориального наследия Крыма в российское.

Существенную роль в формировании справедливой и сбалансированной культурной политики памяти в Республике Крым играет взвешенная государственная политика Российской Федерации по реабилитации депортированных народов и обеспечении сохранности их материального и нематериального мемориального наследия. В данный период происходит массовое восстановление объектов культурного наследия депортированных народов, создание новых мемориальных комплексов и вовлечение памяти о ранее забытых героях и жертвах войны в публичное культурное пространство. В современном Крыму культурная политика памяти демонстрирует стремление к синтезу многонационального мемориального опыта, сохранению Крыма как пространства диалога между прошлым и настоящим, где память о Великой Отечественной войне выступает основой культурной идентичности.

Глава 3.
ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ

3.1 Репрезентация мемориального наследия Великой Отечественной войны в средствах массовой информации (на примере крымских газет)*

Мемориальное наследие Великой Отечественной войны может быть репрезентировано в различных исторических формах, которые в данном диссертационном исследовании условно разделены на *художественно-визуальную* (к которой отнесено киноискусство и которая будет рассмотрена в следующем параграфе) и *социально-коммуникативную* (к которой отнесены газеты и иные электронные новостные издания СМИ). Под социально-коммуникативной формой репрезентации подразумевается популяризация мемориального наследия через массовую коммуникацию, где печатные и электронные новостные издания СМИ выступают инструментом влияния на общественное сознание, актуализируя, таким образом, связь прошлого с современными общественно-политическими вызовами и проблемами сохранения культурной идентичности.

Данные формы были избраны для изучения особенностей репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны (учитывая массовость охвата целевой аудитории) в выделяемые периоды – советский, постсоветский (украинский), современный (российский): и киноискусство, и печатные и электронные новостные издания СМИ имеют

---

* При написании параграфа использован материал опубликованного исследования соискателя, см.: № 146 в списке использованных источников и литературы.

популярный характер и, следовательно, оказывают существенное влияние на современные социокультурные процессы. Кроме того, культурная политика памяти в данных формах получает очень четкое отражение, позволяющее выделять и исследовать конкретные репрезентации.

Газеты в данном контексте следует рассматривать как культурный артефакт, представляющий собой, по мнению А. Я. Флиера, «… интерпретативное воплощение какой-либо культурной формы в конкретном материальном продукте, поведенческом акте, социальной структуре, *информационном сообщении* (выделено мной – *С. Б.*) или оценочном суждении»[1]. Культурные артефакты включают не только выдающиеся достижения, но и повседневные созидательные практики, воплощающие человеческий труд, творчество и духовно-нравственные ценности. Артефактом можно считать осознанно сотворенное людьми, практически обоснованное и оцененное как благо явление[2].

Газеты являются продуктом человеческой деятельности, выполняющим функции коллективного информирования, агитации, пропаганды, организации общественного диалога и формирования коллективной памяти, являясь одним из факторов формирования культурной идентичности. Более того, газеты и иные СМИ оцениваются обществом как культурный артефакт, благо и носитель значимых культурных ценностей, активно использующийся для их воплощения и трансляции в конкретные исторические периоды. Согласно логике диссертационного исследования, газетные публикации анализируются не с точки зрения их зеркального отражения реальности, но нарративов, целенаправленно конструировавших и представляющих образы прошлого в соответствии с доминирующей в определенный исторический момент идеологической парадигмой. Субъективность и тенденциозность источников рассматриваются не как их недостаток, а как ключевой объект исследования, позволяющий

[1] Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб.: «Университетская книга», 1998. Т. 1. С. 40.

[2] Ромах О. В., Лапина Т. С. Сущность и природа культурных артефактов // Аналитика культурологии. 2010. № 17. С. 55.

реконструировать культурную политику памяти в каждом историческом периоде мемориализации событий Великой Отечественной войны в Крыму.

Рассмотрение газет как культурного артефакта, оказывающего положительное влияние на процесс формирования культурной памяти и являющего собой «свидетельство эпохи», открывает возможность для анализа исторической функции прессы в советском периоде истории Крыма, в котором газеты выступали не только как инструмент распространения информации, но и как мощный механизм социальной мобилизации и идеологического влияния, в том числе через репрезентацию мемориального наследия.

В Советском Союзе, с самого начала его существования в 1922 году, одним из важнейших средств агитации и пропаганды среди населения являлись газеты. О значимости газет в деле построения нового социалистического общества упоминал В. И. Ленин, настаивавший на том, что, «роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечение политических союзников. Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом»[1].

По данным Н. Н. Вилковой, на 1960-й год в СССР было произведено 2 миллиона штук телевизоров, при населении страны в 212 миллионов человек. Массовое приобретение телевизоров населением СССР приходится на 1970-е годы, производство которых к 1975 году превысило 6,5 миллионов единиц в год[2]. Поэтому можно сделать вывод о том, что вследствие недостаточного

---

[1] Ленин В. И. С чего начать? 1901 г. // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 5. С. 9–13.

[2] Вилкова Н. Н. 75 лет электронному телевидению в России и первому отечественному электронному телевизору ТК-1. Телевидение и радиовещание. // Виртуальный компьютерный музей. URL: https://computer-museum.ru/articles/televidenie-i-radioveshchanie/188/ (дата обращения: 08.12.2024).

распространения телевизоров среди населения СССР в 1940–1970-е годы, в совокупности с проблемой неразработанности технического обеспечения и недостаточно подготовленного телевизионного персонала, малого количества телевизионных программ и их временных ограничений, основным средством новостного оповещения страны, а также основной социокультурной площадкой, представлявшей возможность установки обратной связи с населением, являлись советские газеты.

Таким образом, вплоть до середины 1970-х годов, когда телевещание еще не затронуло практически каждую семью, приобретшую телевизор, именно газеты оставались не только главным поставщиком новостей, но и выполняли роль важнейшей социокультурной площадки, позволявшей читателям вести переписку с редакцией газет, представляя им материал, основанный на их личном жизненном опыте и мнении, и фактически участвуя в дискуссии с государственными структурами, что значительно увеличивало авторитетность газет в общественном сознании.

Важную роль советские газеты сыграли и в коммеморации и популяризации событий Великой Отечественной войны, их отражении в сознании советских граждан. Чаще всего, газеты республиканского уровня УССР, а также местные крымские газеты акцентировали внимание читателей на вопросе поиска и экстрадиции военных преступников, объединяя таким образом две задачи: увековечивания памяти жертв Великой Отечественной войны и идеологического объединения советских граждан в современном противостоянии с «коллективным Западом», укрывающим преступников.

Вторая Мировая война оставила неизгладимый след в истории человечества, а для Советского Союза Великая Отечественная война стала одним из самых трагических и одновременно героических периодов в существовании государства. Крым, как один из регионов, пострадавших от военных действий, стал свидетелем ужасающих событий, включая массовые убийства и разрушения. После окончания войны советские власти предприняли ряд мер по увековечиванию этих событий не только в

мемориальном строительстве, но и в нематериальном мемориальном наследии, а именно в общественных дискуссиях по теме поиска и наказания международных военных преступников, совершавших злодеяния на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Общественное осуждение военных преступников стало важной коммеморативной практикой сохранения и актуализации культурной памяти о событиях Великой Отечественной войны, что имело важное значение для укрепления советской культурной идентичности как на всесоюзном, так и региональном, в частности крымском, уровне в советский период.

Отношение к военным преступникам было неоднозначным в том плане, что оно было связано с внешнеполитической и идеологической подоплекой памяти о Великой Отечественной войне, культурной травмой как советского, так и немецкого обществ, роли советских и других властей в организации и проведении процессов над военными преступниками и освещении этих процессов в прессе.

Ветераны и свидетели событий войны занимали активную гражданскую позицию, писали свои отзывы в редакции газет, делились историями из своей жизни, ответственно относились к участию в памятных мероприятиях и добровольно принимали участие в антифашистских митингах как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Такое состояние советского общества не могло не столкнуться с противоположной позицией немецкого общества – его политикой «коммуникативного забвения». В отличие от советского народа-победителя, стремящегося к огласке и объективному освещению событий Второй Мировой войны, осуждения военных преступников и окончательного искоренения идеологий национал-социализма и национал-фашизма, расизма и других подобныя, немецкое общество, потрясенное сокрушительным поражением и признанием собственного участия в преступлениях против

человечности, претерпело крушение фундамента не только политической, но и духовной основы общества – чувства собственной правоты[1].

По мнению немецкого исследователя Х. Йенера, в послевоенной Германии (в первую очередь в ФРГ) немцы стали считать себя жертвами Гитлера, что позволило им оправдаться и начать новую жизнь в демократическом обществе, не чувствуя при этом ни ответственности за преступления нацизма, ни считать себя предателями данной идеологии. Однако такая политика «самовиктимизации» привела к замалчиванию преступлений режима и интеграции бывших нацистов в новое немецкое общество[2].

С Восточной Германией Советский Союз имел намного меньше мемориальных конфликтов. После Второй мировой войны Советский Союз активно продвигал идеи мира и дружбы между народами, особенно в Восточной Германии. Однако из-за исторических аллюзий, связанных с нацизмом, процесс нормализации межнациональных отношений был затруднен. Восточная Германия старалась дистанцироваться от нацистского прошлого и от Западной Германии, которая считалась очагом неонацизма и милитаризма[3].

Примеры противостояния двух концепций культурной памяти (советской и западногерманской) ярко проявлялись в публикациях советских, в частности, крымских газет. Тема Великой Отечественной войны в газетах довольно часто поднималась именно в контексте современной внешней политики СССР по поиску и экстрадиции беглых нацистских преступников, в годы войны совершавших преступления против советских граждан[4].

Следует отметить, что под термином «военный преступник» подразумевали не только непосредственно немецких нацистов и их

---

[1] Хубер Ф. За дверью поджидают призраки: драма послевоенной семьи в Германии. М., 2024. С. 11.

[2] Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955. М., 2024. С. 401–407.

[3] Попов А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949–1989) // Научный диалог. 2022. Вып. 11. № 6. С. 471–487.

[4] Борунов С. С. Общественное осуждение военных преступников Великой Отечественной войны как советская коммеморативная практика (на примере крымских газет) // Культура и цивилизация. 2024. № 9А. С. 121.

союзников, но и граждан Советского Союза – местных коллаборационистов, совершивших тяжкие преступления в отношении своих сограждан. Если, по мнению Е. В. Просоловой и О. В. Романько, в советском искусстве «…тема сотрудничества советских граждан с немцами в годы Великой Отечественной войны не скрывалась, но и не афишировалась»[1], то в аспекте освещения этой темы в газетных публикациях, соответствующей газетной агитации граждан применялась довольно часто.

Говоря об отображении данной темы в крымских газетах, следует отметить факт того, что при публикации этих тем авторы не ограничивались лишь описанием широко известных судов над военными преступниками[2], но и публиковали сюжеты, характеризующие крымскую специфику: статьи о массовых казнях гражданского населения в Багеровском рву, Аджимушкайских каменоломнях, симферопольском лагере смерти «Красный» и о других, менее известных мест, связанных с событиями оккупации Крыма в 1941–1944 годах.

В частности, в статье П. Киричек «Тайна старого колодца» описывается судьба крымских коллаборационистов Я. П. Варкентина, Е. К. Варкентина и И.-Г. А. Гильдебранда, которые в мае 1942 года в с. Колодезном, Октябрьского района Крымской АССР расстреляли и сбросили в колодец коммуниста Н. Чуба и 6 членов его семьи, а также коммунистов С. Миронюка, С. Логинова и других. После войны эти трое преступников через Западную Германию бежали в Канаду, где осели на постоянное место жительства в штате Онтарио. Авторы статьи отделяют «трудолюбивых жителей этой страны», ничего не знавших о прошлом живущих рядом с ними коллаборационистов, и правительство Канады,

---

[1] Романько О. В., Просолова Е. В. Память о предательстве: образ коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 242.

[2] Оглашение приговора главным немецким военным преступникам // Красный Крым. 1946. 2 октября. № 197. С. 2.

участвовавшее в принятии и сокрытии военных преступников, чьи злодеяния были доказаны в СССР[1].

Тема выдачи военных преступников, после войны скрывавшихся в ФРГ, также часто фигурирует в крымских газетах. Например, в статье Б. Лысова и Г. Соколова «Память выносит приговор», опубликованной в выпуске газеты «Крымская правда» от 8 июня 1968 года, описывается расследование прокуратуры Мюнхена (ФРГ) относительно причастности бывшего оберштурмбанфюрера СС и одного из шефов СД г. Симферополя П. Цаппа к совершению военных преступлений в годы Второй Мировой войны. В этой статье авторы осуждают лицемерную политику ФРГ, вследствие которой многие нацистские военные преступники сумели избежать наказания, и высказывают пожелание «судить подобных преступников по месту совершения преступлений» и выдвигают общественное требование крымчан мюнхенским судьям о назначение преступнику высшей меры наказания[2].

В выпуске газеты «Крымская правда» от 17 декабря 1961 года в статье Б. Богданова описывается протест советского правительства и крымской общественности против решения Пентагона о назначении А. Хойзингера на должность председателя постоянного военного комитета НАТО в Вашингтоне. А. Хойзингер в годы Второй Мировой войны был генерал-лейтенантом, начальником оперативного управления генерального штаба сухопутных сил нацистской Германии. В 1961 году прокуратура СССР безуспешно требовала от США выдачи А. Хойзингера в связи с его руководящей ролью в совершении ряда военных преступлений против советских граждан в УССР и Крымской АССР.

В частности в Крыму, по сообщению Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, именно А. Хойзингер приказал саперной команде применить

---

[1] Киричек П. Тайна старого колодца // Крымская правда. 1964. 26 июня. № 125. С. 5.
[2] Лысов Б., Соколов Г. Память выносит приговор // Крымская правда. 1968. 8 июня. № 133. С. 7.

ядовитые газы для ликвидации партизан и мирных жителей, находившихся в Аджимушкайских каменоломнях[1].

16 декабря 1961 года в Керчи был проведен митинг трудящихся, целью которого было выражение народной поддержки горожан требованиям советской прокуратуры об экстрадиции А. Хойзингера в СССР. Несмотря на то, что митинги в советское время никогда не организовывались без согласования с властями, следует отметить, что такие мероприятия активно поддерживались населением и выражали мнение людей, многие из которых сами являлись жертвами нацистских преступников, правосудие над которыми они требовали. Так, на митинге 16 декабря, который широко освещался в прессе, выступили непосредственные свидетели преступлений Хойзингера: машинист экскаватора Камыш-Бурунского железнорудного комбината Ф. И. Науменко – бывший матрос-черноморец, которому удалось выжить во время расстрелов в Багеровском рву; заведующий учебной частью средней школы имени Володи Дубинина М. П. Радченко, в годы войны – участник обороны Аджимушкайских каменоломен; работница труболитейного завода К. Шамова; агломератник железнорудного комбината М. Ф. Лохматин и другие. По итогам митинга была принята резолюция, включавшая в себя требование о немедленной выдаче и привлечении к ответственности А. Хойзингера[2].

Следует отметить, что практика назначения бывших генералов вермахта на руководящие посты в партиях, армии и спецслужбах существовала не только в НАТО и ФРГ, но и в просоветской Германской Демократической Республике, однако среди них не было большого количества широко известных преступников, «одиозных личностей», подозревавшихся в совершении массовых военных преступлений, за исключением самых ярких примеров в виде фельдмаршала Ф. Паулюса

---

[1] Богданов Б. Их отравили газами. О зверствах Хойзингера // Крымская правда. 1961. 17 декабря. № 250. С. 8.

[2] Богданов Б. Фашистського ката – до суду! Їх убив Хойзінгер // Радянська Україна. 1961. 17 грудня. № 62. С. 5.

(после войны – начальник военно-исторического центра, преподаватель в высшей школе казарменной народной полиции ГДР), являвшегося одним из разработчиков плана «Барбаросса», и генерал-лейтенанта В. Мюллера (после войны – начальника Главного штаба Народной армии ГДР), вопрос о виновности которого в массовых расстрелах евреев и советских военнопленных в г. Артёмовске Сталинской Области УССР поднимался лишь после его самоубийства в 1961 году.

Резниченко А. Карикатурное изображение Адольфа Хойзингера для статьи Б. Богданова «Фашистського ката – до суду! Їх убив Хойзінгер / 17 грудня 1961 р. // Радянська Україна. – Газетный фонд ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко». Данное изображение приводится исключительно в целях научного анализа и не является пропагандой нацизма (Согласно примечанию к статье 20.3 КоАП РФ).

В крымских газетах периода 1960-х годов можно обнаружить публикации, затрагивающие темы судеб бывших узников нацистских концлагерей. В статье М. Голованевского «Сильные духом» (1962 год)[1] были приведены интервью с крымчанками, бывшими узницами женского концлагеря Равенсбрюк В. С. Удовенко, Е. Л. Клем, Л. Ф. Безноговой, Т. И. Гордеевой и Г. В. Охотской. Крымчанки, попав в концлагерь, развернули агитационную антифашистскую деятельность: тайно слушали и передавали узникам сводки Совинформбюро, вселяли в узников надежду на

[1] Голованевский М. Сильные духом // Крымская правда. 1962. 25 февраля. № 252. С. 5.

освобождение и скорое падение нацистского режима. Там же крымчанки познакомились с другими представительницами международного антифашистского движения: Р. Тельман – женой лидера Коммунистической партии Германии Э. Тельмана, М.-К. В. Кутюрье – женой одного из основателей Французской коммунистической партии, М. Запотоцкой – женой президента Чехословацкой Республики, З. Неедловой – дочерью чехословацкого революционера и многими другими.

После освобождения из концлагеря и возврата к мирной жизни, крымчанки поддерживали связь с ветеранским сообществом и международным антифашистским движением. В 1959 году бывшая узница Равенсбрюка, жительница Белогорского района Крыма Л. Ф. Безногова участвовала в международном антифашистском митинге в Берлине и вместе с тысячами других бывших узниц из разных стран Европы посетила открывшийся музей концлагеря Равенсбрюк. Там Л. Ф. Безногова вновь встретила Р. Тельман, ставшую к тому моменту депутатом народной палаты ГДР, ее дочь и многих других выдающихся личностей антифашистского движения, поклявшихся «бороться против возрождения милитаризма в Западной Германии, всеми силами отстаивать мир на земле». Л. Ф. Безногова была награждена медалью «Борец против фашизма», которую вручил ей заместитель премьер-министра ГДР Г. Рау.

В интервью с крымчанками – бывшими узницами Равенсбрюк также упоминается обсуждение ими недавно вышедшей в Госполитиздате книги «Они победили смерть» (1961) авторства В. С. Удовенко-Бобковой, Н. Ф. Харламовой, З. М. Кудрявцевой, Л. В. Бойко и других бывших узниц этого концлагеря. Крымчанки положительно отзываются о книге, вспоминают других крымчанок-активисток, погибших в концлагере, в частности, лечившую больных узников медицинскую работницу З. В. Аридову, отказавшуюся работать на лагерную администрацию и О. Суворову, работницу евпаторийского санатория, сожженную в концлагерном крематории.

Заканчивается статья словами осуждения современной политики Западной Германии и антиамериканскими лозунгами: «И теперь, когда в Западной Германии опять подымают голову фашистские выродки, вскормленные американскими империалистами, люди доброй воли всей земли должны еще теснее сомкнуть ряды борцов за мир, не допустить нового чудовищного преступления»[1].

Тезис о «крепнущих силах борцов за мир» часто использовался в советской прессе. В частности, в крымской прессе подобные выражения можно обнаружить еще в газете «Красный Крым» в выпуске от 10 ноября 1948 года, где цитируется речь генерал-полковника М. М. Попова на празднованиях годовщины Октябрьской революции в Симферополе: «…Политика агрессоров обречена на провал, ибо слишком велики общественные силы, стоящие за мир. Во главе миролюбивых народов стоит Советский Союз, успешно идущий по пути к коммунизму»[2].

Подобная риторика в отношении современной (на тот момент) политики США и ФРГ применялась не только в газетах, но и в выступлениях партийных чиновников на митингах, посвященных памяти жертв нацистских концлагерей. В частности, на митинге, посвященном перезахоронению останков жертв расстрела узников концлагеря «Красный» в противотанковом рву с. Дубки, первый секретарь Симферопольского горкома партии М. В. Ревкин сказал: «Реакционные круги Запада из кожи лезут вон, чтобы обелить фашизм, заставить людей забыть его преступления, вытравить из их памяти страшную трагедию войны. Не выйдет! Мы не можем допустить безнаказанности военных преступников. Все эти выродки, руки которых обагрены кровью советских граждан, должны предстать перед судом и понести суровую кару. Мы требуем этого не из чувства мести. Это наш долг перед замученными, их осиротевшими семьями, перед всем человечеством»[3].

---

[1] Голованевский М. Сильные духом // Крымская правда. 1962. 25 февраля. № 252. С. 5.

[2] С огромным подъемом трудящиеся Крыма праздновали годовщину Великого Октября. Красный Крым. 1948. 10 ноября. № 23. С. 3.

[3] Соколов Г. И горечь, и гнев наши // Крымская правда. 1971. 20 февраля. № 13. С. 4.

29 января 1972 года на территории бывшего концлагеря «Красный» в с. Мирное, Симферопольского района состоялся торжественно-траурный митинг по случаю захоронения советских граждан, узников немецкого оккупационного режима. Митинг получил широкое освещение в газетах.

На митинге присутствовали представители общественности Симферопольского района, а также родные и близкие погибших. Открыл митинг председатель Симферопольского райисполкома И. С. Тарасюк, на митинге также выступили бывший участник симферопольской подпольной организации Ф. Г. Кустов, почетный гражданин Симферополя Н. А. Симоненко, участник Великой Отечественной войны, председатель рабочего комитета совхоза «Красный» Т. И. Третьяков и другие.

Выступающие вспоминали о жертвах концлагеря, о ходе следствия в отношении военных преступников, и вселяли оптимизм на основании того, что «Многое изменилось на земном шаре за это время. Неизмеримо выросли и окрепли силы, вселяющие надежду на прочный мир и безопасность», но при этом, традиционно завершая речь призывом к гражданам «Будьте бдительны!». Митинг окончился траурной процессией и захоронением останков 1608 человек в братскую могилу с боевым салютом гарнизона и моряков Краснознаменного Черноморского флота[1].

В советских газетах активно применялся метод аналогии. Например, в статье Д. Герасимова «Пепел погибших стучит в сердца», посвященной заседанию республиканской комиссии по расследованию преступлений, совершенных гитлеровцами на территории совхоза «Красный» (декабрь, 1970 года), в ходе описания процессов казней узников крымского концлагеря, автор статьи ассоциирует эти события с событиями войны во Вьетнаме (1965–1973 годы): «Ассоциация выкристализовывается в одно слово – Сонгми! <…> Американские империалисты, ведущие грязную войну против вьетнамского народа, идут и идут по пути военных преступлений. И

[1] Первомайская Е. Не забудем, не простим! // Крымская правда. 1972. 30 января. № 25. С. 5.

молодчики лейтенанта Колли в зеленых беретах разительно напоминают эсэсовцев в черных касках»[1].

Отметим, что метод сравнения – в частности преступлений американской армии во вьетнамской деревне Сонгми в 1969 году с преступлениями нацистов в годы Великой Отечественной войны, применялся не только на уровне крымской журналистики, но и всесоюзном. Данный прием, к слову активно применявшийся советскими дипломатами, наблюдается в публикациях, посвященных освещению и осуждению преступлений американской армии во Вьетнаме, он проявлялся и в съемке художественных кинокартин (например, х/ф «Координаты смерти», 1985 год, реж. С. Гаспаров и Нгуен Суан Тян). Данная тема находила отражение и в литературе. Например, в стихотворении белорусского поэта П. Макаля «Упала слязіна» присутствуют такие строки:

Аднолькава мова няўмольнай бяды	Одинаково язык неумолимой беды
Гучыць у Сангмі і ў Хатыні[2].	Звучит в Сонгми и в Хатыни.

Авторы газетной статьи «Тайна Фельдпочты № 24007» о массовых казнях в Крыму В. Прокопенко и В. Романов так обосновывают важность опубликованных ими материалов: «Власти Западной Германии пытаются обелить гитлеровских преступников и одновременно убедить рядового немца в том, будто германский милитаризм перерождается в этакую безобидную овечку»[3].

В. Широков в статье «Не забудем, не простим! Документы обличают» (1965) высказывает международный протест против политики «забвения», проводимой правительством ФРГ: «…никто не забыл ужасов, бед и лишений, которые она (Вторая Мировая война – ред. С. Б.) принесла человечеству. Вот

---

[1] Герасимов Д., Логвин Э. Пепел погибших стучит в сердца // Правда Украины. 1970. 26 декабря. № 101. С. 7.

[2] Макаль П. Упала слязіна // Беларуская Палічка: беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Piatrus_Makal/Upala_slazina.html (дата обращения: 26.03.2025).

[3] Прокопенко В., Романов В. Тайна «Фельдпочты № 24007» // Труд. 1965. 9 марта. № 56. С. 5.

почему свободолюбивые народы мира активно выступают против намерения правительства Федеративной Республики Германии прекратить за давностью лет преследование военных преступников». В этом автора поддерживает ветеран войны Л. Фалеев, чье обращение под названием «Палачам пощады нет!» было опубликовано как дополнение к статье В. Широкова. В нем Фалеев напоминает о чудовищных жертвах и преступлениях против мирного населения СССР в ходе немецко-фашистской оккупации, часть из которых он, как фронтовик, видел лично. Дополнение заканчивается словами: «Я как участник гражданской и Великой Отечественной войн, присоединяю свой голос протеста против решения правительства ФРГ. Никакой пощады фашистским палачам!»[1].

Несмотря на прошедшие на момент написания статьи двадцать лет с момента окончания войны, ее последствия остаются в памяти людей, непосредственно переживших ее, и новых поколений, которым передается эта память. В. Широков пишет: «Проходят годы, но в памяти людской живы картины ужасов войны. Вот почему мы вспоминаем о них, вот почему мы требуем мира, боремся за него»[2].

Важную роль в описании событий Великой Отечественной войны в Крыму играет описание историй подвигов крымчан в оккупации. Н. Болтин в статье «Через двадцать лет» (1964) предает огласке историю неизвестного подростка (местного патриота, скорее всего, не состоявшего в подпольных организациях), арестованного ГФП-312 (подразделение немецкой тайной полевой полиции) в городе Старый Крым приблизительно в 1943 или 1944 году. Допрос вел сотрудник ГФП-312 Альфред Ламп (уроженец Херсонской области, коллаборационист, с 1943 года, в возрасте 17 лет поступил на службу переводчиком в ГФП-312). Подростка обвиняли в хранении красного знамени: «…самое обычное знамя какого-то предприятия или учреждения, с которым коллектив выходил на праздничные

[1] Широков В. Не забудем, не простим! Документы обличают // Крымская правда. 1965. 27 февраля. № 4. С. 5.

[2] Там же. С. 5.

демонстрации. Для юноши это знамя было святыней, символом Великой революции, величия и красоты нашей свободной жизни. Он, конечно, знал, что, храня его, рискует жизнью. Но советский патриот не мог поступить иначе»,[1] – объясняет автор статьи Н. Болтин. После пыток и допросов, так и не добившись от подростка показаний, его расстреляли. Во второй части статьи под заголовком «“Дядя Вася” и “Павлик”» приводятся свидетельства других преступлений переводчика А. Лампа. В декабре 1943 года им были подвергнуты пыткам и казнены двое мужчин, представившихся вышеуказанными именами.

Бесчеловечные пытки также не привели к успеху – ГФП так и не узнало о том, что эти двое мужчин – Ванеев Иван Петрович («Дядя Вася») и Павел Сергеевич Ларискин («Павлик») были советскими подпольщиками. В статье также описывается факт непосредственного участия А. Лампа в казнях узников Семиколодезянского лагеря (Ленинский район Крыма). После окончания войны, двадцать лет спустя, Альфред Ламп и другой переводчик, уроженец Херсонской области Эмиль Нурберг (на момент вступления в ряды ГФП-312 в 1943 году ему было 20 лет) были арестованы органами госбезопасности СССР и после окончания следствия доставлены в Крымский областной суд[2].

Продолжение этой истории было опубликовано в выпуске газеты «Крымская правда» от 28 мая 1964 года. В статье «На скамье подсудимых – каратели». 27 мая в Крымском областном суде в Симферополе состоялся процесс над А. Лампом и Э. Нурбергом, в ходе которого было доказано участие подсудимых в ряде дополнительных военных преступлений против мирного населения и военнопленных Красной Армии, совершенных ими в районе села Серогозы и в городе Старый Крым. Также был доказан факт участия подсудимых в пытках Вити Коробкова – феодосийского пионера-подпольщика (посмертно награжденного медалью за отвагу) и убийстве его

---

[1] Болтин Н. Через двадцать лет // Советский Крым. 1964. 13 мая. № 95. С. 4.
[2] Болтин Н. Через двадцать лет // Советский Крым. 1964. 13 мая. № 95. С. 4.

отца Михаила Коробкова, также феодосийского подпольщика[1]. Финал истории опубликован в выпуске «Курортной газеты» от 30 мая 1964 года. В статье «Возмездие! Суд над фашистскими наймитами закончился» опубликован текст приговора суда: «На основании статьи 56 Уголовного Кодекса УССР суд приговорил Эмиля Нурберга к 15 годам лишения свободы, с отбыванием первых 5 лет в тюрьме со строгим режимом и последующие 5 лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией принадлежащего ему имущества и ссылкой после отбытия наказания на 5 лет. Альфред Ламп приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием первых 5 лет в тюрьме со строгим режимом и последующих 5 лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией принадлежащего ему имущества»[2].

В статье «Возмездие» от 29 декабря 1967 года в газете «Крымский комсомолец» описывается другой судебный процесс, в Краснодаре, проводившийся над группой коллаборационистов, включая В. Г. Керера, В. Н. Элизбарашвили и других, которые ранее служили в Красной Армии. Эти люди были захвачены в плен в 1941 году и позже, в 1942 году, добровольно присоединились к «Кавказской роте». В Симферополе они принимали участие в репрессиях против гражданского населения, включая облавы, расстрелы и грабежи, а также охраняли концентрационные лагеря. Кроме Крыма, их преступления распространялись на Ставрополь, Армавир и Майкоп. Суд приговорил шестерых из них к смертной казни, а остальных к 15 годам заключения. Командир подразделения, В. Г. Керера, хотя и был заочно приговорен к расстрелу, избежал экстрадиции в СССР и прожил остаток жизни в Германии, в городе Вахенхейме[3].

В номере газеты «Советский Крым» от 22 июня 1986 года была опубликована статья В. Селивановой под заголовком «Возмездие», где

---

[1] На скамье подсудимых – каратели // Крымская правда. 1964. 28 мая. № 105. С. 6.

[2] Возмездие! Суд над фашистскими наймитами закончился // Курортная газета. 1964. 30 мая. № 106. С. 6.

[3] Недушкин В. Возмездие. К процессу над изменниками Родины в Краснодаре // Крымский комсомолец. 1967. 29 декабря. № 76. С. 5.

подробно описывался суд над бывшим роттенвахманом Ф. Д. Федоренко в Симферополе. Ф. Д. Федоренко, родом из Джанкоя, служил в Красной Армии и попал в плен в августе 1941 года. В плену он добровольно вступил в СС, после чего был отправлен на обучение в Травники в оккупированной Польше. По завершении обучения он участвовал в оцеплении гетто в Люблине и Варшаве, а в 1942 году конвоировал узников в лагерь смерти Треблинка. Свидетели утверждали, что Федоренко лично избивал и загонял заключенных в бараки, а также входил в расстрельные команды. С 1943 года он служил в концентрационных лагерях Штуттгоф и Пелец, где продолжал совершать преступления. В мае 1945 года он присоединился к немецкому фольксштурму. После войны, изменив биографию, он получил гражданство США и жил там до 1984 года. Федоренко несколько раз привлекался к суду, но доказательств его вины не хватало. В 1984 году, после предоставления новых доказательств КГБ Крымской области, он был экстрадирован в СССР.

Суд над Федоренко проходил в Симферополе в зале Крымского областного суда и был открытым, но зал не смог вместить всех желающих. Суд признал Федоренко виновным в совершении тяжких преступлений по статье 56 Уголовного кодекса Украинской ССР, с учетом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1965 года о наказании за преступления против мира и человечности. Федоренко был приговорен к смертной казни и конфискации имущества. Приговор вызвал бурные овации у присутствовавших в зале[1].

Ситуация с усложненной процедурой экстрадиции преступников существовала не только в Крыму, но и в других регионах СССР. Л. Корнешов в статье «Высшей мерой справедливости», опубликованной в Известиях Советов народных депутатов от 26 февраля 1983 года, описывал текущее, на тот момент, состояние взаимодействия советских правоохранительных органов с зарубежными юристами: в разные страны были направлены, общей сложности, материалы уголовных дел по 70 000 иностранных подозреваемых

[1] Селиванова В. Возмездие // Советский Крым. 1986. 22 июня. № 118. С. 10.

в совершении военных преступлений в годы Великой Отечественной войны. Однако ответные действия иностранными правоохранительными органами предпринимались крайне редко. Например: «В 1976–1981 гг. органам юстиции США были переданы доказательные материалы на 140 военных преступников. Как сообщили осведомленные лица, лишь в отношении 7 из них состоялись решения американских судов о лишении их гражданства США за сокрытие при въезде в страну службы в карательных органах фашистской Германии и совершенных преступлениях»[1].

Однако, по сведениям Л. Корнешова, даже указанные семеро преступников из 140 не понесли наказание, в связи с отсутствием в США соответствующих законов в уголовном кодексе. Также дело обстояло и во взаимоотношениях с органами юстиции ФРГ. Автор приводит пример расследований массовых расстрелов мирного населения в Одесской области в годы ее немецко-румынской оккупации, с установленными именами лиц, причастных к совершению преступлений. Материалы следствия были переданы в ФРГ, однако сообщений об их реализации или отказа от реализации так и не последовало. Следует отметить, что Советская сторона, в свою очередь, обеспечивала выполнение собственных обязательств при сотрудничестве с правоохранительными органами других стран в случае поступления от них соответствующего запроса. Зарубежным следователям предоставляли возможность участвовать в допросах свидетелей и обвиняемых, выезжать на места совершения преступлений, запрашивать информацию из советских архивов[2].

За всю послевоенную историю взаимодействия СССР и США по вопросам экстрадиции военных преступников, единственным успешным случаем можно назвать только один – указанный выше случай экстрадиции уроженца г. Джанкой, бывшего карателя Ф. Д. Федоренко[3].

---

[1] Корнешов Л. Высшей мерой справедливости // Известия Советов народных депутатов СССР. 1983. 26 февраля. № 1. С. 3.

[2] Там же. С. 3.

[3] Вынесен приговор // Комсомольская правда. 1986. 21 июня. № 142. С. 5.

Накал антиамериканской риторики можно увидеть в статьях А. Довганя, в частности, в опубликованной им статье «Погибли, но не покорились» в газете «Слава Труду» от 26 апреля 1984 года. Сама статья посвящена описанию героической обороны Аджимушкайских каменоломен (1941–1943 годы). Описывая зверства нацистов и остановившее их стремительное наступление войск 4-го Украинского фронта, автор резко переходит к критике современного правительства США: «Но не погасли человеконенавистнические замыслы вандалов нашего века. В Вашингтоне зреют новые планы массовых убийств и насилия, истребления всего живого на планете». Заканчивается статья противопоставлением Западного милитаризма и советской мирной инициативы «об освобождении Европы от химического оружия», предполагавшей заключение всемирной конвенции о полном запрещении разработки и применения химического оружия[1].

Другие образцы яркой антиамериканской риторики, приуроченной к теме Великой Отечественной войны, можно прочесть и в первой части статьи А. Довганя в выпуске «Слава Труду» от 7 апреля 1984 года: «Заокеанские претенденты на мировое господство, ничего не усвоившие из бесславной и бесчеловечной истории гитлеризма, начиняют Европу новыми средствами уничтожения людей, пытаются ввергнуть мир в катастрофу ядерного безумия»[2]. Ближе к концу статьи автор делает плавный переход от описания нацистского плана по истреблению населения оккупированного Крыма к сравнению данного плана с высказываниями о «зоне их интересов» президента США Р. Рейгана «и других представителей вашингтонской администрации с устремлениями и помыслами бесноватого фюрера» [3].

Несмотря на осуждающие высказывания того времени в отношении администрации Р. Рейгана, которые, например, были даны крымскими авторами, уже через 2 года в 1986 году, после начала «Перестройки» и улучшения дипломатических отношений СССР и США, подобная риторика

---

[1] Довгань А. Люди, знайте и всегда помните! // Слава Труду. 1984. 26 апреля. № 42. С. 5.
[2] Там же. С. 5.
[3] Там же. С. 5.

смягчается. В частности, в газете «Советский Крым» публикуется обращение участников собрания общественности Симферополя 20 июня, призывающее президента США оказать помощь в ускорении процесса выдачи советскому правосудию «всех гитлеровских палачей и их приспешников»[1].

В крымских газетах освещались также факты проведения нацистами медицинских экспериментов на людях в оккупированном Крыму. С ноября 1941 года первая городская больница Симферополя была занята немецкими войсками и использовалась как лечебное учреждение для раненых военнослужащих Люфтваффе. В составе больничного комплекса был создан секретный объект под названиями «Фельдпочта №24007» и «Фельдпрозектура «Б». Руководили этим объектом патологоанатом Г. Кюнтер, который стал главным врачом больницы, и его заместитель О. Шульц, хирург. Патологоанатомическое отделение было разделено на два отдела: один для лечения раненых немцев, другой для проведения экспериментов. Для экспериментов использовали подвальные помещения больницы, куда также переместили группу советских военнопленных[2].

Санитар больницы И. С. Галкин в 1944 году, уже после освобождения Симферополя, свидетельствовал: «…Утром, когда мы пришли на работу, то увидели на топчане два трупа, это были юноши примерно по 17 лет… Под топчаном была большая лужа крови, следы крови были и на секционных столах. Санитары-немцы говорили: «Русские партизаны». <…> На протяжении последующих месяцев мы неоднократно обнаруживали трупы… Трупы имели такие же разрезы, а у некоторых дополнительно имелись разрезы на шее по ходу сонной артерии и ниже до подключичной артерии»[3].

Подтверждение подлинности данной истории было представлено в 2024 году в научной статье крымского исследователя А. С. Савченко,

---

[1] Нет прощения палачам // Советский Крым. 1986. 22 июля. № 120. С. 7.
[2] Прокопенко В., Романов В. Тайна «Фельдпочты № 24007» // Труд. 1965. 9 марта. № 56. С. 5.
[3] Там же. С. 5.

написанной на основе рассекреченных материалов архива УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю[1].

Общественное осуждение военных преступников стало важным инструментом для советских властей в коммеморации событий Великой Отечественной войны в Крыму. Поднятие данной темы в прессе позволило обществу выразить свой гнев и скорбь по поводу произошедших преступлений, вызвав эмоциональный всплеск, напомнивший об уже забывавшемся опыте прошедшей войны. Такие публикации помогали мобилизовать общественное мнение и объединить старшее и молодое поколение советских граждан усилившейся коллективной памятью. Было выявлено, что этот метод использовался и для достижения внешнеполитических целей, в частности, для укрепления авторитета советских властей и для формирования единого образа врага в виде «западногерманских милитаристов» и их покровителей в лице «американских империалистов».

Согласно развиваемому в данном диссертационном исследовании подходу, изучение указанной проблематики подчеркивает важность понимания историко-культурного контекста и политической подоплеки общественного осуждения военных преступников в Крыму в советский период. Это позволяет лучше оценить сложность и противоречивость заявленной проблематики, а также ее значение для коммеморации событий Великой Отечественной войны.

Таким образом, общественное осуждение военных преступников в Крыму в советский период представляло собой комплексный и многогранный социокультурный процесс, который не только обеспечивал правосудие, но и играл ключевую роль в формировании и сохранении коллективной памяти о Великой Отечественной войне, культурной идентичности советских граждан. Его исследование позволяет определить

[1] Савченко А. С. Медицинские эксперименты немецких врачей на территории 1-й Советской больницы Симферополя в годы нацистской оккупации (1941–1942 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2024. Т. 12. № 4. С. 38–47.

культурно-исторические основания репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны, а также может быть использовано для анализа современных общественных процессов, связанных с культурной памятью.

После распада СССР крымская пресса существенно изменилась: роль государства в контроле и регуляции СМИ снизилась до минимума, что стало катализатором возникновения плюрализма мнений в журналистской среде, при этом отмечалось снижение интереса к теме Великой Отечественной войны и мемориализации ее наследия из-за отсутствия государственной поддержки и экономических проблем 1990–2000-х. Однако крымские журналисты и в то время посредством газетных публикаций пытались обратить внимание на вандализм, разграбление памятников и незаконные раскопки. Но эти усилия практически не давали результата – местным властям не хватало бюджета на организацию эффективной памятникоохранной деятельности, а население было сосредоточено в основном на решении собственных социально-экономических трудностей.

С середины 2000-х, на фоне политических конфликтов в Украине, крымские газеты («Голос Крыма», «Крымская газета», «Крымские известия», «Крымское время», «Крымская правда», «Общественно-политическая газета», «Боспор») стали активными участниками полемики на тему Великой Отечественной войны, являясь площадками для критики украинской культурной политики памяти. В крымских публикациях 2006–2014 годов преобладала идея, что в Украине происходит целенаправленное искажение историю, изменение вектора памяти о событиях Великой Отечественной войны в сторону героизации националистических движений (ОУН-Б, УПА). Крымские газеты осуществляли активную общественную деятельность, не только освещая в публикациях тему увековечивания памяти о Великой Отечественной войне, но и непосредственно принимая участие в организации памятных мероприятий (например, в 2013 году именно газета «Крымское время» стала инициатором проведения первой в Крыму акции «Бессмертный

полк», выступившей важным фактором укрепления культурной идентичности крымчан[1]).

После распада СССР, уже в начале 1990-х годов в крымской прессе актуальной стала тема межэтнических взаимоотношений в Крыму: массовое возвращение на полуостров репатриантов из числа депортированных в 1940-х годах народов Крыма привело к возникновению государственных программ по восстановлению их юридических, политических, исторических и общественных прав.

Представители украинской власти в Крыму неоднократно подчеркивали завершенность межэтнического конфликта между местным населением и репатриантами в Крыму. На траурном мероприятии, посвященном 59-й годовщине Депортации народов Крыма 18 мая 2003 года, председатель Госкомнаца Крыма Г. Г. Москаль заявил о том, что «государство делает все возможное для возвращения и обустройства депортированных народов», обвиняя при этом другие государства-участников Бишкекских соглашений в нежелании их выполнять и оказывать помощь репатриантам[2].

Помимо темы защиты прав депортированных народов, в общественно-политической прессе Крыма 1990-х годов появляется принципиально новая дискуссионная тема необходимости установления исторических фактов не только о жертвах среди советских военных, партизан, подпольщиков и мирных жителей, но и среди военнослужащих оккупационных армий.

В статье «Где спит война», опубликованной в «Крымской газете» в выпуске от 7 мая 2003 года, была описана история двух раскопок на местах боевых действий в Крыму. Описывалась история крымской семьи Дубровиных, чей сын Александр, призывник-участник Обороны Севастополя (1941–1942 годы), более 60 лет числился пропавшим без вести. В результате поисковых работ и раскопок, проводимых фондом «Юг» в Севастопольском

---

[1] «Бессмертный полк» прошел по Симферополю! // Крымское время. 2013. 14 мая. № 49. С. 5.
[2] Озерская Е. Мы научились уважать друг друга // Крымская газета. 2003. 20 мая. № 89. С. 1.

округе, его останки были идентифицированы благодаря найденной среди них иконе Николая Чудотворца, которую Александру подарил его отец Павел, ветеран войны, также участник Обороны Севастополя. Останки Александра Дубровина были перезахоронены на старом ялтинском кладбище[1].

В статье также описывалась другая совместная поисковая операция крымского фонда «Юг» и немецкого фонда «Фольксбунд», при содействии администрации города Феодосия, в результате которой были найдены, идентифицированы и перезахоронены на немецком кладбище в с. Гончарное останки оберканонира Х. Баумбаха, погибшего в 1942 году на востоке Крым. Особый акцент в данной статье был сделан на том факте, что сестры погибших: Александра – Лидия Дубровина и Хельмута – Марианна Шмидт совместно отдали дань памяти братьям, возложив цветы на их могилы, символизировав общую для многих народов трагедию Великой Отечественной войны.

В статье также уделено внимание описанию проблемных вопросов мемориализации военных жертв Великой Отечественной войны в начале 2000-х годов.: отмечалась неухоженность могил и памятников, отсутствие достаточного количества архивных данных для более качественного поиска и идентификации останков погибших, бесконтрольный рост количества «черных» следопытов, разграбляющих и перепродающих личные вещи и оружие, найденное при несанкционированных раскопках[2].

Особо остро в крымской прессе того времени поднимался вопрос мемориализации мест памяти, связанных с массовым уничтожением людей. Уже в 2003 году в прессе активно обговаривалась необходимость сооружения мемориального комплекса бывшего лагеря смерти «Красный» в с. Мирное, Симферопольского района, на территории которого предполагалось разместить большой мемориал и музей, церковь-часовню, синагогу и мечеть. Особую важность для мемориального комплекса

---

[1] Там где спит война // Крымская газета. 2003. 7 мая. № 82. С. 2.
[2] Там где спит война // Крымская газета. 2003. 7 мая. № 82. С. 2.

крымские газеты видели в создании охраняемой зоны, которая бы решила насущный вопрос пресечения вандализма и загрязнения территории, по аналогии с мемориалами Республики Беларусь и республик Северного Кавказа[1].

А. Васильев, автор статьи «Они – “Из будущего”, а мы – из ниоткуда?», опубликованной в газете «Крымское время» от 08.05.2008, описывает плачевное состояние мемориальной культуры Великой Отечественной войны в Крыму в 2000-х годах. Он рассматривает проблему забвения данной темы с точки зрения как недостаточно эффективной работы крымских районных администраций (в статье приводятся примеры недобросовестного отношения местных властей Бахчисарайского района к памятникам Великой Отечественной войны – реставрация памятной доски на месте массовой гибели советских военнопленных была выполнена с допущением фактических ошибок, а мемориал погибшим солдатам и мирным жителям на территории Ханского дворца находился в аварийном состоянии и даже не был обозначен на схеме музея).

В частности, автор раскритиковал организацию республиканского мероприятия «Найти солдата!», направленного, в первую очередь, на поиск захоронений и идентификацию останков. Он обращает внимание на неразработанность самой схемы поиска: «…где искать? В Крыму, где везде шли бои, не щупом же наугад тыкать в землю?»[2]. Одним из путей решения указанной проблемы поиска мог бы стать поиск живых участников или свидетелей боевых действий. Однако такая практика, имевшая популярность в советский период истории Крыма, когда в каждой школе существовали кружки «Юные следопыты», при содействии местных администраций целенаправленно и систематически интервьюировавшие старожилов и ветеранов, создававшие военные библиотеки и школьные музеи, после распада СССР должным образом не осуществлялась. В 2000-х годах в

[1] Коровяковская Г. В. В «Красном» земля была красной от крови // Крымская газета. 2003. 12 апреля. № 2. С. 3.

[2] Васильев А. Они – «Из будущего», а мы – из ниоткуда? // Крымское время. 2008. 8 мая. № 49. С. 7.

крымских школах организации типа «Юных следопытов» существовали в чрезвычайно малых количествах, действовали часто формально и без поддержки властей, не говоря уже о том, что свидетелей событий прошлого века, у которых школьные активисты могли бы взять интервью, с каждым годом становилось все меньше.

В то же время, автор статьи поддерживает инициативу «Найти солдата!» и отмечает необходимость усиления этой работы в школах, с молодежью, возрождения поисковых кружков и других форм сохранения памяти о войне. По мнению А. Васильева, несмотря на кажущийся прагматизм, молодежь все же проявляет интерес к теме Великой Отечественной войны, например, после выхода в кинотеатрах первой части художественного фильма «Мы из будущего», на крымских интернет-форумах наблюдался всплеск обсуждений этой темы.

Автор также указывает на преимущества современной гласности крымского общества: «Беседовать же с ветеранами сейчас гораздо интереснее, чем в советские времена, когда многое рассказывать было просто нельзя. Теперь можно все»[1]. Кроме того, в качестве преимущества современной практики над советской, автор указывает технологический прогресс, позволяющий современным молодым исследователям самостоятельно вести и записывать интервью с ветеранами на личные устройства (телефон, диктофон, видеокамера), без привлечения специалистов.

Так как памятники Великой Отечественной войны подвергались вандализму и в 2010-х годах, эта тема оставалась злободневной для крымской прессы и в те времена. Так, перед 9 мая 2013 года, на 34-м километре трассы Симферополь – Севастополь, близ с. Сирень, был осквернен памятник на месте братской могилы красноармейцев и мирных жителей, погибших на Крымском фронте (1941–1944). Судя по характеру повреждений, кража тонких медных листов, из которых была выполнена

[1] Васильев А. Они – «Из будущего», а мы – из ниоткуда? // Крымское время. 2008. 8 мая. № 49. С. 7.

скульптура павшего советского солдата, не была самоцелью злоумышленников – было украдено менее 3 кг меди. По мнению почетного гражданина Бахчисарая В. Борисова, «…негодяи своей задачей видели уничтожение самого памятника как материального объекта, символа нашей духовной культуры, исторической памяти». Памятник подвергался нападкам еще с 2007 года, однако, несмотря на освещение данных событий в СМИ, власти Бахчисарайского района никаких мер по охране памятника не предпринимали[1].

Помимо проблемы вандализма, сказывались и отсутствие финансирование на содержание воинских кладбищ и памятников, отсутствие смотрителей и наличие бюрократических препятствий в процедуре постановки памятных объектов на баланс местных советов и в государственные памятникоохранные реестры[2]. Такая ситуация привела к тому, что более двухсот памятников Великой Отечественной войны в Крыму на момент 2011 года находились в «бесхозном» состоянии, когда ни государство, ни частные лица не осуществляли уход за ними[3].

Период президентства В. А. Ющенко (2006–2010) охарактеризовался сильной политизацией и попытками фальсификации темы Великой Отечественной войны, что привело к возникновению ожесточенной полемики в украинском и, в частности, в крымском обществе. Пожалуй, главной темой общественных и политических дебатов стал вопрос коммеморации личности вождя ОУН-Б С. А. Бандеры (1909–1959).

Роль личности С. А. Бандеры в истории Украины активно обговаривалась в СМИ и до 2010 года, когда был опубликован указ Президента Украины о присвоении ему звания «Героя Украины». В мае 2008 года на украинских телеканалах вышел проект украинского журналиста С. Шустера «Великие украинцы», целью которого стало выявление

---

[1] Васильев А. Шок перед праздником // Крымское время. 2013. 30 апреля. № 47. С. 1.

[2] Васильев А. Халатность или злой умысел? В Крыму «потеряны» воинские памятники и захоронения // Крымское время. 2009. 7 мая. № 48. С. 19.

[3] Ничейные обелиски. В Автономии почти двести памятников героям Великой Отечественной – бесхозные // Крымская правда. 2011. 22 апреля. № 74. С. 1–2.

общественного мнения о том, какая историческая (или современная) личность достойна звания величайшего украинца. По итогам первой фазы голосования, на третьем месте оказался Н. М. Амосов, ветеран Великой Отечественной войны, советский и украинский ученый-медик, торакальный хирург, кибернетик, а на первом месте С. А. Бандера. А. Рутковский в статье «Пароксизмы величия: Амосов VS Бандера», опубликованной в газете «Крымское время», настаивает на том, что данный опрос показал не столько индивидуальную приверженность граждан к определенным героям, сколько выбор совокупной шкалы ценностей украинского общества[1].

В этом же выпуске газеты «Крымское время» в статье Н. Киселевой «Когда нацисты стали героями» обсуждаются последствия внесения 18 января 2008 года Президентом Украины В. А. Ющенко законопроекта «О правовом статусе участников борьбы за независимость Украины 20-90-х годов XX столетия» на рассмотрение в Верховную Раду[2]. Автор статьи настаивает на том, что принятие такого законопроекта уже на стадии рассмотрения привело не только к расколу внутри украинского общества, но и к дипломатическому конфликту с Польшей, чья мемориальная культура «Волынской резни» входит в прямой конфликт с мемориальной культурой украинских националистов.

Крымские газеты годом ранее активно освещали открытие в центре Симферополя памятника «Выстрел в спину», установленного «в память о советских гражданах, павших от рук пособников фашистов вояк ОУН-УПА* и других коллаборационистов»[3]. Памятник был представлен на митинге, инициированном Коммунистической партией Украины. Перед собравшимися жителями города выступил руководитель Крымского рескома КПУ Л. Грач. Он отметил важность установки такого памятника, заявив, что от рук

---

[1] Рутковский А. Пароксизмы величия: Амосов VS Бандера // Крымское время. 2008. 8 мая. № 49. С. 5.

[2] Киселева Н. Когда нацисты стали героями // Крымское время. 2008. 8 мая. № 49. С. 6.

* Организация признана экстремисткой и ее деятельность запрещена в Российской Федерации.

[3] Васильева К. Встал на площади памятник жертвам бандеровцев // Крымская правда. 2007. 15 сентября. № 10. С. 1.

пособников фашистов «пострадало более четырех тысяч граждан Советского Союза, проживавших тогда на Крымском полуострове и направленных на Западную Украину, чтобы оказывать помощь в послевоенном восстановлении»[1].

Стоит отметить, что освещение «войны памяти» в крымской прессе происходило посредством описания данной темы в киноискусстве того времени. В 2010 году в симферопольском кинотеатре «Космос» был проведен показ российского фильма «Мы из будущего-2» уже после решения Министерства культуры и туризма Украины о запрете на прокат картины в кинотеатрах страны. Сюжет фильма, представляющего связь современности и 1944 года, затрагивал тему противостояния советских войск и партизан, с одной стороны, и немецкой армии и националистических формирований, с другой стороны. Украинское министерство культуры и туризма обвинило фильм в том, что он «…приправлен ксенофобией, разжигает межнациональную рознь и оскорбляет национальные чувства украинцев». В то же время, на мероприятии высказывалось мнение о важности данного фильма в деле борьбы с фальсификацией истории[2].

В то же время, анализ отношения крымской молодежи к событиям Великой Отечественной войны, проведенный газетой «Крымская правда» в 2010 году, показал, что на вопрос «Кого, на ваш взгляд, следует считать победителем во Второй Мировой войне?» абсолютное большинство респондентов (81,5%) ответили: «Советский Союз». Так как подобные мониторинги газета проводит ежегодно с 1996 года, автор опроса Т. Хриенко сделала вывод о том, что с каждым годом, усиливается тенденция «... к определению Второй Мировой войны как Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, и все больше

---

[1] Васильева К. Встал на площади памятник жертвам бандеровцев // Крымская правда. 2007. 15 сентября. № 10. с. 1.

[2] Ковалёва И. Кино о настоящем прошлом // Крымская правда. 2010. 8 мая. № 80. С. 1.

становится тех, кто считает Советский Союз победителем в этой войне»[1] (отметим, что, несмотря на некорректное уравнивание двух терминов «Великая Отечественная война» и «Вторая Мировая война», автор делает обоснованный вывод о наличии устойчивой тенденции среди крымской молодежи к определению Советского Союза как государства-победителя).

В крымских газетах 2010-х годов, аналогично с газетами советского периода, довольно часто использовались исторические экскурсы для описания текущего состояния украинской политики. Например, современные украинские националисты сравнивались с германскими нацистами, а текущее состояние экономики Украины сравнивалось с кризисом в Веймарской Республике начала 1930-х годов, который во многом предопределил победу А. Гитлера на выборах в 1933 году. При этом делался акцент на отсутствии в националистических партиях ярко выраженного «фюрера» и на провинциальность их взглядов[2]. Это свидетельствовало об углублении мемориального конфликта в украинском обществе.

Следует отметить стремление многих авторов публикаций в крымских газетах к объективному рассмотрению мемориальных конфликтов. Например, в статье «Политические тролли на теле “Свободы”. Националисты хотят ввести льготы для воинов УПА», опубликованной в газете «Крымские известия» в 2013 году, ее автор З. Смелый, вступая в спор с антисоветской украинской националистической партией «Свобода», дегероизировавшей и очернявшей украинское советское прошлое и события Великой Отечественной войны,, не идеализируя сталинские времена, делает акцент на том, что украинцы, служившие в РККА, воевали не только за «Сталина, партию и колхозы», а и за «…отчий дом, убитых родственников, замученного отца или мать» [3].

---

[1] Хриенко Т. Молодежь Крыма о Великой Отечественной войне // Крымская правда. 2010. 8 мая. № 80. С. 1.

[2] Азаров И. Нацизм: выбор злых, убогих и голодных // Общественно-политическая газета. 2013. 31 января. № 10. С. 5.

[3] Смелый З. Политические тролли на теле «Свободы» // Крымские известия. 2013. 13 февраля. № 29. С. 3.

Таким образом, следует отметить, что крымские газеты в период с 1991 по 2014 год играли значительную роль в сохранении памяти о Великой Отечественной войне в крымском обществе, укрепляя его культурную идентичность.

С середины 2000-х до 2014 года, на фоне политических конфликтов в Украине, крымские газеты активно обсуждали вопросы культурной памяти, в том числе о событиях Великой Отечественной войне, критикуя украинскую политику за искажение военной истории. Основные темы включали противодействие героизации С. А. Бандеры и защиту советского исторического нарратива. В итоге крымская пресса в период с 1991 по 2014 год претерпела процесс трансформации от наблюдателя к активному участнику политико-исторических дискуссий, сочетая просветительскую миссию с защитой и репрезентацией мемориального наследия Великой Отечественной войны.

Отдельного внимания заслуживает то, что в качестве противодействия украинской политике памяти, в Крыму силами республиканских и муниципальных властей и при поддержке крымской общественности сооружались мемориальные комплексы («35-я батарея» в г. Севастополе, мемориальный парк «Красная горка» в г. Евпатории), а также памятники событиям обороны и освобождения Крыма: например, в 2012 году в г. Керчь была открыта скульптурная композиция в память о моряках-десантниках, погибших во время Керченско-Эльтигенской операции.

Это широко освещалось в крымской прессе, формируя соответствующее общественное мнение крымчан. На церемонии открытия председатель Верховного Совета Автономной Республики Крым В. А. Константинов особо отметил, что, несмотря на то что «…отдельные деструктивные элементы очерняли нашу историю, грубо и цинично пытались препятствовать установке памятника», памятник, сооружение которого было

инициировано ветеранами Керченско-Эльтигентской операции, все же удалось установить[1].

После событий «Крымской весны», в 2014 году региональные крымские СМИ, следуя тренду российской культурной политики памяти, сделали тему сохранения памяти о Великой Отечественной войне центральной в освещении как внешнеполитических, так и внутренних, общественных событий в России. Такой подход отражал идеологическое противостояние этноцентрической концепции памяти, подчеркивая разрыв с ней и укрепляя в общественном сознании неразрывную культурно-историческую связь Крыма с Россией. В публикациях крымских журналистов возрождались традиции советской практики коммеморации и трактовки событий войны, адаптированные к современным реалиям российского Крыма. Особенную важность Дня Победы крымские журналисты отмечали в публикациях 2014 года, описывая проявления атмосферы праздника в «…приподнятом настроении, воодушевленном состоянии людей, неподдельной гордости и единодушном “Мы победили!”, в огромном количестве российских флагов и флажков, в десятках тысяч георгиевских лент, в искренних благодарностях ветеранам за то, что они своим беззаветным мужеством и массовым героизмом защитили Родину от коричневой чумы»[2].

Начиная с марта 2014 года, в Крыму вновь происходит всплеск интереса к теме Великой Отечественной войны, причем в различных сообществах, обративших внимание на участие в ней их представителей. Важное внимание уделялось героям из числа крымских татар, что способствовало интеграции их памяти в общероссийский контекст. В частности, в крымскотатарских газетах в 2014 году выходят статьи, посвященные жизнеописанию Мустафы Селимова (1910–1985), бывшим в годы войны комиссаром Южного соединения партизан Крыма, а после войны

---

[1] Смелый З. Над этим памятником могут глумиться только циники и пустозвоны // Крымские известия. 2012. 8 ноября. № 208. С. 1–2.

[2] Шеремет О. Празднуем День Победы, лучший день в году // Новости Керчи. 2014. 15 мая. № 20. С. 3.

– видным деятелем крымскотатарского национального движения[1]. Крымская пресса активно освещала открытие народных памятников разведчице А. Абденнановой и членам разведгруппы «Даят» (средства на памятники собирала крымскотатарская общественность)[2], открытие памятника Герою Советского Союза Т. А. Абдулю в п. Партенит [3] и др.

В газетной статье, описывающей проведение субботников по обустройству памятников в Сакском районе, ее автор С. Кирьянова подчеркнула важность таких мероприятий не только для почтения памяти погибших, но и для укрепления мировоззренческих основ нынешнего поколения крымчан: «Когда исчезает память о подвигах, возникает множество мифов о ложных героях, но сила добра – в правде. На ее страже стоят на земле памятники, которым так необходима наша защита»[4]. Так автор описывает взаимозависимость коллективной памяти о войне, мемориального наследия и культурной идентичности, их значения для обеспечения преемственности поколений.

Отметим также, что первые сооруженные или отреставрированные памятники Великой Отечественной войны в Крыму после «Крымской весны» чаще всего торжественно открывались в присутствии Главы Государственного Совета Республики Крым В. А. Константинова и членов Президиума парламента Республики или других чиновников республиканского уровня, что свидетельствовало об особой важности реперезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны для крымского общества.

Причем, представители республиканской власти присутствовали не только на открытии памятников в столице Крыма – г. Симферополе и городе федерального значения Севастополь, но и на церемониях открытия сельских памятников. Например, 9 мая 2014 года состоялась церемония открытия

---

[1] Муталупова Э. Легендарный комиссар // Голос Крыма. 2014. 14 мая. № 20. С. 1–2.
[2] Усеинова Г. Память о разведчице жива // Голос Крыма. 2014. 19 декабря. № 51. С. 1.
[3] Аблязов Э. Открыт памятник герою // Голос Крыма. 2014. 14 мая. № 20. С. 1.
[4] Кирьянова С. Сила добра – в правде // Крымские известия. 2014. 15 апреля. № 69. С. 4.

обновленного мемориала «Заживо сожженным односельчанам» (сооружен в 1975 году) в с. Курортное, Белогорского района.

Как объяснил В. А. Константинов, «реконструкция сельского памятника – может, и не самое масштабное по меркам даже нашего полуострова, но очень значимое событие. Каждая пядь Крыма полита кровью солдат, каждый квадратный километр этой земли многое способен рассказать <…>. И мы – носители этой истории, хранители памяти о Великой Отечественной войне»[1]. Каждое отдельно взятое мероприятие, проведенное в Крыму на тему Великой Отечественной войны в 2014 году, рассматривалось в обществе и прессе в первую очередь как символически важный шаг, как пример крымского альтернативного варианта украинской политике памяти.

В крымской прессе тема Великой Отечественной войны рассматривалась и как фактор формирования национальной самоидентификации и народного единства крымчан. В публикациях крымских журналистов события Великой Отечественной войны часто подавались как пример всенародного единения ради общей цели, где «…каждый станок, каждый цех стал общим полем боя во всех республиках страны против коричневой чумы»[2].

После 2014 года крымские газеты активно включаются в процесс популяризации темы Великой Отечественной войны, не только оповещая население Крыма о проходящих акциях, музейных выставках и мероприятиях, но и самостоятельно организуя соответствующие акции и рубрики. Так, 2 декабря 2024 года газета «Крымская правда» объявила о создании рубрики «Победители, мы помним вас!», посвященной памяти Великой Отечественной войны. Рубрика приглашает читателей к публикации воспоминаний о собственных предках-участниках войны[3].

---

[1] Тимофеева А. Научимся отличать истину от лжи // Крымские известия. 2014. 13 мая. № 87. С. 4.

[2] Мышкина Т. Наша общая память // Новости Крыма. 2014. 26 июня. № 15. С. 2.

[3] Бояринцева Н. Не забывать - никогда! // Крымская правда. 2024. 2 декабря. URL: https://c-pravda.ru/news/2024-12-02/ne-zabyvat---nikogda (дата обращения: 12.02.2025).

11 февраля 2025 года «Крымская газета» создала рубрику «Герой в моей семье» в рамках Года защитника Отечества. Рубрика подразумевает сбор информации, документов и свидетельств от читателей и подписчиков газеты, касающихся их родственников, которые защищали Родину в тяжелые времена: ветеранах Великой Отечественной войны, а также о тех, кто участвовал в миротворческих и гуманитарных миссиях за рубежом. Авторы предлагают рассказать о подвигах предков, используя семейные фотографии и фронтовые письма[1].

Таким образом, после 2014 года, в период «Крымской весны», крымская печатная пресса стала важным инструментом для продвижения российской исторической политики памяти, противопоставляя ее украинским националистическим нарративам. Основное внимание уделялось советской трактовке Великой Отечественной войны, адаптированной к современным условиям, что подчеркивало идейную и историческую связь Крыма с Россией и разрыв с Украиной.

Делая акцент на советском мемориальном наследии, символических мероприятиях и сюжетах, связанных с коммеморацией событий Великой Отечественной войны, крымская пресса сохраняла и укрепляла культурно-историческую связь полуострова с Россией, противопоставляя крымский дискурс украинскому. При этом журналисты выполняли функции информаторов, организаторов и идеологических проводников мемориального наследия, усиливая роль памяти о Великой Отечественной войне в общественно-политической жизни Крыма, формировании региональной (крымской) и сохранения культурной (российской) идентичности. Пресса не только адаптировала советские нарративы к современным реалиям, но и использовала их для легитимации политических изменений.

Анализ репрезентации мемориального наследия в крымских газетах различных периодов позволяет сделать вывод о том, что газетные

[1] «Крымская газета» запускает проект «Герой в моей семье» // Крымская газета. 2025. 11 февраля. URL: https://gazetacrimea.ru/news/krymskaya-gazeta-zapuskaet-proekt-geroy-v-moey-seme/?sphrase_id=22594 (дата обращения: 12.02.2025).

публикации не являлись нейтральной хроникой, а всегда выступали инструментом формирования культурной идентичности крымчан, соответствующей политики памяти, выступая полем идеологической борьбы, находясь в центре возникавших в разные периоды «мемориальных конфликтов».

Анализ публикаций крымских газет позволил выявить следующие ее характерные черты в каждом историческом периоде.

1. Для репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах советского периода характерно:

– использование газет как главного инструмента массовой агитации, пропаганды и «коллективного организатора» в условиях недостаточного распространения телевидения среди населения СССР;

– подчинение репрезентации нематериального наследия Великой Отечественной войны задачам идеологического противостояния с капиталистическими странами;

– активное освещение процессов поиска, осуждения и экстрадиции военных преступников (как из числа иностранных граждан, так и советских коллаборационистов) как формы увековечивания памяти о их жертвах и в целях укрепления советского патриотизма и культурной идентичности;

– формирование эмоциональной вовлеченности читательской аудитории, выражавшееся в привлечении «живых» свидетельств о событиях Великой Отечественной войны к восстановлению и поддержке памяти о ней, что, в частности, выражалось в интервью и публикациях воспоминаний и мнений ветеранов Великой Отечественной войны, свидетелей, жертв и других непосредственных участников обсуждаемых в газетах событий;

– широкое освещение ритуальных практик почтения памяти жертв, траурных церемоний и судебных процессов над военными преступниками. Это способствовало общественной консолидации и сохранению мемориального наследия Великой Отечественной войны;

2. Для репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах постсоветского (украинского) периода (1991–2014 годы) характерно:

– ослабление государственного контроля над прессой и возникновение плюрализма мнений, сочетающееся с резким снижением интереса к мемориализации наследия Великой Отечественной войны из-за усилившихся социально-экономических проблем в 1990-х – 2000-х годах;

– наличие в крымских газетах критики украинской культурной политики памяти, в которой происходила героизация националистов и пособников фашистов и личности С. А. Бандеры, что воспринималось крымским сообществом как недопустимое проявление фальсификации истории и событий Великой Отечественной войны, угроза культурной идентичности крымчан и попытка искажения мемориального наследия Великой Отечественной войны;

– освещение проблем забвения и разрушения объектов мемориального наследия Крыма: вандализма, недостатка финансирования, бюрократических препятствий в охране памятников, негативных тенденций пересмотра памяти о Великой Отечественной войне;

– активное обсуждение таких тем, как необходимость увековечивания памяти о депортированных народах и о перезахоронениях останков военнослужащих вражеских армий, осуществлявшихся в рамках межгосударственных проектов;

– выполнение газетами не только функции информирования, но и активное участие в общественной жизни – организация публичных дискуссий на тему Великой Отечественной войны, проведение памятных мероприятий и инициирование новых коммеморативных практик в отношении актуализации мемориального наследия Великой Отечественной войны.

3. Для репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах современного (российского) периода (после 2014

года) характерно:

– активное участие в укреплении российской культурной идентичности и продвижении российской культурной политики памяти о событиях Великой Отечественной войны в идеологическом противостоянии с украинской культурной политикой памяти;

– освещение темы сохранения и увековечивания памяти о Великой Отечественной войне как центральной в публикациях об общественно-политической жизни Крыма и основы консолидации крымского общества, формирования его культурной идентичности;

– переосмысление и адаптация советских традиций коммеморативных практик, особенно в аспекте признания вклада многонационального народа Крыма в Победу в Великой Отечественной войне.

Таким образом, особенности репрезентаций мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах в советский, постсоветский (украинский) и современный (российский) периоды определялись соответствующими политическими и историческими условиями. При этом во все обозначенные периоды крымские газеты формировали культурную идентичность крымчан как представителей советской и российской культуры, объединенных памятью о событиях Великой Отечественной войны.

3.2 Крымское мемориальное наследие Великой Отечественной войны в произведениях киноискусства*

В настоящее время существует множество вариантов сохранения и репрезентации мемориального наследия, в том числе – мемориального

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 147, 148 в списке использованных источников и литературы.

наследия Великой Отечественной войны: в устной межпоколенческой трансляции, в документах, книгах, музыке, театре, архитектуре и кинематографе. Среди них, согласно развиваемому в диссертационном исследовании подходу, киноискусство представляет мемориальное наследие в художественно-визуальной форме. Киноискусство как элемент визуальной культуры является не просто способом репрезентации и фиксации исторических событий, но также обладает особыми средствами художественной выразительности, вызывая эмоции и мысли, к которым можно возвращаться и пересматривать в зависимости от исторических условий, культурно-политического контекста. При этом киноискусство таким само становится частью мемориального наследия и национального культурного достояния[1].

Как было отмечено, киноискусство является элементом визуальной культуры и отражает ее особенности. Возникновение понятия «визуальной культуры» обусловлено развитием массовых визуальных коммуникаций и охватывает широкий спектр явлений – от искусства и медиа до повседневного восприятия зрительных образов. По мнению И. В. Леонова, «визуальная культура – это частная область понятия «культура», развивающая у человека способности восприятия визуальных образов, умение их анализировать, интерпретировать, оценивать, сопоставлять, представлять, создавать на этой основе индивидуальные художественные образы»[2]. Характерными чертами современной визуальной культуры являются: связь с глобализацией, скоротечность производства медиаконтента и синтез искусства с научным прогрессом и технологиями.

В силу своих особенностей киноискусство всегда выступало и выступает в роли мощного инструмента формирования общественного сознания, играя особую роль в конструировании и укреплении культурной

---

[1] Лакутина Н. П., Окороков Н. П. Историческая память // Культурологический журнал. 2018. № 3. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/445.html&j_id=36 (дата обращения: 20.06.2025).

[2] Леонов И. В. Визуальная культура: учеб.-метод. пособие: направление 51.03.01 «Культурология». Санкт-Петербург, 2020. С. 6.

идентичности, народного единства, активно включаясь в культурную политику памяти. В данном исследовании, как было указано выше, обосновывается тезис, что одним из важнейших событий, повлиявших на формирование культурной памяти и идентичности современного российского общества является Великая Отечественная война.

В контексте сказанного и заявленной темы диссертационного исследования особенно важным представляются крымские события Великой Отечественной войны, являющиеся важной частью истории России, а потому представляющие особый интерес для произведений киноискусства.

Анализ того, как киноискусство отражает и интерпретирует крымские события, позволяет глубже понять, как формируется и трансформируется историческое сознание. Киноискусство затрагивает важные вопросы культурной памяти, политико-идеологического курса государства, развития межкультурного диалога, образования и воспитания. Поэтому исследование мемориализации крымских событий Великой Отечественной войны через призму киноискусства представляет собой актуальную задачу, решение которой может внести вклад в понимание особенностей восприятия прошлого через художественные образы, механизмов формирования культурной памяти, культурной идентичности, сохранения культурного наследия и т.п.

Киноискусство в формировании общественного сознания и восприятия исторических событий играет важную роль в политике памяти. Фильмы призваны не просто транслировать информацию о прошлом, представляя ее дословно или художественно приукрашивая, они также должны формировать у общества направление интерпретации исторических событий. Кинематограф как вид визуального искусства имеет жесткие ограничения по времени, по причине невозможности передачи в фильме абсолютно всей череды событий интересующего периода, одинаково полного и разностороннего рассказа истории каждого действующего лица,

предпосылок, тайных интересов, причин и последствий рассматриваемых событий.

Временны́е ограничения, в совокупности с заложенной в фильме идеей (авторская интерпретация добра и зла, допустимого или запретного в соответствии с его мировоззренческой, философской, религиозной и политической позицией) делают невозможным абсолютную объективность повествования. Любой фильм, даже позиционируемый как «поиск истины», несет в себе авторский замысел, авторскую позицию, определенные духовно-нравственные ценности.

Однако кинолента, особенно исторического жанра, способна рассказать как о масштабном событии, потрясшем общество, так и о судьбе отдельно взятых людей, участников этих событий, их личностной трансформации и глубинной мотивации поступков. Именно так, посредством углубленного изучения и понимания исторических контекстов, сложных моральных дилемм, с которыми столкнулось как общество в целом, так и отдельный человек, с фокусированием внимания на социальных условиях и человеческих страданиях, киноискусство участвует в формировании культурной идентичности и проведении культурной политики памяти.

Ранее уже было неоднократно отмечено, что в культурной политике памяти современного российского социума мемориальное наследие Великой Отечественной войны занимает особое место.

Как утверждают Д. М. Ковба и Е. Г. Грибовод, «формирование национальной политики памяти – противоречивый и неоднозначный процесс для политической элиты и страны в целом, поскольку способствует текущему самоопределению народа, а также расширению «мягкой силы» и символического капитала страны»[1]. Происходящие в последние годы в глобальном политическом и медийном пространствах информационные и мемориальные конфликты актуализируют обращение к нематериальному

[1] Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. 2020. № 2. С. 62.

мемориальному наследию Великой Отечественной войны, его генезису, смысловому содержанию, специфике личностного восприятия.

Но и в предшествующие времена память о Великой Отечественной войне была важнейшим средством воздействия на общество и выступала одним из факторов его консолидации. Многие сюжеты, связанные с историей Великой Отечественной войны, занимали в государственной исторической политике Советского Союза ключевое место, а образы Великой Отечественной войны были призваны сыграть решающую роль не только в идеологическом противостоянии со странами Запада, но и в патриотическом воспитании всего населения[1]. Одним из релевантных средств визуализации и трансляции этих образов стало киноискусство, значение которого подчеркивал в своей известной фразе еще В. И. Ленин: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»[2].

Высокая степень востребованности, популярности, доступности практически для всех категорий и возрастных групп населения превращали кино в массовый вид развлечения и отдыха. Для советского государства, как впрочем, и для постсоветских государств, киноискусство являлось и является важным средством социальной коммуникации, инструментом управления восприятием и сознанием людей, трансляции визуальных образов и смыслов, мотивирующим паттерны поведения. Помимо вышеперечисленных средств коммуникации, кинематограф, по мнению А. В. Лямзина, важен тем, что «… в лучших традициях русской литературы, кино поднимало и пыталось осмыслить те проблемы, которые отторгались официальной идеологической моделью»[3].

В качестве примера трансформации процесса мемориализации событий Великой Отечественной войны в советский, постсоветский (украинский) и

---

[1] Сибиряков И. В. Образ Севастополя в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 1. С. 47.

[2] Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. Москва, 1970. Т. 44. С. 579.

[3] Лямзин А. В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 75.

современный (российский) периоды можно представить крымское киноискусство.

Главным действующим объектом крымской киноиндустрии с первой половины XX века и в настоящее время является Ялтинская киностудия[1]. Однако в довоенный период Ялтинская киностудия выполняла подсобную роль в работе «над натурой», в то время как основное кинопроизводство было сосредоточено в Одессе.

После восстановления кинофабрики, разрушенной во время войны, в Ялте вновь возобновились съемки – здесь работали съемочные группы киностудий всей страны. Но послевоенное возрождение киностудии не принесло ей полноценной творческой независимости – она часто меняла принадлежность, при этом оставаясь филиалом более крупных киностудий.

Именно поэтому довольно сложно сказать, какие именно фильмы сняты на Ялтинской киностудии. Преимущественно сюда приезжали за «натурной» съемкой, а основным производителем кинопродукта всегда числилась другая студия.

После распада СССР Ялтинская киностудия не занималась кинопроизводством и постепенно приходила в запустение, несмотря на многочисленные инициативы по ее восстановлению, вплоть до настоящего времени.

Другой существенной проблемой, в связи с подчиненным положением студии, стала недостаточная востребованность кино о самом Крыме. По мнению Е. В. Просоловой, Крымский полуостров, в силу его небольших размеров и крайне разнообразного природного рельефа и архитектурного ансамбля крымских городов, в совокупности с прекрасными видами и умеренным климатом, сделал его универсальным «фоном» для кино любого жанра[2]. Для военного кино, снимавшегося непосредственно о Крыме,

---

[1] Львовски М. В. Кино-Крым: весь мир на ладони. Симферополь, 2017. С. 10.

[2] Просолова Е. В. Крымские локации как образы обобщенного Запада в советском кинематографе: идеологический аспект // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к

характерно то, что оно, в основном, затрагивало лишь наиболее известные темы героической обороны Севастополя и Аджимушкайских каменоломен в 1941–1942 годах. При этом оставались невоплощенными многие аспекты сложной и многогранной истории Крыма, глубоким знанием которых обычно не отличались киностудии из других регионов, проводившие выездные съемки на полуострове.

Рассмотрение мемориализации событий Великой Отечественной войны посредством киноискусства следует начать с рассмотрения первых кинокартин о войне, снятых еще до ее окончания. Художественные фильмы, снятые непосредственно во время Великой Отечественной войны, являются ценным материалом для исследования, своеобразным «свидетельством эпохи», отражающим реалии и ценности советского общества того времени. Кроме того, развитие киноискусства советской эпохи отражает изменения в пропагандистском дискурсе советской власти – временный отход от идей интернационализма и возврат к собственно русской культуре, к поиску истоков и опоры советского патриотизма в осуждаемом ранее прошлом[1]. По мнению А. В. Трофимова, для фильмов, вышедших в годы войны, характерно то, что «…предложенная в них версия художественного осмысления исторического прошлого, реконструкции феномена войны опиралась на политико-идеологический каркас «сталинизма», а главным методом визуального отображения действительности являлся «социалистический реализм»[2]. Подобную мысль высказывает и Н. Г. Денисов, утверждающий, что уникальность социалистического искусства заключается в синтезе художественных достижений, отражения социалистического реализма, при

100-летию образования СССР: Материалы региональной научно-практической конференции. Симферополь, 2022. С. 124–125.

[1] Борунов, С. С. Специфика коммеморации событий Крымского фронта Великой Отечественной войны в художественном кинематографе сталинского и хрущевского периодов СССР (1944–1964) // Журнал Института Наследия. 2025. № 2. С. 30.

[2] Трофимов А. В. Визуальные образы Великой Отечественной войны в советском послевоенном кино // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 115.

опоре на культурные корни русского народа, что делает его важной главой мировой истории искусства[1].

В послевоенных фильмах о Великой Отечественной войне для создания сложного и многоуровневого образа войны использовались различные художественные методы. Эти фильмы, часто носившие исторический и биографический характер, были выполнены в пафосной манере, вовлекая события войны в более широкий контекст истории страны, демонстрируя единство народа и власти под руководством И. В. Сталина. Жанр драмы, как наиболее часто встречающийся в этих фильмах, был выбран не случайно, поскольку именно он был способен затронуть глубинные чувства зрителя, который сам пережил войну.

Несмотря на стремление режиссеров к большей детализации и исторической достоверности (для чего в работу над созданием кинолент привлекали военных консультантов), сама игра актеров характеризовалась театральностью, идеализацией и приукрашиванием как военной, так и послевоенной действительности, подчеркиванием верности коммунистическим идеалам и осознанности подвигов героев.

Художественные фильмы, созданные сразу после войны, формировали определенное видение истории и вкладывали в основу культурной памяти и памятных практик изображения героизма и самопожертвования во имя Победы в Великой Отечественной войне, фиксируя ключевые элементы образа войны: усилия Красной Армии и политического руководства для достижения Победы, подвиги советских партизан и подпольщиков, в т. ч. в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, массовый героизм и жертвенность советского народа.

Общеизвестно, что фильмы о Великой Отечественной войне в Советском Союзе стали снимать еще в 1941 году. Однако киноленты о событиях Крымского фронта в связи с трехлетней оккупацией полуострова

---

[1] Денисов Н. Г., Храмов В. Б. Советское искусство как феномен социалистической культуры // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2024. № 55. С. 48–55.

стали снимать только после его освобождения весной 1944 года, а изменения в методах изображения войны, художественных и политических акцентах в интерпретации ее событий происходили вплоть до распада Советского Союза в 1991 году. Эти изменения отражали эволюцию государственной политики памяти и культурного запроса советского общества. В развитии советского киноискусства, затрагивавшего события Крымского фронта Великой Отечественной войны можно выделить четыре условных этапа, каждый из которых характеризуется доминированием определенного нарратива:

– I этап (1944–1953): доминирование героико-патриотического нарратива в совокупности с «культом личности» И. В. Сталина;

– II этап (1953–1966): развитие темы личностной трагедии в киноискусстве о Великой Отечественной войне;

– III этап (1966–1984): возврат к героико-патриотическому нарративу;

– IV этап (1984–1991): ценностное переосмысление темы Великой Отечественной войны, способствующее нарастанию негативных коннотаций в отношении советского политического строя.

Говоря о *I этапе* репрезентации темы Крымского фронта Великой Отечественной войны следует отметить, что главными героями многих послевоенных фильмов были не Сталин и генералы, а советский народ и отдельные герои с реальными прототипами или собирательными образами. В кино о Крыме в качестве главных героев чаще всего представляли именно матросов и офицеров Черноморского флота.

На тему роли Черноморского флота в обороне Крыма 1941–1942 годов сразу после освобождения Крыма в 1944 году было снято две кинокартины – «Я – Черноморец» и «Малахов курган». Оба фильма отличаются сюжетами о подвигах краснофлотцев, участвовавших в героической обороне Севастополя. Сюжет этого фильма, в характерной для сталинского кино манере, построен на идее преемственности поколений защитников Отечества.

Главный герой фильма «Я – Черноморец», матрос Полосухин (роль исполнил Б. Андреев) – представлял собой эталон бойца-краснофлотца. Его целеустремленность в освоении службы и ратного дела, храбрость в бою и стойкость в плену, желание стать похожим на своего отца-моряка, являющегося для него главным авторитетом и жизненным ориентиром, делает главного героя воплощением преемственности традиций старого поколения и продолжением его воинской славы.

Плакат фильма «Малахов курган» (1944) // ФГБУК «Государственный центральный музей кино» ГЦМК КП-1727/117 Инвентарный номер: Пл-3483 URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5764635 (дата обращения: 15.06.2024).

В фильме «Малахов курган» также акцентируется внимание на преемственности героической традиции от обороны Севастополя 1854–1855 годов до обороны Севастополя 1941–1942 годов. Это проявляется в одной из сцен, где главный герой фильма капитан 3-го ранга Лихачёв (роль исполнил Н. Крючков), выступая с воодушевляющей речью перед солдатами, говорит о павших воинах Красной Армии как о достойных продолжателей героизма защитников Севастополя XIX века[1]. В фильме также присутствует сцена героической смерти группы советских матросов. Эта сцена воспроизводила сюжет статьи генерал-майора И. Е. Петрова «30 дней обороны Севастополя»,

[1] Волков Е. В. Образы Севастополя периода Второй мировой войны в советском игровом кино // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 15. С. 11.

опубликованной 9 декабря 1941 года в газете «Красная звезда». В статье, среди прочих примеров героизма защитников города, упоминается следующий: «...группа краснофлотцев, имена которых остались неизвестными, бросились со связками гранат к фашистским танкам... и взорвали эти танки вместе с собою»[1].

Послевоенный фильм «Третий удар» (1948) стал первой киноэпопеей на тему освобождения Крыма, созданной для укрепления в общественном сознании идеологемы «Десяти сталинских ударов», приведших к победам Красной Армии в 1944 году. Фильм, наряду со «Сталинградской битвой» (1949) и «Падением Берлина» (1949), был одним из инструментов решения идеологической задачи прославления Сталина как великого стратега и полководца. Режиссером фильма стал И. Савченко, а в главных ролях снялись актеры А. Дикий (Сталин) и М. Бернес (матрос-разведчик Чмыга).

В фильме использован динамичный монтаж и профессионально поставленные батальные сцены, подчеркивающие военные успехи и победу, отражены как коллективные усилия и массовый героизм красноармейцев и краснофлотцев, так и индивидуальные подвиги. В центре событий часто оказываются персонажи разной этнической принадлежности: русские, узбеки, украинцы, что позволило акцентировать внимание на интернациональном составе советских войск и «дружбе народов» как особо значимого фактора Великой Победы.

Кинокартина «Третий удар» показывает военную операцию по освобождению Крыма в 1943–1944 годах и в сюжете подчеркивается исключительная роль И. В. Сталина в ее планировании. Созданный в фильме образ И. В. Сталина, был призван показать вождя советского народа не только как великого полководца, но и как мудреца, философа и даже психолога. И. В. Сталин «из фильма» лично знаком с психологией каждого немецкого и румынского генерала, четко предугадывает каждое их действие, руководствуется заботой к красноармейцам. Его тяготят мысли о высоких

[1] Петров И. 30 дней обороны Севастополя // Красная звезда. 1941. 9 декабря. № 289. С. 5.

потерях, из-за чего все решения вождя основываются исключительно на стремлении сберечь людей.

В то же время, в картине есть сюжетные линии, которые частично выступают оправданием депортации крымских татар, формируя образ целого народа как предателя. Устами персонажа Эдиги Кемаля* говорится о том, что «…сотни тысяч крымских турок, или, как их называют, татар, которые счастливы будут влиться в лоно народов Турции…». Оскорбительные выражения, применяемые в фильме устами захватчиков в отношении своих подчиненных из числа коллаборационистов крымскотатарской национальности, способствовали устранению из сознания граждан сострадания и сомнения в правильности репрессивной сталинской политики. В фильме, к сожалению, нет образов, представляющих заслуги десятков тысяч крымских татар, воевавших в рядах Красной Армии и Военно-морского флота, авиации и подпольно-партизанских движениях.

В то же время фильм отражает сложные геополитические отношения между СССР и Турцией в годы Второй мировой войны и послевоенные годы. В Турецкой республике в годы Второй мировой войны шла политическая борьба между несколькими группировками относительно отказа от политики нейтралитета и вступления в конфликт либо на стороне антигитлеровской коалиции, либо Третьего Рейха[1]. Нацистская Германия активно использовала все методы воздействия, чтобы побудить турок выступить на стороне «Оси» и атаковать СССР на Южном Кавказе. Особенно этот вопрос стал актуальным во время Сталинградской битвы и битвы за Кавказ в 1942–1943 годах. Фильм демонстрирует отношение СССР к «политике качелей»,

---

*Авторы киноленты имели в виду реальную историческую личность Мустафы Эдиге Кырымала–Шинкевича (1911–1980) – крымскотатарского общественно-политического деятеля литовского происхождения, в годы оккупации Крыма занимавшего должность председателя Крымскотатарского национального центра и члена Симферопольского мусульманского комитета. После завершения Второй мировой войны в эмиграции. После смерти его останки в 2008 году были перезахоронены в Бахчисарае на территории Зынджирлы-медресе. Насчет его личности в историографии нет единого мнения: первая точка зрения считает его классическим коллаборационистом, а вторая отрицает этот тезис, поскольку Э. Кырымал, будучи турецким гражданином, никогда не обладал советским гражданством.

[1] Halil Burak Sakal Germany and Turkestanis during the Course of the World War II (1941–1945). 2010. P. 60–64.

проводимой Турецкой республикой, и опасения относительно возможной советско-турецкой конфронтации, уже в новой, «холодной войне». Это показывало зрителю более широкий, международный контекст событий Великой Отечественной войны и тем самым усиливало значимость Великой Победы советского народа[1].

«Третий удар» также стал одним из первых фильмов, в котором было представлено художественное осмысление немецко-румынского сотрудничества[2]. Несмотря на общую серьезность повествования, немецко-румынские отношения в фильме были представлены в комедийной, карикатурной форме. Вымышленный румынский генерал Теодореску «делит шкуру неубитого медведя», постоянно споря со своими немецкими коллегами о будущем разделе территорий СССР, попутно насмехаясь над разгромом немецкой армии под Сталинградом и над наивностью их суждений о неприступности Крыма для Красной Армии.

Сцена из фильма «Третий удар» (1948). Персонажи – военнослужащие Черноморского флота на палубе корабля ГЦМК КП-21252/9 Инвентарный номер: Ф-9877/9. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46411998 (дата обращения: 15.06.2024).

[1] Ибрагимбейли Х. М. Крах Эдельвейса и Ближний Восток. М., 1977. 320 с.

[2] Орлова А. С. Способы воплощения «Образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне // Вестник Костромского государственного университета, 2015. № 21. С. 30.

Е. В. Волков отмечает важную роль персонажа матроса Чмыги (роль исполнил М. Бернес): «В одном из эпизодов он произносит ключевую фразу фильма: «Нет России без Севастополя!». Затем, уже раненый, после ожесточенного боя, матрос поднимает красное знамя над Сапун-горой. В финале картины звучат его слова: «Мы отстроим тебя, Севастополь! Ты будешь лучше, сильнее, чем был!»[1].

II этап (1953–1966) репрезентации мемориального наследия Крымского фронта Великой Отечественной войне в послевоенном советском киноискусстве характеризуется внедрением нового для этой темы жанра – детского кино, оказывающее большое воспитательное влияние на подрастающее поколение и обеспечивающее преемственность мемориального наследия Великой Отечественной войны. В качестве примера такого можно назвать художественный фильм «Морской охотник» 1954 года, снятый по одноименной повести Николая Чуковского. Несмотря на то, что данный фильм был снят после смерти И. В. Сталина, в нем все же прослеживается большое количество черт именно «сталинского» кино, а именно, легкость и оптимистичность и даже наивность повествования, преобладание приключенческого духа и радостного, возвышенного настроения, характерного для советских фильмов 1930-х годов.

Крымской тематике посвящен снятый в 1960 году художественный фильм «Грозные ночи» о героической обороне Севастополя и действиях крымских партизан в годы Великой Отечественной войны. В фильме показаны события 1942 года, когда немецкие войска доставили сверхтяжелое орудие в район Бахчисарая для обстрела осажденного Севастополя. Отряд советского разведчика Кожухаря, заручившись поддержкой алупкинских подпольщиков, обнаружил местонахождение орудия и, рискуя жизнью, передал данные о его местоположении советскому командованию, которое затем уничтожило орудие при помощи авиации. Типичность сюжета фильма

[1] Волков Е. В. Образы Севастополя периода Второй мировой войны в советском игровом кино // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 15. С. 13–14.

для советского приключенческого кино 1950–1960-х годов компенсируется как событийной насыщенностью, стремительностью повествования, так и технической составляющей фильма: постановкой сцен, живописными съемками в Бахчисарайском районе, а также сценами в ночном городе, крайне сложными в съемке на грани возможностей киноаппаратуры 1960-х годов. Отличительной особенностью фильма стало участие в его съемках в качестве сценариста Л. Г. Северского (1909–1996), ветерана Великой Отечественной войны, заместителя, а затем начальника штаба Партизанского движения Крыма.

Начало 1960-х годов для кино, связанного с Крымом, ознаменовалось выходом советско-венгерской биографической кинокартины о советской разведчице «Альба Регия» (1961). Прототип главной героини фильма – Л. С. Безенькова (Мартыщенко) – во время войны вела разведывательную деятельность в Венгрии, и к крымским событиям отношений не имела. Но после окончания Великой Отечественной войны она поселилась в Евпатории, где получила известность в ветеранском сообществе, так как имела специфический военный опыт, делилась с ним, и занимала активную общественную позицию. Л. С. Безенькова (Мартыщенко) принимала постоянное участие в памятных мероприятиях и встречах с местными ветеранами Великой Отечественной войны.

Фильм «Альба Регия», снятый режиссером М. Семешем и сценаристом Д. Палашти по новелле Белы Леваи и Тамаша Шипоша, демонстрировался в Евпатории в 1961 году (венгерский актер Миклош Габор играл роль доктора-антифашиста, а роль советской разведчицы Альбы исполнила советская актриса Татьяна Самойлова)[1]. Для обсуждения фильма Евпаторийский краеведческий музей организовал встречу, на которой присутствовала Л. О. Безенькова (Мартыщенко), ставшая прототипом советской разведчицы, радистки Альбы, заброшенной в оккупированную нацистской Германией Венгрию. Встреча с Л. О. Безеньковой произошла с посетителями музея в

[1] Уралов С. О ней будет создан фильм // Крымская правда. 1960. 13 декабря. № 246. С. 3.

зале, где демонстрировался стенд, озаглавленный «За Родину». Согласно сведениям, опубликованным в отчете о деятельности музея за 1961 год, «…зал был переполнен. Товарищ Безенькова рассказала собравшимся много интересного о своей работе в тылу врага. После ее рассказа завязалась оживленная беседа с посетителями музея…»[1].

В рецензии к фильму, который написала Е. Семенова для «Литературной газеты», подчеркивалось, что «внутренний смысл этой истории передан горячо и взволнованно. Это еще одно свидетельство нерушимой венгеро-советской дружбы, реально воплощенной в рассказе о так неожиданно возникшей дружбе венгерского врача и советской девушки»[2].

Фотография. На снимке Л. С. Мартыщенко-Безенькова (в центре) – бывшая разведчица-радистка, разговаривает с супругами Хорнянски, у которых она жила в Венгрии и актрисой Т.Е. Самойловой (справа) – исполнившей главную роль в х/ф «Альба Регия». Подлинник. // МБУК «Евпаторийский краеведческий музей». ЕКМ КП-10394. Инвентарный номер: Ф-1141. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8065528 (дата обращения: 16.06.2024).

Ближе к завершению периода правления Н. С. Хрущева, а затем в период «развитого социализма» Л. И. Брежнева (1964–1982 годы; также, в

[1] МБУ АГЕ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

[2] Семёнова Е. Спустя шестнадцать лет // Литературная газета. 1961. № 87. 22 июля. С. 3; Минаева В. «Альба Регия» выходит на связь… Рассказ разведчицы. Слово солдата: Сборник. М., 1991. С. 211.

качестве общей даты окончания периода «развитого социализма» или «застоя» приводится 1985 год) в крымском киноискусстве (что было общей тенденцией для советского кино того времени) наблюдается возврат к «героическому кино».

Одним из первых фильмов на тему Крымского фронта Великой Отечественной войны, не просто возвратившихся к героической эстетике сталинского кино, но и ставших мощной агитацией для детской и юношеской аудитории, стал фильм «Улица младшего сына» (1962).

Кадр из фильма «Улица младшего сына» (1962). Слева направо: Володя Дубинин (Александр Корнев), ребенок-партизан (Владимир Шевеленок), комиссар Котло (И. Шатило), Георгий Петрович (В. Мартынов) // ФГБУК «Государственный центральный музей кино» ГЦМК КП-21254/9 Инвентарный номер: Ф-9879/9. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46412033 (дата обращения: 20.06.2024).

Владимир Никифорович Дубинин (1927–1942) – пионер-партизан, участник обороны Аджимушкайских каменоломен, получил всесоюзную известность после выхода в свет биографической повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына»[1]. Примечательно, что до выхода в свет самой книги, ее отрывки публиковались в крымских газетах в 1948 году[2]. Одноименный фильм был снят в ярко выраженной героико-

[1] Попов А. Д., Попова Е. А. Память о пионере-герое Володе Дубинине: формирование исторического образа и формы мемориализации // Наука. Общество. Оборона. 2024. Т. 12. №. 2. С. 281–282.

[2] В подземной крепости // Красный Крым. 1948. 29 октября. № 215. С. 3.

патриотической манере, выводящей на первый план мотивацию героев их убежденность в идеалах коммунизма и верности партии. В фильме особо акцентировано внимание на атрибутах, играющих важнейшую роль в визуализации мировосприятия героев кинокартины (книги о летчике-испытателе Чкалове, патриотические названия макетов самолетов для аэроклуба, церемония передачи пионерского галстука, сшитого из красного знамени, которым укрывали погибшего командира отряда, портреты Ленина, ритуалы посвящения в пионеры). Это оказывало непосредственное влияние на сознание зрителя и помещало его в широкий контекст социальной ситуации того времени.

Послевоенное кино 1960-х годов сильно отличается от сталинского концепцией восприятия событий войны. Кино становится более персонализированным, персонажи предстают не как идеализированные герои, но как обычные люди – сомневающиеся, испытывающие страх, и вместе с тем, в критический момент делающие правильный выбор, совершая подвиг самопожертвования во имя своего народа. В качестве примера такого фильма можно назвать «Трое суток после бессмертия» (1963). В фильме также как и в аналогичных картинах 1940-х годов, описываются события героической обороны Севастополя 1941–1942 годов, но отличие этой картины состоит в смещении фокуса внимания от обезличенных героических участников обороны к более персонализированной и жизненной истории о группе краснофлотцев, отступающих из Севастополя через вражеский тыл к партизанам. Персонажи имеют комплексные, часто противоречивые характеры, сами герои изможжены, разбиты и деморализованы известием о падении Севастополя. Но, будучи отрезанными от своей армии, они продолжают оставаться верными Родине, выраженной в образе матери и ее маленьких детей, ради которых краснофлотцы готовы пожертвовать жизнью.

Также в фильме присутствуют сцены восстания группы плененных советских краснофлотцев, закончившегося их побегом к партизанам, что, скорее всего, является отсылкой к деятельности реально существовавшей

подпольной организации советских военнопленных, возглавляемых Н. И. Терещенко. Данная организация осуществляла, по данным В. А. Иванова, в 1942–1944 годах диверсионно-подрывную деятельность, выражавшуюся в «саботировании мероприятий нацистских и румынских оккупантов, агитационно-пропагандистской работе среди военнопленных и гражданских лиц, сборе оружия, боеприпасов, разведданных, подготовке вооруженного восстания против немецкого гарнизона во время наступления Красной Армии и возможной высадки десанта ЧФ»[1].

Внимание киноискусства к личным переживаниям и судьбам участников Великой Отечественной войны усиливалось. Скорбью социальных потерь во времена войны, в частности, пронизан фильм «До свидания мальчики» (1964) рассказывающий о судьбах простых крымских подростков, разлученных войной и вернувшихся домой, но столкнувшихся с невозможностью возвращения к прежней жизни.

Следует также упомянуть киноленту «Прощай», вышедшую на советские экраны в 1966 году. Фильм посвящен описанию эпизодов жизни компании морских офицеров, отдыхающих в только что освобожденной Ялте (1944) перед выходом на боевое дежурство. Основное внимание в фильме уделено не морским сражениям, но повседневной жизни героев – их прогулкам по Ялте, отдыху на берегу моря, застольям. Главный герой кинокартины Матвей Подымахин – командир торпедного катера, своим характером (честностью, рассудительностью и в то же время авантюризмом и открытостью) во многом напоминает автора сценария и стихов Г. М. Поженяна (1922–2005) – поэта и писателя, ветерана войны, участника обороны Одессы и Севастополя. Это заметно в детализированном изображении особенностей быта, традиций и ментальности морских офицеров. Важную роль в создании эмоционального фона фильма играет

[1] Иванов В. А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 1. С. 8–9.

музыка М. Таривердиева на стихи Г. М. Поженяна, которые исполняются не как песни, а как поэтические композиции под аккомпанемент оркестра.

В целом, киноискусство *II этапа* (1953–1966) отличается глубокой саморефлексией героев, общим смещением внимания от героизма и самопожертвования к виктимной истории личного горя человека на фоне общенародной трагедии. По мнению А. Д. Попова, к середине 1960-х годов в советской культуре «…возникает явный когнитивный диссонанс между традиционным и внедряемым образом творца / творцов Победы. При этом, наметившаяся в годы «оттепели» и раннего «застоя» переоценка мемориальных ценностей, способствовала также постепенной деперсонификации образа победителя и признания таковым (хотя и с определенными оговорками) советского народа в целом»[1].

На *III этапе* (1966–1984) появляются кинофильмы менее серьезного жанра – героико-приключенческого, или, как его еще можно охарактеризовать, «шпионский боевик». Ярким примером такого кино можно назвать «Один шанс из тысячи» (вышедший на экраны в 1968 году) режиссера Л. Кочаряна, где одним из авторов сценария был А. Тарковский. Главные роли исполнили Анатолий Солоницын и Николай Гринько. Несмотря на то, что сами авторы рассматривали кинокартину как «пробу пера», которая позволит накопить достаточно средств для воплощения других сценариев, «Один шанс из тысячи» оказался кассовым успехом, ведь только в первый премьерный год его посмотрели 28,6 миллионов зрителей. Кинокартина, выполненная в таком жанре, держала зрителей в постоянном напряжении и эмоциональном «соучастии»; интрига и ходы сюжета хоть и были достаточно прозрачны и предсказуемы, но они выполняли свою главную задачу – создавали героический образ советских людей: на фронте, в тылу врага, на оккупированных территориях.

---

[1] Попов А. Д. Полковнику никто не верит? Героизация военных страниц биографии Л. И. Брежнева как камертон исторической памяти // Новое литературное обозрение. 2019. № 157. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21147/ (дата обращения: 10.10.2024).

Однако главной чертой III этапа, пришедшегося на годы правления Л. И. Брежнева, становится именно возврат к монументальному героико-патриотическому нарративу, что ярко демонстрируют масштабные эпопеи вроде двухсерийного фильма «Море в огне» (1970). Героическая киноэпопея вновь возвращает нас к теме обороны Севастополя, и не случайно, что масштабом батальных сцен и спецификой повествования фильм напоминает многосерийный фильм «Освобождение» (1968–1972).

Сцена из фильма «Море в огне» (1970). Батальная сцена боя, с самолетами и танками // ФГБУК «Государственный центральный музей кино». ГЦМК КП-9098/7 Инвентарный номер: Ф-3791/7. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=40222569 (дата обращения: 20.06.2024).

Менее частым явлением для киноискусства о Крыме можно считать поднятие темы мемориального наследия подпольного движения г. Симферополя. Из большого количества отдельных групп подпольщиков мемориализации в кино были удостоены лишь СПО (Симферопольская подпольная организация) и подпольная группа «Сокол».

В 1972 году на советские экраны выходит художественный фильм «Девушка из камеры № 25», повествующий о трагической судьбе крымской подпольщицы, участницы СПО Зои Матвеевны Рухадзе (1923–1944). Сюжет фильма сосредоточен вокруг главной героини, но деятельность СПО

показана размыто и косвенно, что было связано с неоднозначным отношением крымского обкома ВЛКСМ к деятельности СПО во время войны[1].

В 1973 году В. В. Орлов и Г. Г. Натансон написали пьесу «Они были актерами». В пьесе описываются события формирования, деятельности и гибели подпольной группы «Сокол», состоявшей из сотрудников Симферопольского русского театра драмы и комедии (ныне Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького, г. Симферополь) в 1941–1944 годах. В 1981 году вышел в прокат одноименный фильм по переработанному сценарию пьесы.

Афиша спектакля «Они были актерами» // Архив Крымского академического русского драматического театра имени М. Горького. URL: https://theatre-museum.ru/exhibit/31339688 (дата обращения: 20.06.2024).

В 1974 году выходит еще одна картина на тему героической обороны Севастополя (1941–1942 годы) – «Следую своим курсом». Действие фильма происходит в июне 1942 года, в центре повествования – судьба двух эсминцев («Дерзкий» и «Стремительный») и их экипажей, которые ценой своих жизней прорывались к осажденному Севастополю, чтобы доставить защитникам города оружие и боеприпасы, а на обратном пути забрать

[1] Козлов И. А. Герои крымского подполья // Красный Крым. 1948. 29 октября. № 215. С. 2.

раненных. В фильме (с целью укрепления преемственности идеалов и ценностей поколений русского народа) демонстрируются сцены спасения матросами экспозиции панорамы «Оборона Севастополя (1854–1855 годы)». Матросы с уважением и трепетом спасают предметы культурного наследия из горящего здания, а один из матросов, ради шутки одевший форму русского моряка времен Первой обороны Севастополя, не только рассмешил своих сослуживцев, но и воодушевил их, напомнив о героической истории города, в анналы которой им тоже суждено войти. Историю спасения экспозиции панорамы подтверждает М. Я. Олинский, который в справочнике «Исторические места и памятники Симферополя» пишет, что «моряки соседней воинской части, рискуя жизнью, спасли большую часть полотна, но оно оказалось настолько поврежденным, что восстановить его не было возможности»[1].

Другим примером советского фильма более позднего периода «развитого социализма» является «Аллегро с огнем» (1979) режиссера В. Стрелкова. Сюжет фильма сконцентрирован вокруг деятельности команды саперов Черноморского флота, выполняющих работы по обезвреживанию немецких морских мин. По мнению Т. В. Смирновой, «мина в фильме – не только механическое устройство для поражения, это еще и собирательный образ врага – безжалостного, неумолимого и смертельно-опасного»[2]. Несмотря на трудные отношения в коллективе, а также некоторую комичность отдельных героев, их упорство, смелость и самопожертвование вызывают эмпатию у зрителя, и сострадание к гибели каждого из них не просто как вымышленного обобщенного героя, но и отдельной личности, павшей жертвой кровопролитной войны.

Отметим, что фильмы конца эпохи правления Л. И. Брежнева вновь отходят от героической темы, возвращаясь к теме жертв войны, при этом

---

[1] Олинский М. Я. Исторические места и памятники Крыма. Симферополь, 1960. С. 42.

[2] Смирнова Т. В., Каримов А. А. Образ Севастополя периода Великой Отечественной войны в советском художественном кино // сборник материалов IV международного научного форума, 75-летию Крымской наступательной операции 1944 года и 5-летию воссоединения Севастополя и Крыма с Россией. Севастополь, 2019. С. 173.

продолжая фокусировать внимание на их индивидуальном, внутреннем мире. Фильм «В небе «ночные ведьмы»», снятый в 1981 году режиссером Е. Жигуленко, основан на реальных событиях и повествует о подвиге советских летчиц, которые во время Великой Отечественной войны (преимущественно ночью) бомбили позиции немецких войск. Сама режиссер Е. Жигуленко служила в этом авиаполку, поэтому она снимала фильм и как дань уважения павшим летчицам.

Героини фильма обладают противоречивыми характерами: с одной стороны, ими движут патриотические чувства, бесстрашие и желание мстить за павших товарищей, а с другой – сложность характеров, обострявшихся в условиях ведения боевых действий на двухместных У-2, часто приводила летчиц к личностным противоречиям и нарушениям дисциплины. Переломным моментом в сюжете становится появление в полку подростка Феди, которого летчицы спасли от смерти во время одного из вылетов.

Открытка черно-белая из набора «Актриса Валерия Заклунная (в центре). Кадры из кинофильмов. (8 фотоснимков)». Кадр из фильма «В небе ночные ведьмы» // ФГБУК «Государственный центральный музей кино» КП (ГИК):М-17058/1534 Номер в Госкаталоге:7844017 URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7956872 (дата обращения: 21.06.2024).

Федя становится не просто «сыном полка» – он олицетворил желание летчиц вернуться к мирной жизни, растить детей и воссоединиться с мужьями, также ушедшими на фронт. Каждая из них привязывается к подростку, воспринимая его как родного сына. Многие героини не доживают до конца войны, что наносит тяжелую травму самому Феде, уже потерявшему к тому моменту своих родителей и вынужденному преждевременно войти во взрослую жизнь. Обратим внимание на то, что фильм снимался «на натуре» в Крыму, там, где полк воевал зимой и весной 1944 года. Автором стихов к песне «Баллада о военных летчицах» стал поэт Е. Евтушенко.

Фильм «Цена возврата» (1983) повествует об одном из эпизодов жизни реальной исторической личности – советского разведчика Г. А. Майдеросова (1916–1944), в годы войны действовавшего под прикрытием (в качестве переводчика) в оккупационной комендатуре Феодосии и Ислам Терека (ныне пгт. Кировское). Сюжет фильма основан на истории о спасении Г. Майдеросовым похищенной немцами картины И. К. Айвазовского «Буря» и пересылке ее через партизан на «большую землю». Фильм характеризует главного героя как бесстрашного патриота, способного идти на смертельный риск не только для выполнения приказов от партизанского руководства, но и для реализации личной инициативы по спасению культурного наследия. Вопросы сохранения историко-культурного наследия в годы Великой Отечественной войны, поднятые в данном фильме, являются крайне актуальными и для современной культурной политики Республики Крым, ориентированной как на сохранение самого крымского наследия, так и на увековечивание памяти о людях, благодаря усилиям которых оно было спасено от разграбления и уничтожения в годы оккупации[1].

Несмотря на то, что подтверждения факта участия конкретно Г. Майдеросова в подобной операции в крымских архивах обнаружить пока

---

[1] Борунов С. С., Шилова Л. В. Проблемы утраты и сохранения объектов историко-культурного наследия Крыма в годы Великой Отечественной войны // Таврические студии. 2022. № 32. С. 70.

не удалось, отметим, что подобные сюжеты находили реальное подтверждение и в советской крымской прессе. В частности, в газете «Комсомольская правда» от 19 сентября 1987 года была опубликована статья В. Веселовского «Трюмы, полные сокровищ», в которой описывался план немецких оккупантов по вывозу ценных древних артефактов из музея Херсонеса, включая античную плиту с грифоном и мраморный аканф в период оккупации Крыма. Часть из музейных экспонатов, по мнению автора статьи, предназначалась в дар лично фельдмаршалу Э. Манштейну. Однако главный хранитель музея А. К. Тахтай сумел предотвратить вывоз этих экспонатов, и они остались в музее[1].

Факты спасения объектов культурного наследия можно найти в фондах Государственного архива Республики Крым – то есть эти факты не являются художественным вымыслом, а имеют документальное подтверждение. В частности, эту деятельность осуществлял А. И. Полканов – сначала заместитель директора музея панорамы «Штурм Перекопа», а с 1941 года – директор Краеведческого музея в Симферополе[2]. В итоге подпольной работы сотрудников музея (о чем свидетельствуют крымские архивы) удалось спасти от разграбления «<…> полностью отдел природы, отдел археологии / кроме некоторых дублетных фрагментов античной посуды, почти весь отдел этнографии, все музейные фонды и всю библиотеку «Таврику», в которой имелись уникальные книги по Крыму, относящиеся к концу XVI века, XVII-му, XVIII-му, началу XIX-го веков»[3]. В качестве директора Краеведческого музея А. И. Полканов внес большой вклад в спасение экспонатов музея от вывоза в Германию и в последующие годы оккупации Крыма: им были спасены картины и архив заслуженного деятеля искусств РСФСР К. Ф. Богаевского, картины и портреты Айвазовского из квартиры его вдовы, большая нумизматическая коллекция феодосийского краеведческого музея,

---

[1] Веселовский В. Трюмы, полные сокровищ // Комсомольская правда. 1987. 19 сентября. № 218. С. 4.

[2] ГА РК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 285 Л. 3.

[3] Там же. Л. 3.

картины известных русских художников из Русского Музея, находившихся временно на выставке Алупкинского музея.

Примечательна также роль А. И. Полканова в спасении караимского народа от Холокоста, указанная в фондах ГА РК: «Однажды в начале 1942 года пришел в музей вышеуказанный профессор Карасэк, который потребовал из библиотеки «Таврика» материалы о происхождении караимов, т.к. сами утверждают, что они тюрки. А наш служащий русский доказывает, что они евреи. К счастью, у директора музея была работа о происхождении караимов, заказанная пред войной редакцией сборника «Народы Мира» Академии Наук СССР. <…> Тогда профессор Карасэк сказал: «Перепечатайте и доставьте мне не позже двух недель. Если Ваша работа меня убедит, – тогда караимы будут жить <…>»[1]. Работа была сдана вовремя, решение об уничтожении караимского народа было отменено, хотя к тому времени многие из караимов Алушты и Краснодара уже были убиты.

Можно сказать, что эпизоды рассматриваемого нами фильма «Цена возврата», изображающие грабежи крымских музеев, направленные на обогащение частных коллекций отдельных оккупационных чиновников и военных, не случайны и имеют серьезное документальное подтверждение – в частности фондах ГА РК: «<…> Вскоре в музей с инспекцией приехали представители комиссии Розенберга для оценки музейных экспонатов и их дальнейшим вывозом в Германию или уничтожением»[2]. Помимо официальной переписи и оценки экспонатов, немецкие офицеры также грабили музей и для личных целей. По свидетельству А. И. Полканова, «<…> лейтенант Карасэк похитил несколько старинных икон из фонда музея, несколько филигранных сувениров и детских игрушек. Лейтенант гестапо Кэк захватил для подарка своему генералу десятка два ракушечных изделий. Зондерфюрер отдела пропаганды лейтенант «доктор» Манс (сотрудник Венского музея народоведения) стащил некоторые количества татарских

[1] ГА РК. Ф. Р-3814. Оп. 1 Д. 285 Л. 5.
[2] Там же. Л. 6.

вышивок, тканей и медной национальной посуды, а из отдела соцстроительства – некоторые бытовые предметы…»[1].

Возвращаясь к содержанию фильму «Цена возврата», следует отметить созданный в фильме трагикомичный образ Генки-Канделябра (роль исполнил В. А. Ильин). Осужденный до войны советским судом за кражу со взломом, Генка тем не менее не стал коллаборационистом, а остался верным Родине гражданином, покаявшимся в своих преступлениях, добровольно вставшим в ряды партизан и принявшим героическую смерть. В общении с подпольщиком Полищуком Генка так объясняет свою мотивацию: «…если я разок-другой побаловался со сберкассой, то значит у меня совсем душа низкопробная?!.. <…> может, у меня интерес заодно с тобой есть. Может, у меня руки чешутся с ними счеты свести?.. Что я в канаве родился, не моя тут земля? Не вижу, что эти гады творят?». Такой персонаж является первым примером изображения в кино о Крыме положительного образа бывшего преступника, способного на саморефлексию, раскаяние и самопожертвование. Это показывало приоритет патриотических ценностей в системе социальных, что и было отражено в фильме.

IV этап (1984–1991) репрезентации событий Крымского фронта Великой Отечественной войны в советском киноискусстве знаменует собой радикальное ценностное переосмысление войны. Героико-патриотический нарратив отходит на второй план, уступая место трагизму, экзистенциальным вопросам и критическому взгляду на послевоенную действительность. Так, снятый в 1984 году фильм «Без права на провал» режиссера Е. А. Жигуленко, как и фильм «Грозные ночи» (1960), вновь возвращает нас к попыткам советских разведчиков выследить и уничтожить сверхтяжелое артиллерийское орудие «Дора», обстреливавшее осажденный Севастополь. Однако данная кинолента, снятая при участии ветерана партизанского движения Л. Г. Северского, значительно отличается от предыдущей картины. Фильм отражает веяния последних лет «развитого социализма»: само

[1] ГА РК. Ф. Р-3814. Оп. 1 Д. 285 Л. 4.

повествование, в отличие от аналогичного фильма 1960 года, потеряло приключенческий характер, тема героизма отходит на второй план, уступая место жертвенности и трагичности судеб главных героев. Это подчеркивается таким важным элементом коммеморации крымских событий Великой Отечественной войны в данном фильме, как снятие табу с темы голода в партизанском движении Крыма (1942–1943 годы).

Фильм обращает внимание на тяжелый быт и безвыходное положение партизан. Командир партизанского отряда (роль исполнил А. Булейко), заслушивая доклады подчиненных, требует внести в протокол следующие факты: «…о наших героических делах, Иван, не нам судить. Ты вот лучше запиши… за последние 20 дней у нас скончалось от голода 10 человек…». Один из главных героев фильма, подросток-партизан Василек, открыто высказывает негодование тем, что партизаны потеряли боеспособность: «…Воевать, воевать… Да разве мы воюем? Подыхаем! Ни связи, ни еды…».

Фильм акцентирует внимание именно на Васильке, подростке, добровольно, из патриотических чувств вступившего в партизанский отряд и наравне с взрослыми испытавшего ужасы войны, нечеловеческие условия жизни, страх и сомнения, но переборовшего себя и внесшего свой героический вклад в Победу. Фильм лишен идеологических штампов и прежних возвышенных лозунгов и излишней театральности. В нем показана сама суть этой борьбы, которую пришлось пережить и отрефлексировать в данной кинокартине ветеранам войны: режиссеру Е. А. Жигуленко и автору сценария Л. Г. Северскому.

Характерным для этого этапа кино о войне на полуострове стал фильм «Второй раз в Крыму» (1984). Фильм представляет историю отставного генерала, ветерана Великой Отечественной войны, вернувшегося в Крым на отдых в санатории. Путешествие по знакомым местам, где он до войны проводил время с семьей, приводит его к болезненным воспоминаниям, конфликтам с другими ветеранами-сослуживцами, попыткам найти в незнакомом подростке отражение своего погибшего сына. История фильма

раскрывает нелицеприятную сторону послевоенной жизни ветеранов, для которой были характерны: посттравматический синдром, чувство одиночества, повсеместное хамство и безразличие, проявляемое к ним со стороны подрастающего поколения, не знавшего и не интересующегося прошедшей войной.

Сцена из фильма. Слева направо: персонаж Лусия (актриса Е. Финогеева), персонаж Сергей Князев (актер Г. Юматов), персонаж Виктор (актер А. Ломов) // ФГБУК «Государственный центральный музей кино» ГЦМК КП-21255/4 Инвентарный номер: Ф-9881/4 URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46412033 (дата обращения: 20.06.2024).

Другим, характерным для IV этапа стал фильм «Сошедшие с небес» (1986). Данная кинолента хоть и имеет сходную тему с фильмом «Улица младшего сына» – тему обороны Аджимушкайских каменоломен, однако описывает события с позиции двоих влюбленных, чьи судьбы были разрушены войной. Фильм акцентирует внимание не столько на героизме советского народа и самой войне, сколько на ее последствиях в виде разрухи, несбывшихся надежд, неустроенности, депрессии, бандитизма и безработицы.

Подытоживая исследование советского периода репрезентации событий Крымского фронта Великой Отечественной войны в киноискусстве следует отметить, что советское кино служило инструментом

государственной политики памяти. Его художественный язык и основной нарратив трансформировались в соответствии с духом эпохи.

Героико-патриотический нарратив I этапа (1944–1953) постепенно уступил место виктимной драматургии II этапа (1953–1966), затем, на III этапе (1966–1984) вновь происходит возврат к героико-патриотическому нарративу. Завершается советский период IV этапом (1984–1991), ставшим временем критического переосмысления и деструктивной десакрализации подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, репрезентация крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в советском киноискусстве прошла путь от материального носителя культурной памяти, консолидировавшего и укреплявшего культурную идентичность советского народа, до своеобразного «камня преткновения» и символа распада советской системы ценностей в конце 1980-х годов.

Снятые в *постсоветский (украинский) период* (1991–2014) сериалы и фильмы о событиях Великой Отечественной войны в основном не отличаются большой художественной ценностью и были, скорее, рассчитаны на массового потребителя. Однако существуют все же исключения, одним из которых можно назвать совместный российско-украинский фильм «Битва за Севастополь» (2015 год). Несмотря на то, что сюжет фильма основан на биографии снайпера Людмилы Павличенко, а события обороны Севастополя показаны лишь в отдельных эпизодах фильма, крымские события все же имеют большое значение, конкретизируя представления о человеческой судьбе во время Великой Отечественной войны. Сами авторы определяли свою работу как «психологический фильм-биография о трагической судьбе женщины на войне»[1]. Интересной чертой данной киноленты является ее нейтральность: фильм практически лишен привычных стереотипов постсоветского военного кино, поскольку ее создатели не злоупотребляют

[1] Степанян О. Елена Мокрицкая: «Мы один народ и не должны об этом забывать»: беседа с продюсером фильма «Битва за Севастополь» Н. Мокрицкой // Курьер культуры: Крым-Севастополь. 2015. № 7. С. 6.

спецэффектами и стараются избегают как просоветских, так и антисоветских идеологических штампов. Более того, нельзя не отметить попытку авторов фильма внести вклад в примирение народов России и Украины посредством киноискусства. Фильм политически не ангажирован, структура повествования включает в себя как русских, так и украинских персонажей, объединенных единой целью – защитой Родины[1].

Отдельным жанром кино о Крыме в постсоветский период украинского кино стала тема депортации крымскотатарского народа. Об этих трагических событиях был снят знаковый для своего периода фильм «Хайтарма», вышедший на экраны в 2013 году, впервые показавший историю жизни летчика дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана через призму его чувств и переживаний относительно трагедии своего народа. На церемонии вручения кинопремии «Ника» 1 апреля 2014 года в Москве первый художественный фильм, показывающий героизм представителя крымскотатарского народа в Великую отечественную войну – «Хайтарма» – занял первое место в номинации «Лучший фильм стран СНГ и Балтии»[2].

Следующим на тему депортации стал украинский фильм «Чужая молитва», вышедший в 2017 году. Кинокартина повествует о жизни Сейде Арифовой, крымской татарки, в годы оккупации Крыма спасавшей еврейских детей от Холокоста.

Отметим, что в это же время (1991–2014) российское киноискусство о Крымском фронте Великой Отечественной войны также характеризуется снижением количества снятых фильмов на данную тему при общем возрастании интереса в российском обществе к мемориальному наследию Великой Отечественной войны. Жанровое разнообразие российского кино о Крыме значительно сузилось, новых идей в интерпретации и художественном отображении событий представлено не было, а их эстетические и образовательно-воспитательные качества практически

[1] Коленский А. Она сражалась за Севастополь // Культура: духовное пространство русской Евразии. 2015. 13–19 марта. № 9. С. 5.

[2] Фильм «Хайтарма» получил «Нику» // Голос Крыма. 2014. 4 апреля. № 14. С. 1.

нивелировались в сравнении с произведениями киноискусства советского периода.

По мнению Д. А. Ананьева, «в последние десять-пятнадцать лет российские кинематографисты пытаются заинтересовать военной темой «массового» зрителя, делая ставку на захватывающий сюжет, масштабные батальные сцены, активно используя спецэффекты, компьютерную графику и т.п.»[1]. Тема Великой Отечественной войны в те времена перестала отражаться в киноискусстве как особо болезненная тема, требующая глубокой рефлексии и обсуждения в обществе. Среди таких фильмов «нового кино» о Крымских событиях Великой Отечественной войны можно назвать следующие фильмы и сериалы: Сериал «Диверсант 2: Конец войны» (2007), фильм «Покер-45: Сталин, Рузвельт, Черчилль» (2010), Сериал «Ялта-45» (2012), сериал «Ночные ласточки» (2013), «Диверсант: Крым» (2020).

Современный (российский) период репрезентации событий Крымского фронта Великой Отечественной войны, начавшийся после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году, демонстрирует тенденции возврата к традиции советского киноискусства в аспекте акцентирования внимания на героических страницах истории обороны и освобождения Крыма (например, игровой фильм «Отряд светлячков», реж. С. Мареев, 2023 год, сериал «Черное море», 2020 год, и сериал «Истребители: битва за Крым» режиссера А. Сиверса, 2024 год). При этом современное российское киноискусство также некую тенденцию к усилению виктимного нарратива мемориализации событий Великой Отечественной войны – в частности, обращаясь к историям и судьбам жертв нацизма (например, в российском кино приобретает все большую популярность тема Холокоста).

Рассматривая кинокартины о Великой Отечественной войне, снятые в постсоветский (украинский) и современный (российский) периоды, следует отметить, что трактовка данной темы стала причиной «мемориального

[1] Ананьев Д. А. Великая Отечественная война в освещении советского и российского кинематографа: основные тенденции и проблемы // Международный журнал исследований культуры. 2020. №. 4. С. 38.

конфликта» между Украиной и Россией. Несмотря на то, что в конкретных украинских и российских кинокартинах, затрагивающих мемориальное наследие Крымского фронта Великой Отечественной войны, противостояние двух концепций культурной политики памяти (украинской и российской) обнаруживается не так очевидно, скорее завуалированно, следует отметить, что «мемориальный конфликт» явно прослеживается в других кинокартинах о Великой Отечественной войне.

Например, в украинских фильмах «Вишневі ночі» (1992) «Стрaчені світанки» (1996), «Нескорений» (2000), «Залізна сотня» (2006), предпринимаются попытки реабилитации украинских антисоветских националистических движений (ОУН-Б, УПА). Российское киноискусство того же периода демонстрирует обратное стремление – к дегероизации данных националистических движений и возврату героико-патриотического нарратива культурной памяти о Великой Отечественной войне. В качестве примеров современных российских фильмов и сериалов, в которых присутствует тема аморальности и преступности «бандеровского подполья», можно привести следующие: «Мы из будущего» (2008) и «Мы из будущего 2» (2010) и сериал «Операция Карпаты» (2024–2025).

Украинское киноискусство того времени, следуя этноцентричной концепции политики памяти, характеризовалось фокусировкой внимания не только на противоправных действиях Советского государства в отношении крымскотатарского и других депортированных народов Крыма, но и на уравнивании «советского и нацистского режимов». Тем самым пересматривались результаты Нюрнбергского процесса и разрушалась моральная основа культурной памяти о Великой Отечественной войне как о справедливой оборонительной, и подвиге многонационального советского народа, объединившегося для достижения Великой Победы.

Таким образом, исходя из анализа репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в кино постсоветского периода, украинского и российского, можно сделать общий

вывод о том, что данный период характеризуется поляризацией точек зрения о событиях Великой Отечественной войны в зависимости от исторических и политических условий. Можно выделить два существовавших параллельно способа отображения событий войны: 1) украинский и 2) российский (оба, в контексте изучения произведений киноискусства, рассматриваются, начиная с 1991 года и по настоящее время).

В украинском кино, в соответствии с государственной политикой памяти Украины (доминирование концепции этноцентризма), обращалось особое внимание на тему депортаций народов и репрессий, проводимых советской властью, и тему противостояния личности и тоталитарной системы. В российском кино, наоборот, акцентировалось внимание на героических страницах истории обороны и освобождения Крыма. Однако современное российское кино также имеет тенденцию к усилению внимания на виктимной стороне истории Великой Отечественной войны жертв нацизма.

Многие исторические события Великой Отечественной войны в Крыму – в частности, героическая оборона Перекопского и Чонгарского перешейков и другие боевые действия в Крыму (кроме обороны Севастополя) 1941–1942 годов – не получили отражения в киноискусстве. Не было сняты фильмы о многих выдающихся событиях Крымского фронта, как: Евпаторийском, Судакском, Коктебельском тактических десантах, Керченской катастрофе и т.д. В кино также не были освещены темы массовых казней мирного населения в Старом Крыму, Багеровском рву, Красной горке и на трассе Симферополь-Феодосия, в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный» и пересыльных лагерях «Картофельный городок», лагерях в Камышовой и Стрелецкой бухтах Севастополя и его окрестностей, а также о целом ряде сожженных крымских сел. При этом, на фоне недавно вышедших при поддержке Фонда кино картин «Праведник» (2023), «Т-34» (2019), «Собибор» (2018), «Девятаев» (2021), «Рай» (2017), «Свидетели» (2018) можно отметить явно выраженную

тенденцию увеличения интереса как со стороны кинорежиссеров, так и государства к теме жертв нацистских концлагерей – узников гитлеровского режима.

Данная тенденция имеет шансы получить развитие и в Крыму. В частности, в начале 2024 года Центр развития киноиндустрии имени Кира Булычева заявил о начале работ по созданию художественного фильма о нацистском лагере смерти «Красный» (на данный момент какая-либо подробная информация о готовящемся проекте отсутствует, так как он находится на стадии предпроизводства[1]).

Таким образом, репрезентация крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в советском, украинском и российском киноискусстве имела и имеет большое значение в формировании культурной памяти, культурной идентичности и общественного сознания в соответствии с доминирующими идеологическими парадигмами. Анализ репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в произведениях киноискусства позволяет выявить специфику этой репрезентации.

Репрезентация крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в советском киноискусстве имеет следующие особенности:

– подчинение киноискусства задачам государственной пропаганды и патриотического воспитания, соответственно историческим и политическим условиям, использование его в целях легитимации культурной политики памяти и формирования образа единого советского народа-победителя как основы советской культурной идентичности;

– преобладание в репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны ключевых событий Крымского фронта;

---

[1] Макеев Д. В Крыму снимут художественный фильм о трагедии концлагеря «Красный» // РИА новости Крым. URL: https://crimea.ria.ru/20240120/v-krymu-snimut-khudozhestvennyy-film-o-tragedii-kontslagerya-krasnyy-1134328222.html (дата обращения: 25.05.2024).

– активное привлечение ветеранов и участников крымских событий Великой Отечественной войны в качестве консультантов и сценаристов в процессе съемок соответствующих кинокартин. Это повышает ценность соответствующих кинокартин носителей мемориального наследия Великой Отечественной войны;

– динамичность преобразования художественного языка, находившегося в прямой зависимости от смены парадигм культурной политики памяти: монументальным, идеализированным кинокартинам сталинской эпохи пришли на смену более «личностные», проникнутые «психологизмом драмы» фильмы периода «оттепели», фокусирующиеся на индивидуальных судьбах. На смену кинокартинам эпохи «оттепели» в период 1960-х–1970-х годов приходит батальное кино, эпический язык которого вновь смещает фокус внимания на героико-патриотический нарратив. Последним изменением в киноискусстве советского периода становится «перестроечное» кино середины 1980-х – начала 1990-х годов, характеризующееся кардинальным поворотом в репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны, что выразилось в: осуждении советской власти и советской действительности, постепенной десакрализации подвига советского народа в Великой Отечественной войне, постепенном отказе от героико-патриотического нарратива, смещении внимания на социально-бытовые проблемы, ощущения безысходности, депрессии и разочарования в советском общественно-политическом строе.

Репрезентация крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в постсоветском (украинском) киноискусстве (1991–2014 годы) имеет такие особенности:

– резкое снижение количества и качества фильмов на темы героических событий Крымского фронта Великой Отечественной войны, коммерциализация киноискусства и частичная утрата его ценности как части мемориального наследия и фактора формирования культурной идентичности;

– фрагментация кинопространства и зарождение «мемориальных конфликтов»: основной акцент украинское киноискусство делает на виктимных нарративах, с постепенным ослаблением героико-патриотических, и «этнизацию» памяти, часто подкрепляющаяся критикой советского прошлого;

– появление в кризисный период (с 2014 года) небольшого количества совместных российско-украинских кинопроектов, призванных восстановить общую культурную идентичность россиян и украинцев посредством обращения к мемориальному наследию Великой Отечественной войны, однако не оказавших существенное влияние на формирование общей культурной памяти вследствие их немногочисленности;

Репрезентацию крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в современном (российском) киноискусстве (с 2014 года – по настоящее время) отличает:

– целенаправленное возрождение интереса к теме Великой Отечественной войны в Крыму как части общероссийской культурной политики памяти и способа консолидации общества на основе репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны;

– наличие целенаправленного государственного и негосударственного финансирования кинопроектов, представляющих мемориальное наследие Великой Отечественной войны в Крыму, повышение заинтересованности в производстве патриотических кинокартин на данную тему;

– синтез героико-патриотического и виктимного нарративов культурной памяти, освещение подвига многонационального советского народа при параллельном развитии темы жертв нацизма;

– использование возможностей кино как инструмента легитимации российского политического статуса Крыма и противопоставления украинскому этноцентрическому нарративу культурной памяти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кино о событиях Великой Отечественной войны в Крыму никогда не выступало в качестве

нейтрального отражения прошлого, являясь формой репрезентации крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны, инструментом укрепления культурной памяти и культурной идентичности крымчан и всего российского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая итоги диссертационного исследования, можно констатировать, что крымское мемориальное наследие Великой Отечественной войны выступает ключевым элементом культурной политики памяти, формирования культурной идентичности, единения российского народа, сохранения и укрепления российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Комплексный анализ его репрезентаций в советском, постсоветском и современном периодах позволил прийти к следующим результатам.

Мемориальное наследие рассмотрено как комплекс материальных и нематериальных ценностей, практик и символов, целенаправленно созданных с целью фиксации, сохранения, интерпретации и трансляции культурной памяти, оказывающей существенное влияние на формирование культурной идентичности и ценностных ориентаций общества, о значимых для нации, этносов, социальных групп исторических событиях, личностях, явлениях. При этом следует учитывать, что значимыми событиями могут выступать не только те, что оказали существенное позитивное влияние на историческое развитие общества, но и те, которые воспринимаются как трагические, социально-конфликтные («культурная травма»), однако, с целью укрепления культурной идентичности, требующие осмысления и переосмысления.

Мемориальное наследие является важным элементом формирования региональной культуры и культурной идентичности, выполняя не только функцию сохранения исторического опыта, но и становясь инструментом социокультурной регуляции. Изучение мемориального наследия Великой Отечественной войны в региональном контексте представляется актуальным в связи с его социокультурной ролью как ключевого фактора сохранения российской культурной идентичности населения Крыма в постсоветский (украинский) период.

Анализ теоретических подходов к изучению мемориального наследия демонстрирует его двойственную природу: с одной стороны, мемориальное наследие – это динамичная система, аккумулирующая материальные и нематериальные формы культурно-исторической памяти, с другой – объект политических и идеологических интерпретаций, чья актуальность определяется текущими общественными запросами.

Определение баланса между сохранением аутентичности культурного наследия и его адаптацией к вызовам глобализации представляется важным в контексте современных цивилизационных процессов, с учетом особенностей их политико-идеологического противостояния. Региональная специфика осуществления мемориальных практик в Крыму подчеркивает важность репрезентации локальной культурной идентичности (сочетающей в себе полиэтнические особенности региона, а также историко-политические особенности, отразившиеся в региональной культурной памяти и связанные с необходимостью включения ее после 2014 года в общенациональный нарратив). Особо важное значение мемориальные практики приобретают в условиях усиления социокультурных и политических угроз, с которыми сталкивается Россия в настоящее время (санкционное давление, преграды в межкультурном взаимодействии с другими странами и т.п.).

Тема сохранения мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму является фундаментальной: данная тема имеет особый статус в общественном, научном и образовательном дискурсах и оказывает существенное влияние на формирование культурной идентичности крымчан.

В ходе проведения сравнительного анализа исторической динамики репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму были выявлены особенности данной репрезентации в соответствующих исторических периодах.

Характерными чертами репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму в советский период являются: концентрация внимания на формировании единой надэтнической общности

«советский народ»; использование памяти о Великой Отечественной войне как инструмента всенародного единения; недостаточное отражение в коммеморативных практиках индивидуальной и этнической трагедий советских граждан, при общем доминировании героико-патриотического нарратива. В советский период в Крыму была сформирована целостная, идеологически детерминированная культура памяти, характеризовавшаяся наличием внутренней логики, аксиоматичностью и наличием табуированных тем и подчеркнутой идеологизированностью общественных дискуссий. Это с одной стороны позволяло скрыть «мемориальные конфликты», а с другой – не решало их, что выразилось в пагубных последствиях в виде их нарастания в 1980-х годах.

Постсоветский (украинский) период кардинально отличается от советского подхода к репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в целом и Крыму – в частности. Вместо единого героико-патриотического нарратива в данный период происходит фрагментация культурно-исторической памяти и появление концепции этноцентризма, вызвавшей «мемориальный конфликт» в украинском обществе. Украинская культурная политика памяти сместила внимание в сторону этнизации памяти, что выразилось в выдвижении на первый план виктимности отдельных народов (украинцев, крымских татар, греков, болгар и др.) и их травматического опыта. Это привело к конфликтности нарративов: наряду с признанием преступности политики Советского Союза в отношении депортированных народов Крыма, пересмотру стал подвергаться и общесоюзный подвиг в Великой Отечественной войне, а в ряде случаев память о войне стала полностью замещаться памятью о сталинских репрессиях. Данное противоречие стало структурной основой для последующего развития «мемориальных конфликтов» как на региональном крымском, так и на всеукраинском уровне.

Современный (российский) период истории Крыма характеризуется культурной политикой памяти, объединяющей героико-патриотический и

виктимный нарративы. Она включает в себя элементы советского наследия, сохраняя значимость Дня Победы, но добавляет признание ранее табуированных этнических трагедий. Современная российская культурная политика памяти стремится интегрировать виктимный нарратив в общую концепцию подвига и жертвенности многонационального советского народа. Эффективность новой культурной политики памяти, направленной на примирение и преодоление прошлых конфликтов на основе общей истории, подтверждается, в частности, активным вовлечением местного населения в проведение памятных мероприятий (День Победы 9 мая, День освобождения Симферополя 13 апреля и др.), флешмобов («Зажги свечу памяти» в г. Симферополе, факельное шествие к горе Митридат в г. Керчи, «Свеча памяти» в г. Севастополе и др.) и т.п., в волонтерскую и поисковую деятельность, направленную на сохранение памяти о Великой Отечественной войне (что отразилось в деятельности организаций «Волонтеры Победы», «Десант Победы», «Крымский Рубеж», «Бессмертный полк» и др.). Популяризация мемориального наследия Великой Отечественной войны в Крыму также обеспечивается развитием военно-исторического туризма, путем создания соответствующих туристских маршрутов (например, «Партизанская тропа» на Долгоруковской яйле) и музейных кластеров (например, строительство музейного комплекса, посвященного Первой и Второй Обороне Севастополя в г. Севастополе).

Охрана и популяризация мемориального наследия Великой Отечественной войны как элемента культуры Крыма обеспечивается реализацией положений ряда указов Президента Российской Федерации – в частности, Указа об объявлении 2020 года «Годом памяти и славы» и Указа об объявлении 2025 года «Годом защитника Отечества», а также реализацией Указа Президента Российской Федерации от 21.04.2014 № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». В настоящее время, в целях коммеморации

событий Великой Отечественной войны, осуществляется финансирование и реализация реставрационных работ (Обелиск Славы в г. Керчь, мемориальный комплекс «Аджимушкай», воинское кладбище на территории Ханского дворца в г. Бахчисарае, мемориал «Красная горка» в г. Евпатории и другие) и сооружение новых мемориальных комплексов (Мемориал «Концлагерь “Красный”» в с. Мирное, Симферопольского района, мемориал «Картофельный городок» в г. Симферополе, экспозиция «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в музее «Истории Крыма и Новороссии» и музейный комплекс Первой и Второй Обороны Севастополя на мысе Хрустальный в г. Севастополе).

Характерной особенностью сохранения и развития мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма в постсоветский (украинский) период стало фактическое отсутствие действенных мер со стороны власти по защите мемориального наследия войны в 1990-х – начале 2000-х годов и противоречивость культурной политики Украины по отношению к коммеморации событий Великой Отечественной войны.

Однозначно положительной можно назвать роль В Крыму местных органов власти и общественных организаций, осуществлявших в то время деятельность, направленную на сохранение памяти о Великой Отечественной войне и (впервые после распада СССР) актуализацию темы защиты и реабилитации народов Крыма, депортированных в 1944 году. Находившиеся в забвении (в советский период) герои войны – партизаны и подпольщики, воины Красной Армии и флота – представители этносов, подвергнувшихся депортации, обретают мемориалы в крымских городах, их личности обсуждаются на научно-практических конференциях, находят отражение в искусстве и научных исследованиях.

В середине 2000-х годов, с приходом к власти в Украине представителей радикально-националистических движений, в украинском и крымском обществе усиливаются противоречия относительно развития культурной политики памяти. Существенную роль в этом процессе сыграл

специально созданный Украинский институт национальной памяти, внедрявший новую концепцию «этноцентризма», в частности включающую в себя отказ от советской мемориальной культуры в пользу этноцентрической и антисоветской, что закономерно не нашло поддержки у населения Крыма.

После воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией в ходе событий «Крымской весны» 2014 года, на крымском полуострове вновь происходит усиление культурной политики памяти в контексте общероссийской: происходит всплеск народного интереса к событиям Великой Отечественной войны, значительно увеличивается финансирование памятнико-охранной деятельности, а также осуществляется строительство новых мемориалов (первым из которых стал мемориал «Концлагерь “Красный”», открывшийся в 2015 году). Продолжается процесс активной реабилитации депортированных народов Крыма: увековечение памяти о героях Великой Отечественной войны находит отражение в президентских указах о присвоении им посмертных наград (например, присвоение звания Героя Российской Федерации А. Абденнановой) и мемориализации их личностей в виде сооружения памятников и включения изучениях их биографий в программы обучения крымских школ и высших учебных заведений (например, биографий дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана, комиссара Южного соединения партизан Крыма Мустафы Веисовича Селимова и других).

Репрезентация мемориального наследия Великой Отечественной войны в крымских газетах («Крымская правда», «Советский Крым», «Комсомольская правда», «Курортная газета», «Слава труду», «Крымский комсомолец», «Коммунист», «Труд»), республиканских («Правда Украины») и всесоюзных («Известия Советов народных депутатов СССР») имела следующие характерные особенности:

– после войны советские газеты активно освещали судебные процессы над военными преступниками – немецкими нацистами и местными коллаборационистами (например: Мюнхенский процесс в 1968 году,

заседания республиканской комиссии по расследованию преступлений, совершенных гитлеровцами на территории совхоза «Красный», в 1970 году, Симферопольский процесс 1964 года, Краснодарский процесс в 1967 году и так далее) в качестве способа коммеморации событий войны, обеспечивая таким образом формирование общественного консенсуса относительно продолжения поиска и наказания военных преступников;

– советская пресса использовала данную тему, в том числе и для критики «Запада» и формирования образа врага, что позволяло внедрять в общественное сознание внешнеполитический и идеологический дискурс СССР. Так, в публикации Б. Богданова «Их отравили газами. О зверствах Хойзингера», напечатанной в газете «Крымская правда» (1961), тема Великой Отечественной войны перекликалась с послевоенным противостоянием стран-участниц ОВД и НАТО. В статье Д. Герасимова «Пепел погибших стучит в сердца», опубликованной в газете «Правда Украины» (1970), автор проводит параллель между действиями нацистских военных формирований в годы Великой Отечественной войны с действиями американской армии во Вьетнаме.

После распада Советского Союза крымская пресса подверглась существенной трансформации: государственный контроль над печатными новостными изданиями был значительно ослаблен, что привело к развитию плюрализма мнений и активным общественным дискуссиям. Негативным фактом в контексте изучения темы Великой Отечественной войны стал спад интереса к данным событиям вследствие отсутствия государственного заказа и целенаправленной культурной политики по популяризации темы увековечивания событий Великой Отечественной войны. Несмотря на активные попытки крымских журналистов, направленные на привлечение внимания общества и правительства к проблемам вандализма и разграбления памятников Великой Отечественной войны, а также к проблеме несанкционированных раскопок и продажи имущества, похищенного из солдатских захоронений, в связи с экономическим кризисом и общей

ориентацией населения на решение текущих вопросов социально-экономической неустроенности в 1990-х – начале 2000-х годов, данные газетные публикации не оказывали существенного эффекта на решение проблем.

Начиная с середины 2000-х годов, с усилением внутриполитического конфликта в украинском обществе, интенсифицируется и процесс политизации крымских газет (среди крымских газет, принимавших активное участие в обсуждении культурной политики памяти Украины, следует отметить: «Голос Крыма», «Крымская газета», «Крымские известия», «Крымское время», «Крымская правда», «Общественно-политическая газета», «Боспор»). Практически все публикации на тему Великой Отечественной войны в крымских газетах в период с 2006 по 2014 год в большей или меньшей степени затрагивали осуждали изменение вектора культурной политики памяти Украины в сторону фальсификации истории и этноцентризма.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году в крымских газетах, особенно в первые годы после событий «Крымской весны», тема увековечивания памяти Великой Отечественной войны является приоритетной, что объяснимо с политической точки зрения – тема Великой Отечественной войны заняла центральное место в идеологическом противостоянии двух культурных концепций памяти: российской и украинской.

В публикациях крымских газет, затрагивавших тему увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в Крыму, решались задачи фиксации в общественном сознании бесповоротного разрыва с украинской концепцией памяти и возврата к советским традициям коммеморации и трактовки событий Великой Отечественной войны, развиваемых (с поправкой на современность) в современной российской культурно-политической практике.

Репрезентацию крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны в советском киноискусстве, как элемента визуальной культуры, можно назвать комплексной и неординарной. Несмотря на малое количество кинокартин, снятых на тему Крымского фронта, каждая из них представляет собой культурный и социальный срез эпохи, в которой она была снята. Советское кино, посвященное событиям Великой Отечественной войны, в частности, затрагивавшее тему Крымского фронта, на выделенных в диссертации 4 этапах претерпевало идеологические изменения – от пафосного, часто с юмористическими элементами киноискусства I этапа (1944–1953) (например, фильмы «Малахов курган» и «Я – Черноморец» (1944) и «Третий удар» (1948)), акцентировавшего внимание в первую очередь на подвиге советского народа и его единстве с партией, – до более «личностного» кино II этапа (1953–1966), ставившего первоочередной задачей изображение индивидуальной человеческой судьбы на фоне событий Великой Отечественной войны и Великой Победы. Такая тенденция углубленного изучения внутреннего мира героев ярко выражена в фильмах «Трое суток после бессмертия» (1963), «До свидания, мальчики» (1964) и «Прощай» (1966). В центре внимания советских кинорежиссеров указанного периода становится личная мотивация героев, их сложный характер и душевные переживания.

На III этапе (1966–1984) происходит возврат к героической составляющей темы Великой Отечественной войны: снимаются зрелищные крупнобюджетные батальные кинокартины, а также героико-биографические фильмы об отдельных знаковых личностях – среди картин такого жанра можно выделить двухсерийный фильм «Море в огне» (1970). На завершающем IV этапе (1984–1991) в советском киноискусстве заметно усиливается разочарование в советской идеологии и действительности. На первый план в «перестроечном» кино выходят бедственное положение ветеранов войны, проблемы воспитания и безразличия молодежи, распад системы ценностей и мировосприятия «советского человека». Среди

фильмов на такую тему можно отметить «Второй раз в Крыму» (1984) и «Сошедшие с небес» (1986).

Кино о Великой Отечественной войне после распада СССР претерпело идеологическое разделение: украинский киноискусство целенаправленно порочило Советский Союз, формируя ложную парадигму сознательного приравнивания советского строя к нацистскому режиму в Германии. Это приводило к разрушению советской концепции культурной политики памяти и возникновению «войн памяти» как внутри украинского общества, так и между Украиной и другими государствами на постсоветском и постсоциалистическом пространстве. Украинское кино акцентировало внимание на трагедиях депортированных народов («Хайтарма», 2013 год; «Чужая молитва», 2017 год), постепенно ослабляя нарратив о героической борьбе и подвиге советских граждан в годы войны (в качестве исключения можно отметить фильм «Битва за Севастополь» российско-украинского производства, вышедший в 2015 году). В современном российском кино проявляется тенденция возврата к традициям героического повествования, принятым в советском киноискусстве, при этом уделяется внимание увековечиванию жертв нацизма, что отразилось в фильмах о жертвах нацистских репрессий и концлагерей (например, «Праведник» (2023), «Т-34» (2019), «Собибор» (2018), «Девятаев» (2021), «Рай» (2017), Свидетели (2018).

Следует отметить, что крымская специфика в украинских кинокартинах практически не затрагивалась, что не соответствовало растущему интересу крымчан к теме Великой Отечественной войны. Российское кинопроизводство в настоящее время лишь начинает включать тему событий Великой Отечественной войны в Крыму – на данный момент это реализовано только в двух проектах: игровой фильм «Отряд светлячков» (2023) и сериал «Истребители: битва за Крым» (2024).

Крымский полуостров обладает обширным мемориальным наследием Великой Отечественной войны. Многие темы, связанные с трагедией мирных жителей Крыма в годы оккупации, с боевыми действиями регулярных частей

Красной Армии, Черноморского флота и подпольно-партизанского движения, на данный момент не получили должного отражения в киноискусстве. Отсутствие в настоящее время значимых кинопроектов о событиях Великой Отечественной войны в Крыму оказывает негативное влияние на развитие культурной политики памяти и сохранение и популяризацию крымского мемориального наследия Великой Отечественной войны.

Таким образом, проведенный анализ исторической динамики репрезентации мемориального наследия Великой Отечественной войны в культуре Крыма позволил выявить ее особенности и прямую зависимость от доминирующего политико-идеологического контекста и стоящих перед обществом задач.

В указанных периодах истории Крыма прослеживается трансформация героико-патриотического нарратива советского периода, через фрагментацию и этнизацию культурной памяти в украинский период, к современной российской политике памяти, стремящейся интегрировать всенародный подвиг и признание этнических трагедий во времена Великой Отечественной войны в целостную концепцию памяти, направленную на консолидацию российского общества и формирование российской культурной идентичности. Этот процесс находит отражение во всех сферах – от государственной мемориальной политики и коммеморативных практик до их репрезентации в крымской прессе и киноискусстве. Результаты проведенного диссертационного исследования подтверждают, что мемориальное наследие Великой Отечественной войны в Крыму остается актуальным, динамичным и политически значимым ресурсом формирования культурной идентичности, культурной памяти, развитие и укрепление которых необходимо для своевременного ответа на общественные запросы, внешне- и внутриполитические вызовы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Архивные источники:

Государственный архив Республики Крым:

1. Отчет о работе Государственного комитета по охране и использованию памятников истории и культуры Автономной Республики Крым с 10.10.1994 по 12.01.1996 г. – Ф. 5135. – Оп. 1. – Д. 8.
2. Протокол заседания Коллегии Госкомитета по охране и использованию памятников 19.12.95 г. – Ф. 5135. – Оп. 1. – Д. 14.
3. Справки и информация по проблемам охраны и использованию памятников истории и культуры 1993–1997 г. – Ф. 5135. – Оп. 1. – Д. 3.
4. Материалы о создании и переименовании Госкомитета по охране и использованию памятников истории и культуры (постановления, положения, структура) 1993–1997 гг. – Ф. 5135. – Оп. 1. – Д. 1.

Архив Муниципального бюджетного учреждения «Архив города Евпатории»:

5. Годовой производственный отчет о работе музея за 1944 год. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Годовой производственный отчет о работе музея за 1952 год. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 35.
7. Годовой производственный отчет о работе музея за 1952 год и его отделов. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 55.

Архив Муниципального бюджетного учреждения дополнительного обучения «Центр детского и юношеского творчества» муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым:

8. Великая Победа Советского народа (1945–1991 гг.). – Ф. 4.

Нормативно-правовые акты:

9. Конституция Российской Федерации // Гарант.ру: [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 03.09.2023).

10. Федеральный закон от 22.12.2020 № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отнесения лиц, награжденных знаком "Житель осажденного Севастополя", к ветеранам Великой Отечественной войны и установления им правовых гарантий социальной защиты» // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371575/ (дата обращения: 09.07.2025).

11. Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечивании памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Президент России: [сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51851 (дата обращения: 10.05.2025).

12. Федеральный закон от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/400541325/ (дата обращения: 01.09.2023).

13. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России: [сайт]. – URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412250002.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

14. Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2014 № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» // Гарант.ру: [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/70641266/ (дата обращения: 21.11.2024).

15. Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2015 № 179 «О присвоении г. Феодосии почетного звания Российской Федерации "Город

воинской славы» // Президент России: [сайт]. – URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201504070023.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

16. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // Президент России: [сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589 (дата обращения: 01.09.2023).

17. Указ Президента Российской Федерации от 08.07.2019 № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» // Президент России: [сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44425 (дата обращения: 01.09.2023).

18. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 03.09.2023).

19. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.08.2014 № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года"» // Гарант.ру [сайт] – URL: https://base.garant.ru/70714732/ (дата обращения: 01.02.2025).

20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.07.2019 № 1637-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/560760969 (дата обращения: 10.11.2023).

21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.» // Гарант.ру: [сайт]. – URL:

https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/ (дата обращения: 10.11.2024).

22. Конституция Республики Крым // Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым: [сайт]. – URL: https://monm.rk.gov.ru/file/Constituciya.pdf (дата обращения 25.07.2023).

23. Закон Республики Крым от 11.09.2014 №68-ЗРК «Об объектах культурного наследия в Республике Крым» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/413902335 (дата обращения 25.02.2025).

24. Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» // Правительство Республики Крым: [сайт]. – URL: https://rk.gov.ru/documents/7b10bb19-5f75-49eb-9786-557cfa2b3275?ysclid=miw4gspzff442019458 (дата обращения 25.02.2025).

25. Закон города Севастополя от 06.03.2015 № 122-ЗС «О праздниках и памятных датах города Севастополя» // Законодательное собрание города Севастополя: [сайт]. – URL: https://sevzakon.ru/assets/files/01_zakony/2023/122-zs_izm764.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

26. Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387811-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-o-merah-uluchsheniya-ohrany-pamyatnikov-kultury-14-oktyabrya-1948-g-locale-nil-3898 (дата обращения: 20.10.2024).

27. Постановление Секретариата ЦК КПСС от 15.10.1988 «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС “Об усилении работы по увековечению памяти защитников Родины, активизации военно-патриотического воспитания трудящихся”» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 1. – С. 51–54.

28. Постановление Совета Министров РСФСР от 22.05.1947 № 389 «Об охране памятников архитектуры» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. – URL: http://www. libussr.ru/doc_ussr/ussr_4641.htm (дата обращения: 20.02.2023 г.).

29. Постанова Кабінета міністрів України від 31.05.2006 № 764 «Про утворення Українського інституту національної пам'яті». // Кабінет міністрів України: [сайт]. – URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/764-2006-п (дата обращения: 21.11.2024).

30. Заявление Президиума Верховной Рады Автономной Республики Крым от 28.01.2010 № 21-5/10-ПВР «Заявление в связи с присвоением звания Героя Украины Степану Бандере» // Президиум ВР АРК: [сайт]. – URL: http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/sbornik/2010_01.pdf (дата обращения 20.09.2024).

31. Постанова Верховної Ради Автономної Республіки Крим № 378 про заходи «Знайти солдата!» на 2012–2015 роки // Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – Симферополь: Редакционно-издательский отдел Управления делами Верховной Рады Автономной Республики Крым. – 2011. – № 5. – С. 377–378.

32. Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. // ЮНЕСКО: [сайт]. – URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2018_version-RU.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

Газетные фонды:

Газетный фонд ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»:

33. Аблязов, Э. Открыт памятник герою / Э. Аблязов // Голос Крыма. – 2014. – 14 мая. – № 20. – С. 1.

34. Азаров, И. Нацизм: выбор злых, убогих и голодных / И. Азаров // Общественно-политическая газета. – 2013. – 31 января. – № 10. – С. 5.

35. «Бессмертный полк» прошел по Симферополю! // Крымское время. – 2013. – 14 мая. – № 49. – С. 5.

36. Богданов, Б. Их отравили газами. О зверствах Хойзингера. / Б. Богданов // Крымская правда. – 1961. – 17 декабря. – № 250. – С. 8.

37. Боль не забыта // Крымская газета. – 2003. – 12 апреля. – № 83. – С. 4.

38. Болтин, Н. Через двадцать лет / Н. Болтин // Советский Крым. – 1964. – 13 мая. – № 95. – С. 4.

39. Был и есть у России вечной // Крымские известия. – 2014. – 15 апреля. – № 69. – С. 4.

40. Васильев, А. Они – «Из будущего», а мы – из ниоткуда? / А. Васильев // Крымское время. – 2008. – 8 мая. – № 49. – С. 7.

41. Васильев, А. Халатность или злой умысел? В Крыму «потеряны» воинские памятники и захоронения / А. Васильев // Крымское время. – 2009. – 7 мая. – № 48. – С. 19.

42. Васильев, А. Шок перед праздником / А. Васильев // Крымское время. – 2013. – 30 апреля. – № 47. – С. 1.

43. Васильева, К. Встал на площади памятник жертвам бандеровцев / К. Васильева // Крымская правда. – 2007. – 15 сентября. – № 10. – С. 1.

44. Веселовский, В. Трюмы, полные сокровищ / В. Веселовский // Комсомольская правда. – 1987. – 19 сентября. – № 218. – С. 4.

45. Возмездие! Суд над фашистскими наймитами закончился // Курортная газета. – 1964. – 30 мая. – № 106. – С. 6.

46. В Керчи началась Международная Вахта Памяти -2014 // Новости Керчи. – 2014. – 22 мая. – № 21. – С. 6.

47. В СБУ поздравили ветеранов // Общественно-политическая газета. – 2013. – 16 мая. – № 50. – С. 6.

48. В совете министров АРК // Крымская газета. – 2003. – 13 мая. – № 84. – С. 1.

49. Вынесен приговор // Комсомольская правда. – 1986. – 21 июня. – № 142. – С. 5.

50. Герасимов, Д. Пепел погибших стучит в сердца / Д. Герасимов, Э. Логвин // Правда Украины. – 1970. – 26 декабря. – № 101. – С. 7.

51. Голованевский, М. Сильные духом / М. Голованевский // Крымская правда. – 1962.– 25 февраля. – № 252. – С. 5.

52. Довгань, А. Люди, знайте и всегда помните! / А. Довгань // Слава Труду. – 1984. – 7 апреля. – № 42. – С. 5.

53. Дорогань, А. Помнить о прошлом, заботиться о настоящем / Дорогань А. // Крымские известия. – 2000. – 11 мая. – № 84. – С. 3.

54. Ермолин, А. Промывание мозгов в закрытом режиме / А. Ермолин // Крымская правда. – 2010. – 25 февраля. – № 35. – С. 1.

55. Киричек, П. Тайна старого колодца / П. Киричек // Крымская правда. – 1964. – 26 июня. – № 125. – С. 5.

56. Кирьянова, С. Войной расстрелянное детство / С. Кирьянова // Крымские известия. – 2008. – 9 апреля. – № 66. – С. 6.

57. Кирьянова, С. Сила добра – в правде / С. Кирьянова // Крымские известия. – 2014. – 15 апреля. – № 69. – С. 4.

58. Киселева, Н. Когда нацисты стали героями / Н. Киселева // Крымское время. – 2008. – 8 мая. – № 49. – С. 6.

59. Киселева, Н. На «Русском вторнике» говорили об украинском неонацизме / Н. Киселева // Общественно-политическая газета. – 2012. – 29 ноября. – № 129. – С. 2.

60. Ковалёва, И. Кино о настоящем прошлом / И. Ковалёва // Крымская правда. – 2010. – 8 мая. – № 80. – С. 1.

61. Кожуховский, О. Встреча на Калан-Баире. / О. Кожуховский // Крымские известия. – 2000. – 11 мая. – № 84. – С. 4.

62. Корнешов, Л. Высшей мерой справедливости / Л. Корнешов // Известия Советов народных депутатов СССР. – 1983. – 26 февраля. – № 1. – С. 3.

63. Коровяковская, Г. В. В «Красном» земля была красной от крови / Г. В. Коровяковская // Крымская газета. – 2003. – 12 апреля. – № 2. – С. 3.

64. Котенева, О. Второе рождение памятника / О. Котенева // Крымская газета. – 2003. – 15 апреля. – № 69. – С. 1.

65. Лысов, Б. Память выносит приговор / Б. Лысов, Г. Соколов // Крымская правда. – 1968. – 8 июня. – № 133. – С. 7.

66. Муталупова, Э. Легендарный комиссар / Э. Муталупова // Голос Крыма. – 2014. – 14 мая. – № 20. – С. 1-2.

67. Мышкина, Т. Наша общая память / Т. Мышкина // Новости Крыма. – 2014. – 26 июня. – № 15. – С. 2.

68. На месте концентрационного лагеря в совхозе «Красный» должен быть создан мемориальный комплекс // Общественно-политическая газета. – 2012. – 29 ноября. – № 129. – С. 2.

69. На скамье подсудимых – каратели // Крымская правда. – 1964. – 28 мая. – № 105. – С. 6.

70. Недушкин, В. Возмездие. К процессу над изменниками Родины в Краснодаре / В. Недушкин // Крымский Комсомолец. – 1967. – 29 декабря. – № 76. – С. 5.

71. Не забывают фронтовиков // Крымские известия. – 2000. – 6 мая. – № 83. – С. 6.

72. Нет прощения палачам // Советский Крым. – 1986. – 22 июля. – № 120. – С. 7.

73. Озерская, Е. Мы научились уважать друг друга / Е. Озерская // Крымская газета. – 2003. – 20 мая. – № 89. – С. 1.

74. Памятник жертвам репрессий // Урядовий кур'єр. – 1998. – 31 октября. – № 210-211. – С. 1.

75. Памятник нужно спасать // Крымское время. – 2009. – 3 марта. – № 22. – С. 3.

76. Первомайская, Е. Не забудем, не простим! / Е. Первомайская // Крымская правда. – 1972. – 30 января. – № 25. – С. 5.

77. Первый этап Международной Вахты Памяти-2014: новые находки // Новости Керчи. – 2014. – 12 июня. – № 24. – С. 6.

78. Прокопенко, В. Тайна «Фельдпочты № 24007» / В. Прокопенко, В. Романов // Труд. – 1965. – 9 марта. – № 56. – С. 5.

79. Реквием: память, искупление, надежда // Голос Украины. – 1994. – 17 мая. – № 90. – С. 1.

80. Роштен, В. Концерты для ветеранов / В. Роштен // Крымские известия – 2005. – 5 мая. – № 81 (3311). – С. 6.

81. Рутковский, А. Пароксизмы величия: Амосов VS Бандера / А. Рутковский // Крымское время. – 2008. – 8 мая. – № 49. – С. 5.

82. Светлова, К. Героям-десантникам / К. Светлова // Крымские известия – 2005. – 6 мая. – № 82 (3212). – С. 4.

83. Светлова, К. Маевка на Ангарском перевале / К. Светлова // Крымские известия. – 2005. – 5 мая. – № 81 (3311). – С. 2.

84. Селиванова, В. Возмездие / В. Селиванова // Советский Крым. – 1986. – 22 июня. – № 118. – С. 10.

85. Семёнова, Е. Спустя шестнадцать лет / Е. Семёнова // Литературная газета. – 1961. – 22 июля. – № 87 (4366). – С. 3.

86. Симонова, Н. Бандера не народный герой! / Н. Симонова // Крымская правда. – 2010. – 18 марта. – № 78. – С. 2.

87. Смелый, З. Над этим памятником могут глумится только циники и пустозвоны / З. Смелый // Крымские известия. – 2012. – 8 ноября. – № 208. – С. 1-2.

88. Смелый, З. Политические тролли на теле «Свободы» / З. Смелый // Крымские известия. – 2013. – 13 февраля. – № 29. – С. 3.

89. Соколов, Г. И горечь, и гнев наши / Г. Соколов // Крымская правда. – 1971. – 20 февраля. – № 13. – С. 4.

90. Там где спит война / Крымская газета. – 2003. – 7 мая. – № 82. – С. 2.

91. Тимофеева, А. Научимся отличать истину от лжи / А. Тимофеева // Крымские известия. – 2014. – 13 мая. – № 87. – С. 4.

92. Усеинова Г. Память о разведчице жива / Г. Усеинова // Голос Крыма. – 2014. – 19 декабря. – № 51. – С. 1.

93. Фильм «Хайтарма» получил «Нику» // Голос Крыма. – 2014. – 4 апреля. – № 14. – С. 1.

94. Холодная, С. Вечная память / С. Холодная // Крымские известия. – 2005 г. – 6 мая. – № 82 (3212). – С. 4.

95. Хриенко, Т. Молодежь Крыма о Великой Отечественной войне / Т. Хриенко // Крымская правда. – 2010. – 8 мая. – № 80. – С. 1.

96. Шеремет, О. В Крыму открыт памятный знак партизанам Восточного соединения / О. Шеремет // Боспор. – 2014. – 26 июня. – № 26. – С. 17.

97. Шеремет, О. Празднуем День Победы, лучший день в году / О. Шеремет // Новости Керчи. – 2014. – 15 мая. – № 20. – С. 3.

98. Широков, В. Не забудем, не простим! Документы обличают / В. Широков. // Крымская правда. – 1965. – 27 февраля. – № 4. – С. 5.

99. Шитова, М. Встали солдаты над Митридатом / М. Шитова // Крымские известия. – 2014. – 13 мая. – № 87. – С. 5.

100. Эмин, И. На земле Перекопской / И. Эмин // Крымская правда. – 1961. – 9 мая. – № 91. – С. 5.

101. Богданов, Б. Фашистського ката – до суду! Їх убив Хойзінгер / Б. Богданов // Радянська Україна. – 1961. – 17 грудня. – № 62. – С. 5.

Газетный фонд Научной библиотеки «Таврика» им. Александра Христиановича Стевена Центрального музея Тавриды:

102. В подземной крепости // Красный Крым. – 1948. – 29 октября. – № 215 (8075). – С. 3.

103. Козлов, И. А. Герои крымского подполья / И. А. Козлов // Красный Крым. – 1948. – 29 октября. – № 215 (8075). – С. 2.

104. Оглашение приговора главным немецким военным преступникам // Красный Крым. – 1946. – 2 октября. – № 197 (7343). – С. 2.

105. Памятник партизанкам-комсомолкам // Коммунист. – 1957.– 12 ноября. – № 133. – С. 7.

106. Петров, И. 30 дней обороны Севастополя / И. Петров // Красная звезда. – 1941. – 9 декабря. – № 289. – С. 5.

107. С огромным подъемом трудящиеся Крыма праздновали годовщину Великого Октября // Красный Крым. – 1948. – 10 ноября. – № 23 (8083). – С. 3.

108. Уралов, С. О ней будет создан фильм / С. Уралов // Крымская правда. – 1960. – 13 декабря. – № 246 (11190). – С. 3.

Электронные ресурсы:

109. Бояринцева, Н. Не забывать – никогда! / Н. Бояринцева // Крымская правда: [сайт]. – 2024. – 2 декабря. – URL: https://c-pravda.ru/news/2024-12-02/ne-zabyvat---nikogda (дата обращения: 12.02.2025).

110. Вилкова, Н. Н. 75 лет электронному телевидению в России и первому отечественному электронному телевизору ТК-1. Телевидение и радиовещание // Виртуальный компьютерный музей: [сайт]. – URL: https://computer-museum.ru/articles/televidenie-i-radioveshchanie/188/ (дата обращения: 08.12.2024).

111. В Крымскотатарском музее культурно-исторического наследия открылась экспозиция «Дорогами Победы» // Правительство Республики Крым: официальный портал: [сайт]. – URL: https://mkult.rk.gov.ru/articles/a5fad9fd-ec1d-4026-9398-1c2ed5e96224 (дата обращения: 15.12.2024).

112. В Севастополе после реконструкции открыли Константиновскую батарею // ТАСС: [сайт]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/4703166 (дата обращения: 20.09.2023).

113. Выставка «Великая Отечественная в объективе» // МК РК ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» [сайт]. – URL: https://krtmuseum.ru/vystavka-velikaya-otechestvennaya-v-obektive/ (дата обращения:15.12.2024).

114. «Долгий путь к Победе»: в Симферополе открыли выставку о войне // РИА Новости Крым: [сайт]. – URL: https://crimea.ria.ru/20240424/dolgiy-put-k-pobede-v-simferopole-otkryli-vystavku-o-voyne-1136820091.html (дата обращения:15.12.2024).

115. «Крымская газета» запускает проект «Герой в моей семье» // Крымская газета: [сайт]. – 2025. – 11 февраля. – URL: https://gazetacrimea.ru/news/krymskaya-gazeta-zapuskaet-proekt-geroy-v-moey-seme/?sphrase_id=22594 (дата обращения: 12.02.2025)

116. Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма «Концлагерь «Красный» 1941–1944 гг. // Мемориал «Красный»: [сайт]. – URL: https://memorialkrasniy.ru/akczii/ (дата обращения: 10.04.2024).

117. На территории концлагеря в Крыму, где погибли 6 тыс. человек, открыли музей // ТАСС: [сайт]. – URL: https://tass.ru/kultura/19337895 (дата обращения: 22.02.2024).

118. О нас // АНО «Музейно-храмовый комплекс «Новый Херсонес»: [сайт]. – URL: https://xn--e1aaxdjgdz.xn--p1ai/ (дата обращения: 20.11.2024).

119. Открытие арт-объекта «Арка памяти» в селе Лаки Бахчисарайского района // Крымский университет культуры, искусств и туризма: [сайт]. – URL: https://kukiit.ru/news/otkrytie-art-obekta-arka-pamyati-v-sele-laki-bahchisarajskogo-rajona/ (дата обращения: 10.12.2024).

120. Отчеты о деятельности Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым // Правительство Республики Крым: [сайт]. – URL: https://gkokn.rk.gov.ru/structure/df7fd797-768e-4dac-8f04-d5cdc238ee13 (дата обращения: 14.11.2024).

121. Отчеты о работе Крымского регионального отделения ВООПИИК // Всероссийское общество охраны памятников истории и

культуры: [сайт]. – URL: https://voopik.ru/upload/iblock/876/otchet_krymskogo_respublikanskogo_otdeleniya.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

122. О развитии санаторно-курортной и туристической отрасли Республики Крым за 2022 год // Министерство курортов и туризма Республики Крым: [сайт]. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php9GJuKh_O%20развитии%20санаторно-курортной%20и%20туриститческой%20отрасли%20Республики%20Крым%20за%202022%20год.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

123. Парящий театр и мультиплекс: каким будет культурно-образовательный кластер в Севастополе // Градостроительный комплекс Москвы: [сайт]. – URL: https://stroi.mos.ru/pariashchii-tieatr-i-3d-kukol-nyi-tieatr-kakim-budiet-kul-turno-obrazovatiel-nyi-klastier-v-sievastopolie (дата обращения: 20.11.2024).

124. Пересичан, Е. Поисковым отрядом Крыма перезахоронено около 1 300 солдат, погибших во время Великой Отечественной войны / Е. Пересичан // Крымская газета: [сайт]. – 2024. – 15 октября. – URL: https://gazetacrimea.ru/news/poiskovym-otryadom-kryma-perezakhoroneno-okolo-1-300-soldat-pogibshikh-vo-vremya-velikoy-otechestven/?sphrase_id=22594 (дата обращения: 10.01.2025).

125. Под Симферополем на месте концлагеря в бывшем совхозе «Красный» торжественно открылся мемориальный комплекс // Крыминформ: [сайт]. – URL: https://www.c-inform.info/news/id/22798 (дата обращения: 22.02.2024).

126. Поляновский, Э. Поле памяти / Э. Поляновский // Эдвин Поляновский. Памяти известного журналиста: [сайт]. – URL: https://polyanovsky.ru/очерки/поле-памяти-1987/ (дата обращения: 20.11.2024).

127. Поляновский, Э. По праву памяти / Э. Поляновский // Эдвин Поляновский. Памяти известного журналиста: [сайт]. – URL:

https://polyanovsky.ru/очерки/по-праву-памяти-1987/ (дата обращения: 20.11.2024).

128. Российское общество по изучению Крыма / Роскраевед: [сайт]. – URL: http://www.roskraeved.ru/index.php?page=rossijskoe-obschestvo-po-izucheniyu-kryma (дата обращения: 12.11.2024).

129. Макаль П. Упала слязіна // Беларуская Палічка: беларуская электронная бібліятэка: [сайт]. – URL: https://knihi.com/Piatrus_Makal/Upala_slazina.html (дата обращения: 26.03.2025).

130. Макеев, Д. В Крыму снимут художественный фильм о трагедии концлагеря «Красный» / Д. Макеев // РИА новости Крым: [сайт]. – 2024. – 20 января. – URL: https://crimea.ria.ru/20240120/v-krymu-snimut-khudozhestvennyy-film-o-tragedii-kontslagerya-krasnyy-1134328222.html (дата обращения: 25.05.2024).

131. ФГБУК «Государственный центральный музей кино» // Госкаталог.РФ: [сайт]. – URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 20.06.2024).

Научная литература:

132. Адорно, Т. Проблемы философии морали / Т. Адорно; [пер. с нем. М. Л. Хорькова]. – Москва: Республика, 2000. – 239 с.

133. Акоева, Н. Б. Музеи как хранители и трансляторы культурного наследия / Н. Б. Акоева, Н. И. Орфаниди // Культурная жизнь регионов. – № 2. – 2019. – С. 117–120.

134. Алексеев, Ю. В. Объекты культурного наследия / Ю. В. Алексеев, Г. Ю. Сомов. – Москва: Проспект, 2016. – 557 с.

135. Ананьев, Д. А. Великая Отечественная война в освещении советского и российского кинематографа: основные тенденции и проблемы /

Д. А. Ананьев // Международный журнал исследований культуры. – 2020. – №. 4. – С. 26–39.

136. Андриевская, И. Ю. Евпаторийский краеведческий музей: страницы истории / И. Ю. Андриевская // Вестник музея. К 100-летию Евпаторийского краеведческого музея. – Вып. 10. – Симферополь: Полипринт, 2021. – С. 7–20.

137. Андросов, С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) / С. А. Андросов // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 15. – 185 с.

138. Аникин, Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект / Д. А. Аникин // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 121–126.

139. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; [пер. с нем. Б. Хлебников]. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 232 с.

140. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

141. Астафьева, О. Н. Культурная политика: динамика теоретических подходов и фундаментальных концептуализаций // Исторические повороты культуры: сборник научных статей (к 70-летию профессора И. В. Кондакова) / общ. ред. и сост. О. Н. Астафьевой. – Москва: «Издательство «Согласие», 2018. – С. 86–102.

142. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность // Культурологический журнал. – 2011. – № 11. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/38.html&j_id=5 (дата обращения: 10.06.2025).

143. Астафьева О. Н. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации: монография / О. Н. Астафьева, В. А. Горенкин, А. В. Швецова. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – 156 с.

144. Ахиезер, А. С. Цивилизационный выбор России и проблема выживаемости общества / А. С. Ахиезер // Россия и современный мир. – Москва: ИНИОН РАН. – 2002. – № 2. – С. 83–104.

145. Бакуменко, Г. В. Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы сохранения историко-культурного наследия / Г. В. Бакуменко, Т. В. Коваленко // Наследие веков. – 2015. – № 1. – С. 80–89.

146. Баранов, А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия / А. В. Баранов // Наследие веков. – 2017. – № 2. – С. 55–61.

147. Бондарев А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Журнал интегративных исследований культуры. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 46–55.

148. Борисов, Б. П. Назад в будущее: сохранение национально-культурной идентичности в условиях глобализации // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов VIII Международного научного форума (с. Кабардинка, 22–25 сентября 2022 года). – Москва, 2022. – С. 59.

149. Борисов, Б. П. Патриотизм – понятие культурологии // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2. – С. 144–148.

150. Борунов С. С. Актуализация мемориальных объектов Великой Отечественной войны в социокультурном пространстве Крыма (методологический аспект) / С. С. Борунов // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 5. – С. 234–239.

151. Борунов, С. С. Мемориалы жертвам концлагеря «Красный» как фактор формирования социокультурной среды Крыма / С. С. Борунов // Искусство и наука третьего тысячелетия: материалы XI Международной научно-творческой конференции (г. Симферополь, 16-17 ноября 2022). – Симферополь: ООО «Антиква». – С. 166–171.

152. Борунов С. С. Мемориалы Крыма 1919–1941 гг. Как образцы советского монументального искусства и пропаганды / С. С. Борунов // Вестник гуманитарного образования. – 2023. – № 4. – С. 135–142.

153. Борунов, С. С. Мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны: пути формирования коллективной идентичности / С. С. Борунов, А. Ю. Микитинец // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: IX международный научный форум (Краснодар, 21–24 сентября 2023 г.). – Москва: Институт наследия, 2023. – С. 67–68.

154. Борунов, С. С. Общественное осуждение военных преступников Великой Отечественной войны как советская коммеморативная практика (на примере крымских газет) / С. С. Борунов // Культура и цивилизация. – 2024. – № 9А. – С. 118–128.

155. Борунов, С. С. Проблемы утраты и сохранения объектов историко-культурного наследия Крыма в годы Великой Отечественной войны / С. С. Борунов, Л. В. Шилова // Таврические студии. – 2022. – № 32. – С. 70–75.

156. Борунов, С. С. Специфика коммеморации событий Крымского фронта Великой Отечественной войны в художественном кинематографе сталинского и хрущевского периодов СССР (1944–1964) / С. С. Борунов // Журнал Института Наследия. – 2025. – № 2. – С. 27–35.

157. Борунов, С. С. Трансформация политики памяти о Великой Отечественной войне в 1960–1970-е гг. (на примере Евпаторийского краеведческого музея) / С. С. Борунов, В. А. Иванов, А. Ю. Микитинец // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – № 3. – С. 60–71.

158. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с.

159. Битва за Крым, 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. – Москва: Яуза: Эксмо, 2016. – 894 с.

160. Бушмаков, А. В. «Пусть живет в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!». Память о войне и Советская историческая политика в 1965–1980 гг. / А. В. Бушмаков // Культурный код. – 2019. – № 3. – С. 26–35.

161. Васильев, А. Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия / А. Г. Васильев // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материал конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. – Москва: Новый хронограф: Эйдос. – 2009. – С. 56–68.

162. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого / Х. Вельцер // Неприкосновенный запас: [сайт]. – 2005. – № 2. – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennostproshlogo.html (дата обращения: 20.03.2022).

163. Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Симферополь: НАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2020. – Т. 2. – 272 с.

164. Волков, Е. В. Образы Севастополя периода Второй мировой войны в советском игровом кино / Е. В. Волков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 15. – С. 10–16.

165. Волошинов, Л. И. Памятники Великой Отечественной войны в Северном Крыму и на Керченском полуострове / Л. И. Волошинов // Известия Крымского отдела географического общества Союза ССР. – 1954. – вып. 3. – С. 97–108.

166. Головашина, О. В. Места памяти: между метафорой и концептом / О. В. Головашина // Социология власти. – 2022. – Т. 34. – № 1. – С. 18–38.

167. Голышев, А. И. Региональная культурная политика: культурологический подход // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 73–79.

168. Горина, А. В. Региональная культура в контексте идей отечественных мыслителей / А. В. Горина // Дискурс. – 2016. – № 6. – С. 17–25.

169. Горлова, И. И. О трактовке понятия «Культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы / И. И. Горлова, А. Л. Зорин // Культурное наследие России. – 2020. – № 3. – С. 3–13.

170. Гришина, О. А. Историко-культурное наследие в контексте устойчивого развития / О. А. Гришина, А. И. Гришин // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2012. – № 5. – С. 16–24.

171. Гришин, А. И. Управление историко-культурным наследием на предприятиях сферы услуг: 08.00.05: автореф. дис. … канд. экон. наук / Гришин Алексей Игоревич; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. – Москва, 2013. – 25 с.

172. Груббе, В. В. По улицам Евпатории: путеводитель // В. В. Груббе. – Симферополь: Таврия, 1987. – 96 с.

173. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 432 с.

174. Гуркина, Н. К. Охрана культурного наследия в России: история и современность / Н. К. Гуркина, А. П. Исаев. – Санкт-Петербург, 2011. – 111 с.

175. Гуркович, В. Н. «Партизанская шапка». Анализ мемориальных текстов и предложения по их корректировке и перепланировке мемориала // Историческое наследие Крыма : сб. ст. – Симферополь : ООО «Антиква», 2017. – С. 151–162.

176. Денисов, Н. Г. Историческая память как объект и предмет современного социокультурного и образовательного проектирования (на примере Кубани и Крыма) // Культурное наследие России. – 2017. – № 4. – С. 68.

177. Денисов, Н. Г. «Места памяти» в социальном пространстве (на примере города-героя Новороссийска) / Н. Г. Денисов, М. В. Ярчук //

Культурное наследие народов Юга России: итоги и перспективы изучения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 2022). – Краснодар, 2022. – С. 51–58.

178. Денисов, Н. Г. Советское искусство как феномен социалистической культуры / Н. Г. Денисов, В. Б. Храмов // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. – 2024. – № 55. – С. 48–55.

179. Дмитриев, Э. Г. Походы по местам славы / Э. Г. Дмитриев, В. В. Шляков. – Москва: Профиздат, 1986. – 176 с.

180. Дмитриевский, В. Н. Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм / В. Н. Дмитриевский // Художественная культура. – 2019. – № 4. – С. 564–579.

181. Дружинина, Н. С. К Вопросу о реставрации памятников архитектуры в Крыму в 1950–1980-е годы / Н. С. Дружинина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2023. – № 28. – С. 705–718.

182. Дружинина, Н. С. Начальный этап работы крымского отделения украинского общества охраны памятников истории и культуры (1966–1969) / Н. С. Дружинина // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, (г. Симферополь, 21-22 октября 2020 г.). – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 50–56.

183. Еремеева, А. Н. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945) / А. Н. Еремеева, Т. В. Коваленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 1 (204). – С. 25–39.

184. Еремина, Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России / Е. В. Еремина // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. – С. 276–287.

185. Жанбосинова, А. С. Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана / А. С. Жанбосинова // Исторический курьер. – 2022. – № 1. – С. 133–144.

186. Загребин, С. С. Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России // Социум и власть. – 2015. – № 5. – С. 126–131.

187. Зенкова, Е. А. Актуализация традиций в современном обществе как фактор сохранения нематериального культурного наследия / Е. А. Зенкова, Н. Б. Акоева // Культурная жизнь Юга России. – 2020. – № 4. – С. 126–134.

188. Зубарев, А. Увековечить память погибших героев / А. Зубарев // Военно-исторический журнал. – Москва: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР. – 1961. – 8 августа. – 128 с.

189. Ибрагимбейли, Х. М. Крах Эдельвейса и Ближний Восток / Х. М. Ибрагимбейли. – Москва: Наука, 1977. – 320 с.

190. Ибрагимов, Э. Э. Перспективы развития военно-исторического туризма в Крыму / Э. Э. Ибрагимов, И. Э. Авдиль // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Бахчисарай, 25–26 апреля 2019 г.). – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – С. 174–178.

191. Иванова, О. В. Российские музеи памяти: пути становления и основные этапы развития / О. В. Иванова, Т. Ю. Юренева // Культурное наследие России. – 2021. – № 4. – С. 86–97.

192. Иванов, В. А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах / В. А. Иванов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 5–16.

193. Иванов, В. А. История и функционирование концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) /

В. А. Иванов // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 161–166.

194. Ипполитов, С. С. Творческие кластеры как драйвер роста региональных экономик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3. – С. 155–167.

195. Исаев, А. В. Битва за Севастополь: иллюстрированная энциклопедия / А. В. Исаев. – Москва: Яуза, 2019. – 221 с.

196. Исак, И. А. Основные этапы увековечивания в Крыму памяти жертв Великой Отечественной войны из числа мирного населения / И. А. Исак // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, (г. Симферополь, 21–22 октября 2020 г.). – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 82–86.

197. Ишин, А. В. Онтология Великой Победы (о вызовах и ответах в глобальной информационной войне) // Военно-исторические чтения. К 75-летию Великой Победы. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2020. – С. 27–31.

198. Йенер, Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955 / Х. Йеннер; [пер. с нем. Р. Эйвадиса]. – Москва: Individuum, 2024. – 480 с.

199. Каган, М. С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. – 2001. – Вып. 1. – С. 57.

200. Казунин, Ф. Евпатория: краткий путеводитель-справочник / Ф. Казунин, В. Ягупов // Симферополь: Крым, 1966. – 112 с.

201. Калистратов, А. Е. Социально-культурный контекст кризиса культурной идентичности в России / А. Е. Калистратов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 53–56.

202. Касьянов, Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018 / Г. Касьянов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 285 с.

203. Ковба, Д. М. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве / Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // Дискурс-Пи. – 2020. – № 2 (39). – С. 62.

204. Коленский, А. Она сражалась за Севастополь / А. Коленский // Культура: духовное пространство русской Евразии. – 2015. – № 9. – 13–19 марта. – С. 5.

205. Костина, А. В. Культура как фактор национальной безопасности современной России: значение и ролевая модель / А. В. Костина, Э. Ф. Макаревич, О. И. Карпухин, В. А. Луков. – Москва: URSS, 2021. – 328 с.

206. Костина, А. В. Ценности как фактор национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 1. – С. 80–92.

207. Костюкова У. С. Тема Великой Отечественной войны в творчестве художников сурового стиля / У. С. Костюкова, Н. Б. Акоева // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 1. – С. 104–109.

208. Кохан, А. А. Охрана памятников Великой Отечественной войны в Крыму в 1945–1957 гг. в документах Научно-методического совета по охране памятников Академии наук СССР / А. А. Кохан // Культурное наследие России. – 2022. – № 1. – С. 76–84.

209. Кропотов, В. Тактический десант. Евпаторийская десантная операция 4–5 января 1942 года. – 2-е изд. – Симферополь: Н. Оріанда, 2020. – 216 с.

210. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник // ред.-сост. А. Исаев, Н. Глухарев, Д. Хазанов; отв. ред. Н. Аничкин. – Москва: Яуза-каталог, 2017. – 397 с.

211. Крымъ: Иллюстрированный историко-краеведческий альманах. // сост. А. Ф. Козлов, В. Ф. Козлов. – Вып. 2. – Москва: Краеведение, 2013. – 431 с.

212. Культурология. XX век. Энциклопедия. – Санкт-Петербург: «Университетская книга», 1998. – Т. 1. – 447 с.

213. Курьянова, Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 12–18.

214. Лакутина Н. П. Историческая память / Н. П. Лакутина, Н. П. Окороков // Культурологический журнал. – 2018. – № 3. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/445.html&j_id=36 (дата обращения: 20.06.2025).

215. Ле Гофф, Ж. История и память. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.

216. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. – Москва: Издательство политической литературы, 1970 – Т. 44 – С. 579.

217. Ленин, В. И. С чего начать? 1901 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 5. – Москва: Издательство политической литературы, 1967. – 550 с.

218. Леонов, И. В. Артефакты с военными «шрамами» и их статус в российской культуре: на примере памятников г. Севастополя и Республики Крым / И. В. Леонов, И. В. Кириллов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 76–88.

219. Леонов, И. В. Визуальная культура: учеб.-метод. пособие: направление 51.03.01 «Культурология» / И. В. Леонов // СПбГИК, Фак. мировой культуры. Каф. теории и истории культуры. – Санкт-Петербург: СПбГИК, 2020. – 63 с.

220. Леонов, И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России / И. В. Леонов, И. В. Кириллов // Человек. Культура. Образование. – 2021. – № 4. – С. 90–108.

221. Линченко, А. А. Политика памяти как предмет философской рефлексии / А. А. Линченко, Д. А. Аникин // Научное издательство ВятГУ. – 2018. – № 1. – С. 19–25.

222. Лихачёв, Д. С. Как мы выжили. – Москва: Издательство «Аст», 2024. – 280 с.

223. Лотман, Ю. М. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Ученые записки Тартуского университета. – 1971. – Т. 5. – Вып. 284. – С. 150.

224. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман. // Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство, 2000. – 704 с.

225. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна. Санкт-Петербург: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2004. – 624 с.

226. Львовски, М. В. Кино-Крым: весь мир на ладони / М. В. Львовски. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – 327 с.

227. Лямзин, А. В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности / А. В. Лямзин // История и современное мировоззрение. – 2019. – № 1. – С. 75.

228. Макарьев, И. В. «Без прошлого нет будущего»: взаимосвязь прошлого и будущего как философская проблема // Вестник Вятского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 18–27.

229. Мальгин, А. В. Крымский областной краеведческий музей в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 годы) // Историческое наследие Крыма. 2024: сб. ст. / ред.-сост. Г. Н. Гржибовская. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 127–141.

230. Манаев, А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в Крыму: памятникоохранный аспект (1944–1991) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. – 2018. – № 4 (70). – С. 25–39.

231. Манаев, А. Ю. Памятники воинской славы Севастополя и Волгограда: сравнительный анализ мемориализации событий Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы / А. Ю. Манаев // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции

(г. Симферополь, 21-22 октября 2020 г.). – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 99–103.

232. Манпель, Л. М. Поле памяти / Л. М. Манпель // Юбилейный год 2010: Альманах. – Симферополь, 2012. – 255 с.

233. Мастеница, Е. Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2008. – № 180. – С. 252–262.

234. Матвеев, П. И. Проблемы увековечивания памяти погибших защитников Отечества / П. И. Матвеев // «Весна Освобождения»: сборник материалов Третьей научно-практической конференции (г. Судак, 16–17 апреля 2021 г.). – Симферополь: Н. Оріанда, 2022. – С. 273–278.

235. Матузкова, Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия / Е. П. Матузкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2014. – № 2. – С. 62–68.

236. Мегилл, А. Историческая эпистемология: научная монография. – Москва: «Канон+», 2007. – 480 с.

237. Микитинец, А. Ю. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления / А. Ю. Микитинец, О. И. Микитинец // Таврические студии. – 2022. – № 29. – С. 39–44.

238. Микитинец, О. И. Музейный кластер: к возникновению и осмыслению понятия в контексте развития современной музейной терминологии / О. И. Микитинец, В. А. Шилина // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 99–114.

239. Минаева, В. «Альба Регия» выходит на связь… Рассказ разведчицы / В. Минаева // Слово солдата: сборник / сост. И. Д. Носков. – Москва: Патриот, 1991. – С. 210–215.

240. Миронов, Д. Д. Репрезентация и ее особенности в художественной культуре / Д. Д. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2016. – № 1. – С. 31–34.

241. Моисеева, Л. Д. Из истории формирования Евпаторийского краеведческого музея и формирования его коллекций / Л. Д. Моисеева // V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей» «Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы» (г. Симферополь, 21–23 сентября 2022 г.): сборник тезисов докладов. – Симферополь: Антиква, 2022. – С. 56–58.

242. Музеи Крыма. Путеводитель-справочник / сост. В. П. Пересунько, А. В. Зубарев. – Симферополь: Н. Оріанда, 2022. – 512 с.

243. Мустафа Селимов – верный сын своего народа [сборник документов и воспоминаний] / сост. И. Изединов, Э. Аблязов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2023. – 400 с.

244. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора; [пер. с франц. Д. Р. Хапаевой]. // Франция – память. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университет,1999. – 325 с.

245. Ничейные обелиски. В Автономии почти двести памятников героям Великой Отечественной – бесхозные // Крымская правда. – 2011. – 22 апреля. – № 74. – С. 1–2.

246. Олик, Дж. К. Коллективная память: две культуры / Дж. К. Олик // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4. – С. 22–49.

247. Олинский, М. Я. Исторические места и памятники Крыма / М. Я. Олинский. – Симферополь: Крымоблтиполитография, 1960. – 110 с.

248. Орлова, А. С. Способы воплощения «Образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне / А. С. Орлова // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – № 21. – С. 30.

249. Основные итоги социально-экономического и культурного развития г. Симферополя за 2006–2007 годы. – Симферополь: ГП «Издательство и типография “Таврида”», 2008. – 140 с.

250. Пархоменко, Т. А. Актуальные вопросы современного изучения наследия // Культурологический журнал. – 2023. – № 4. – С. 46–51.

251. Попов, А. Д. Документальность образа Володи Дубинина в повести Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына» (по новым архивным источникам) / А. Д. Попов // Военно-исторические чтения. К 75-летию Великой Победы: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (Керчь, 26–29 февраля 2020 года). – Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. – С. 281–285.

252. Попов, А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза И Восточной Германии (1949–1989) / А. Д. Попов // Научный диалог. – 2022. – Вып. 11. – № 6. – С. 471–487.

253. Попов, А. Д. Легендарный Севастополь как туристско-экскурсионный объект: история и современность / А. Д. Попов // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 8. – С. 52–60.

254. Попов, А. Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма. / А. Д. Попов // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2010. – № 3. – С. 43–48.

255. Попов, А. Д. Память о пионере-герое Володе Дубинине: формирование исторического образа и формы мемориализации / А. Д. Попов, Е. А. Попова. // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12. – №. 2. – С. 281–292.

256. Попов, А. Д. Полковнику никто не верит? Героизация военных страниц биографии Л. И. Брежнева как камертон исторической памяти / А. Д. Попов // Москва: Новое литературное обозрение. – 2019. – № 157. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21147/ (дата обращения: 10.10.2024).

257. Просолова, Е. В. Крымские локации как образы обобщенного Запада в советском кинематографе: идеологический аспект / Е. В. Просолова // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга

России: к 100-летию образования СССР: материалы региональной научно-практической конференции (Симферополь, 19 мая 2022 года) / под ред. С. Б. Филимонова. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 124–129.

258. Путрик, Ю. С. Измеряемость цивилизационных ценностей как фактор продвижения российских регионов // Культурологический журнал. – 2018. – №. 3. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/447.html&j_id=36 (дата обращения: 10.06.2025).

259. Путрик, Ю. С. О роли туризма в вопросах сохранения и укрепления цивилизационной идентичности российских регионов / Ю. С. Путрик, А. П. Соловьев // Культурологический журнал. – 2023. – № 2 (52). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/618.html&j_id=56 (дата обращения: 11.06.2025).

260. Рабочая группа Свода памятников истории и культуры Украины по АР Крым. Свод памятников истории и культуры Автономной Республики Крым / ред. кол. С. В. Павличенко, А. И. Айбабин, А. В. Ачкинази, В. А. Колотухин, С. Г. Колтухов, В. Л. Мыц, А. И. Филатов, А. В. Хливнюк. – Симферополь: Республиканский комитет по охране культурного наследия АР Крым, 2002. – 120 с.

261. Рева, Е. С. Из истории развития сквера «Дружбы народов» города Краснодар // Культурный ландшафт регионов. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 72–81.

262. Резник О. В. Сохранение и популяризация культурного наследия как направление деятельности музеев Крыма / О. В. Резник, И. Ф. Стельмах, А. В. Швецова // Культурное наследие России. – 2018. – № 3. – С. 74–79.

263. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; [пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян]. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

264. Романько, О. В. Память о предательстве: образ коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе /

О. В. Романько, Е. В. Просолова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – Т. 28. – 2023. – № 1. – С. 240–249.

265. Ромах, О. В. Сущность и природа культурных артефактов / О. В. Ромах, Т. С. Лапина // Аналитика культурологии. – 2010. – № 17. – С. 55–59.

266. Рубин, В. А. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи / В. А. Рубин, Е. В. Спиридонова // Человек и культура. – 2019. – № 5. – С. 54–64.

267. Рубин, В. А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: 24.00.01: автореф. дис. … д-ра культурологии. / Владимир Александрович Рубин; Челябинский государственный институт культуры. – Челябинск, 2021. – 40 с.

268. Рубин, В. А. Историко-культурные и правовые основания бытования объектов памяти (на примере памятников монументального искусства) / В. А. Рубин, М. Л. Шуб // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – № 2. – С. 52–58.

269. Рубин, В. А. Сущностные параметры военно-мемориального наследия как феномена культуры / В. А. Рубин, Е. В. Спиридонова, М. Л. Шуб // Культура и искусство. – 2020. – № 9. – С. 55–67.

270. Руев, В. Л. Правовые аспекты сохранения объектов культурного наследия в период интеграции Республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 году Историческое наследие Крыма. 2018 : сб. ст. / В. Л. Руев, В. Г. Зарубин. – Симферополь : ООО «Антиква», 2019. С. 5–7.

271. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: URSS, 2001. – Вып. 7. – 392 с.

272. Савченко, А. С. Медицинские эксперименты немецких врачей на территории 1-й Советской больницы Симферополя в годы нацистской

оккупации (1941–1942 гг.) / А. С. Савченко // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12. – № 4. – С. 38–47.

273. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А. П. Садохин. – Москва: КИОРУС, 2014. – 254 с.

274. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: 24.00.01: автореф. дис. … д-ра культурологии / Алексей Владимирович Святославский; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2011. – 53 с.

275. Сенюшкина, Т. А. Анализ социально-политических процессов в Крыму / Т. А. Сенюшкина // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – С. 123–131.

276. Сибиряков, И. В. Образ Севастополя в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны / И. В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 47–55.

277. Синицын, Ф. Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) / Ф. Л. Синицын // Известия Саратовского университета. Сер.: «История. Международные отношения». – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 29–39.

278. Сирота, Н. А. Дороги мира и войны: Документальная повесть / Н. А. Сирота. – Симферополь: Таврия, 1987. – 208 с.

279. Скрипниченко-Коровяковская, Г. А. Правда о разведчице «Лесной» / Г. А. Скрипниченко-Коровяковская. – Симферополь: Таврия, 1990. – 168 с.

280. Смирнова, А. А. Отсутствие как памятник. Статья 2* / А. А. Смирнова, И. В. Леонов, И. В. Кириллов // Человек. Культура. Образование. – 2023. – № 3. – С. 41–58.

281. Смирнова, Т. В. Образ Севастополя периода Великой Отечественной войны в советском художественном кино / Т. В. Смирнова, А. А. Каримов // сборник материалов IV международного научного форума, 75-летию Крымской наступательной операции 1944 года и 5-летию воссоединения Севастополя и Крыма с Россией / отв. ред. А. П. Кабаченко. – Севастополь: Издательство ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2019. – С. 172–174.

282. Смирнов, З. Р. О деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым / З. Р. Смирнов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – С. 131–133.

283. Соколова, М. В. Что такое историческая память? / М. В. Соколова // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 7. – С. 38–40.

284. Соколов, А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) / А. А. Соколов // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9.– С. 203–215.

285. Соломина, И. Ю. К вопросу об организации военно-исторического туризма в Севастополе / И. Ю. Соломина, Д. Д. Малышева // Таврические студии. – 2019. – № 18. – С. 20–21.

286. Спокойна ли ваша совесть? // Социалистическая индустрия. – 1988. – № 169. – 22 июля. – С. 6.

287. Степанченко, О. В. Региональная политика как объективный фактор функционирования социально-культурного проектирования //

Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – М., 2009. – № 1. – С. 157–163.

288. Степанян, О. Елена Мокрицкая: «Мы один народ и не должны об этом забывать»: беседа с продюсером фильма «Битва за Севастополь» Н. Мокрицкой / О. Степанян // Курьер культуры: Крым-Севастополь. – 2015. – № 7. – С. 6.

289. Суворов, Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность / Н. Н. Суворов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4. – С. 76–80.

290. Трофимов, А. В. Визуальные образы Великой Отечественной войны в советском послевоенном кино / А. В. Трофимов // Исторический курьер. – 2020. – № 3. – С.113–124.

291. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – Москва: Наука, 1991. – 632 с.

292. Флиер, А. Я. Культурная политика и стратегии культурных взаимодействий // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 5 . – С. 10–18.

293. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – Москва: Академический Проект, 2000. – 496 с.

294. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С. 40–41.

295. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – 424 с.

296. Хмелевская, Ю. Ю. О мемориализации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии / под ред. И. Р. Нарского и др. – Челябинск, 2004. – С. 7–21.

297. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 308 с.

298. Хобсбаум, Э. Эхо «Марсельезы» / Э. Хобсбаум. – Москва: «Интер-Версо», 1991. – 272 с.

299. Хубер Ф. За дверью поджидают призраки: драма послевоенной семьи в Германии / Ф. Хубер ; [пер. с нем. А. Н. Анваера]. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. – 288 с.

300. Черкасски, А. Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне / А. Черкасски // Былые годы. – 2012. – № 3. – С. 82–89.

301. Шакирова, Е. Ю. Основополагающие характеристики российского социокультурного пространства / Е. Ю. Шакирова // Вестник Поволжского института управления. – 2014. – № 3. – С. 99–107.

302. Шенкао, М. А. Изучение ментальностей во французской школе «Анналов» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 1. – С. 60–62.

303. Шляхова, П. С. Туристический кластер Крыма: современное состояние и перспективы развития / П. С. Шляхова, Е. А. Матушевская // Крымский научный вестник. – 2018. – № 3. – С. 15–23.

304. Шуб, М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов: монография / М. Л. Шуб; Челябинский государственный институт культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – 283 с.

305. Шуб, М. Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала / М. Л. Шуб // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 72–87.

306. Шуб, М. Л. Место памяти о Великой Отечественной войне в структуре локальной идентичности (на примере Южного Урала) / М. Л. Шуб // XXIV Уральские социологические чтения «Молодежь, образование и общественная память»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 22–23 мая 2025 года). – Екатеринбург: ООО Издательский дом «Ажур», 2025. – С. 141–142.

307. Юренева Т. Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России // Культурное наследие России 2022. – № 4. – С. 104–113.

308. Юрчак, А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак; [пер. с англ. А. Юрчак]. – Москва: Новое литературное обозрение, 2024. – 664 с.

309. Кармазіна, Н. В. Нариси розвитку історичного краэзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / За ред. Та вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Сімферополь: Таврія, 2005. – 177 с.

310. Prott, L. V. Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage // Recueil des Cours. – 1989. – Vol. 5. – P. 225.

311. Rudling, A. Repatriating An Edifying Past: The Diaspora Ukrainian Authoritarian Right and Power Over Memory, 1991–2021 / A. Rudling // Nationalities Papers. – 2024. – № 52. – pp. 1308–1331.

312. Sakal, H. B. Germany and Turkestanis during the Course of the World War II (1941–1945) / H. B. Sakal. – Ankara: Bilkent University, 2010. – 207 p.

313. Tulving, E. Précis of Elements of episodic memory / E. Tulving // Behavioral and Brain Sciences: journal. – 2010. – Vol. 7. – № 2. – pp. 223–238.

314. Tumarkin, N. The Great Patriotic War as myth and memory / N. Tumarkin // European Review. – 2003. – Vol. 11. – № 4. – pp. 601–602.